ПЯТИКРАТНЫЙ ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АГАТЫ КРИСТИ ЗА ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ ГОДА

ЛУИЗА ПЕННИ

Убийственно тихая жизнь

Блестящий дебют, покоривший весь мир и получивший сразу пять престижнейших детективных премий!

Annotation

Блестящий дебют в жанре детективного романа! Премии «John Creasy New Bloody Dagger», «Arthur Ellis Award», «Anthony Award», «Dilys Award», «Barry Award»!

Роман «Убийственно тихая жизнь» открывает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша – нового персонажа, созданного пером Луизы Пенни, ставшей единственным в мире пятикратным лауреатом премии Агаты Кристи.

Старший инспектор Арман Гамаш из полиции Квебека приступает к расследованию подозрительной смерти в деревне Три Сосны, что к югу от Монреаля. Тело Джейн Нил, бывшей учительницы, которая пользовалась всеобщей любовью и уважением, найдено в лесу на окраине деревни. Смерть наступила в результате выстрела из лука. Местные жители уверены, что это несчастный случай на охоте, но у Гамаша возникает смутное предчувствие, что не все здесь так очевидно. И искать нужно не незадачливого стрелка, а безжалостного убийцу…

Впервые на русском языке!

Луиза Пенни
Убийственно тихая жизнь

Louise Penny
STILL LIFE

Глава первая

Мисс Джейн Нил встретилась со своим Создателем ранним воскресным утром, в День благодарения. Это стало для всех большой неожиданностью. Смерть мисс Нил не была естественной, если только не считать, что все происходящее свершается в соответствии с неким планом свыше. Если так, то Джейн Нил на протяжении всех своих семидесяти шести лет шла к этому последнему мгновению, когда смерть настигла ее в великолепном кленовом лесу на окраине деревни Три Сосны. Она упала, раскинув руки и ноги в стороны, словно хотела сделать ангела в ярких шуршащих листьях.

Старший инспектор Арман Гамаш из Квебекской полиции опустился на колени, которые при этом издали звук, похожий на выстрел из охотничьего ружья; его большие выразительные руки замерли над крохотной капелькой крови, запятнавшей ворсистый кардиган Джейн, как будто Гамаш хотел, подобно волшебнику, залечить рану и вернуть женщину к жизни. Но это было ему не по силам. Не было у него такого дара. К счастью, он обладал другими талантами. Он наклонился над телом, и в нос ему ударил запах нафталина – запах духов его бабушки. Ласковые и добрые глаза Джейн смотрели на него с удивлением.

А он с удивлением смотрел на нее. Это была его маленькая тайна. Нет-нет, он никогда прежде не видел эту женщину. Дело не в этом. Его маленькая тайна состояла в том, что в пятьдесят пять лет, на вершине долгой и теперь явно застопорившейся карьеры, насильственная смерть все еще продолжала удивлять его. Это было странно для главы отдела по расследованию убийств и, возможно, составляло одну из причин, по которой он не поднялся выше по служебной лестнице в циничном мире полиции. Гамаш всегда надеялся, что кто-то ошибся и никакого мертвого тела нет. Но, глядя на холодеющее тело мисс Нил, ошибиться было нельзя. Поднявшись на ноги с помощью инспектора Бовуара, Гамаш задумчиво застегнул свой перелицованный плащ «Берберри», спасаясь от октябрьского холода.

Несколькими днями раньше у Джейн Нил была другая встреча, на которую она опоздала. Она договорилась со своей дорогой подружкой и соседкой Кларой Морроу выпить кофе в деревенском бистро. Клара сидела за столиком у окна и ждала. Терпеливость не относилась к числу ее

добродетелей. А cafй au lait[1] вкупе с нетерпением создавало взрывоопасную смесь. Слегка взбудораженная, Клара смотрела через окно на деревенский луг, на старые дома и клены вдоль Общественной улицы. Деревья, приобретавшие изумительные оттенки красного и янтарного цвета, были, пожалуй, единственным, что менялось в этой почтенной деревне.

В обрамлении окна Клара увидела, как по рю Дю-Мулен движется пикап, из кузова которого безжизненно свешивается голова самки пятнистого оленя. Пикап медленно проехал по Общественной улице, сражая на месте жителей деревни своей добычей. Стоял охотничий сезон, и здесь была охотничья территория. Но охотники такого рода приезжали в основном из Монреаля и других городов. Они арендовали пикапы и в поисках оленей разъезжали по грунтовым дорогам на рассвете и в вечерних сумерках, как бегемоты во время кормежки. Увидев оленя, они останавливали машину, выходили из нее и стреляли. Конечно, не все охотники так поступали, но и таких было немало. Вот эти-то удальцы и считали своим долгом погрузить убитое животное в кузов и проехать по деревне, выставляя напоказ свою великую победу.

Каждый год охотники убивали коров, лошадей, всякую домашнюю живность и даже друг друга. И как это ни невероятно, иногда кое-кто из них стрелял в самого себя, видимо в приступе психоза, принимая себя за отбивную. Умным людям известно, что некоторые охотники – не все, а некоторые – с трудом отличают сосну от куропатки или человека.

Клара не понимала, что случилось с Джейн. Та опаздывала редко, так что это было простительно для нее. Клара легко прощала большинство человеческих недостатков. Слишком уж легко, как часто ворчал ее муж Питер. Но у Клары была маленькая тайна. На самом деле она далеко не все выбрасывала из головы. Большинство вещей – да, уходили, не оставляя следа. Но некоторые она тайно пестовала и вызывала в те минуты, когда ей требовалось утешение, чтобы забыть невнимательность и грубость других людей.

На экземпляре «Монреаль газетт», лежащем на столе, скопились крошки от круассана. Между крошками виднелись заголовки: «Квебекская партия голосует за проведение референдума о независимости», «Изъятие наркотиков в поселках», «Туристы заблудились в Тремблант-парке».

Клара оторвала глаза от этих мрачных заголовков. Они с Питером давно перестали выписывать монреальские газеты. Неведение и в самом деле оказалось благодатью. Они предпочитали местную «Уильямсбург каунти ньюс», где могли прочесть о корове Уэйна, или о приезде внуков к

Гилену, или о лоскутном одеяле, проданном на аукционе для дома престарелых. Время от времени Клара спрашивала себя, уж не прячут ли они голову в песок, не бегут ли от действительности и ответственности. А потом понимала, что ей все равно. К тому же она узнавала все, что ей требовалось, прямо здесь, в бистро Оливье, в центре Трех Сосен.

– До тебя миллион миль, – раздался знакомый и любимый голос.

На лице у Джейн гуляла улыбка, испещренное морщинками смеха лицо порозовело от осенней прохлады и быстрой пробежки из ее дома через деревенский луг.

– Извини, опоздала, – прошептала она на ухо Кларе, когда две подружки обнялись: одна – миниатюрная, пухленькая, слегка запыхавшаяся, другая – на тридцать лет моложе ее, стройная, все еще не отошедшая от действия кофеина. – Ты вся дрожишь, – сказала Джейн. Она села и заказала себе cafй au lait. – Не знала, что ты будешь так волноваться.

– Ах ты, старая карга, – рассмеялась Клара.

– Да, этим утром именно такой я и была. Ты слышала, что произошло?

– Нет, а что? – Клара, жадная до новостей, подалась вперед.

Они с Питером ездили в Монреаль – покупали холсты и краски для работы. Оба были художниками: Питер – успешным, Клара – еще не признанным, и ее друзья подозревали, что она таковой и останется, если будет продолжать в том же непостижимом ключе. Клара не могла не согласиться с тем, что ее серия маток-воительниц практически потеряна для покупающей публики, а вот ее предметы быта с пышными прическами и громадными ногами имели некоторый успех. Одну картину она продала. Остальные, в количестве приблизительно пятидесяти штук, валялись в подвале, сильно напоминающем студию Уолта Диснея.

– Нет, – сказала искренне потрясенная Клара несколько минут спустя.

За двадцать пять лет, что она прожила в Трех Соснах, ей даже слышать не приходилось ни о каких преступлениях. Единственная причина, по которой двери в домах закрывались, состояла в том, чтобы не дать соседям в период сбора урожая подбросить в дом корзиночки с кабачками. Правда, как было ясно из заголовков в «Газетт», в это время собирали и еще один урожай, масштабами не уступавший кабачкам, – урожай марихуаны. Но те, кто этим не занимался, старались ничего такого и не замечать.

Никаких других преступлений в деревне не случалось. Ни взломов, ни вандализма, ни нападений. В Трех Соснах даже полиции не было. Время от времени Робер Лемье с местными полицейскими проезжал по Общественной улице, чтобы продемонстрировать полицейские значки, но нужды в них не было.

До этого утра.

– Может, это была шутка? – спросила Клара, заставляя себя забыть мерзкую сцену, обрисованную Джейн.

– Да нет, какая там шутка, – сказала Джейн, вспоминая. – Один из мальчишек смеялся. Теперь, когда я об этом думаю, мне кажется, в этом смехе было что-то знакомое. Это такой смех, когда тебе вовсе не смешно. – Джейн посмотрела на Клару своими голубыми глазами. Глазами, полными недоумения. – Я слышала этот звук, когда учительствовала. Слава богу, не часто. Этот звук производят мальчишки, когда они что-нибудь портят и получают от этого удовольствие. – Ее пробрала дрожь при этом воспоминании, и она поплотнее закуталась в кардиган. – Отвратительный звук. Я рада, что тебя там не было.

Она сказала это в тот момент, когда Клара потянулась через круглый стол темного дерева, взяла маленькую руку Джейн в свою и всем сердцем пожалела, что там оказалась Джейн, а не она.

– Ты говоришь, это были обычные мальчишки?

– На них были такие штуки – лыжные маски, так что я не уверена, но мне кажется, я их узнала.

– И кто же это?

– Филипп Крофт, Гас Хеннесси и Клод Лапьер, – шепотом перечислила Джейн, оглядываясь, не слышит ли кто.

– Ты уверена?

Клара знала всех троих. Их нельзя было назвать примерными бойскаутами, но в подобных вещах они прежде не были замечены.

– Нет, не уверена, – призналась Джейн.

– Лучше тогда никому не говорить.

– Уже поздно.

– Что значит «поздно»?

– Я назвала эти имена сегодня утром, когда все и происходило.

– Назвала их шепотом?

Клара почувствовала, как холодеют кончики пальцев и кровь устремляется внутрь, к самому сердцу. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», – безмолвно взмолилась она.

– Я закричала. – Видя реакцию Клары, Джейн поспешила оправдаться: – Я хотела их остановить – и это подействовало. Они прекратили.

Джейн все еще представляла себе убегающих мальчишек, как они, спотыкаясь, мчатся по Дю-Мулен из деревни. Один, в ярко-зеленой маске, обернулся и посмотрел на нее. С его рук все еще капал утиный помет. Помет, которым осенью удобряли цветочные клумбы на деревенском лугу,

и в этот день его еще не успели разнести. Джейн хотела бы увидеть лицо этого мальчика. Он был разозлен? Испуган? Или ему было забавно?

– Значит, ты была права. Я имею в виду их имена.

– Вероятно. Вот уж не думала, что мне доведется такое увидеть.

– Так ты поэтому опоздала? Нужно было привести себя в порядок?

– Да. Вернее, нет.

– Нельзя ли пояснее?

– Пожалуй. Ты ведь состоишь в жюри следующего арт-шоу в Уильямсбурге?

– Да. Встречаемся сегодня днем. Питер тоже в жюри. А что?

Клара даже дышать перестала. Неужели это оно? Неужели Джейн согласилась – после стольких уговоров и мягкого подзуживания, а иногда и не очень мягкого подталкивания?

– Я готова. – Джейн выдохнула с такой силой, что на колени Кларе полетел с газеты целый шквал крошек от круассана. – Я припозднилась, потому что мне нужно было принять решение, – медленно проговорила Джейн, и ее руки начали дрожать. – У меня есть картина, которую я хочу выставить.

Сказав это, она начала плакать.

Искусство Джейн было в Трех Соснах общеизвестной «тайной». Время от времени кто-нибудь, отправившись в лес или в поле, натыкался на нее, сосредоточенную на своем холсте. Но она заставляла такого человека поклясться, что он не будет приближаться, не будет смотреть, будет отводить глаза, словно стал свидетелем какого-то неприличия, и уж конечно никогда не будет об этом заикаться. Клара видела Джейн сердитой всего один раз – это случилось, когда Габри подошел к ней сзади, а она в этот момент сидела за работой. Он думал, Джейн шутит, когда требует, чтобы никто не смотрел на ее творения.

Он ошибался. Джейн была убийственно серьезна. После того случая прошло несколько месяцев, прежде чем дружеские отношения между ними восстановились. Оба чувствовали себя преданными. Впрочем, их добрые души и взаимная привязанность залечили эту рану. Но случившееся послужило всем уроком.

Никто не должен был видеть творения Джейн.

До этого дня, судя по всему. Но теперь художницу настолько переполняли эмоции, что она не смогла сдержать слезы. Клара пришла в ужас. Она украдкой огляделась, отчасти в надежде, что их никто не видит, а отчасти с тайной мыслью, что кто-то видит и сумеет помочь. Потом она задала себе простой вопрос, который всегда был при ней и к которому она

обращалась как к молитве: что сделала бы на ее месте Джейн? И получила ответ: Джейн позволила бы ей выплакаться всласть. Позволила бы ей швыряться тарелками, будь у нее такая потребность. И Джейн не убежала бы. А по окончании бури она бы обняла Клару, утешила, дала бы ей понять, что она не одна. Что друг всегда рядом. И потому Клара сидела, смотрела и ждала. Она знала эту мучительность бездействия. Понемногу рыдания стихли.

Клара поднялась с преувеличенным спокойствием, обняла Джейн и почувствовала, как старое тело подруги вернулось в свое обычное состояние. Она прочла маленькую благодарственную молитву богам, которые даруют благодать. Благодать слез и благодать сочувствия.

– Джейн, я и не подозревала, что для тебя это так мучительно – демонстрировать свое творение. Прости.

– О нет, дорогая. – Джейн протянула руки через стол и накрыла ими ладони Клары. – Ты не понимаешь. Это не слезы боли. Нет. Меня переполняет радость. – Джейн устремила взгляд куда-то вдаль и кивнула, словно разговаривая сама с собой. – Наконец-то.

– А как она называется, твоя картина?

– «Ярмарочный день». На ней изображено заключительное шествие ярмарки.

И вот в пятницу перед Днем благодарения картину установили на пюпитр в галерее искусств Уильямсбурга. Она была завернута в бумагу из мясницкой лавки и перевязана бечевкой, будто спеленатый ребенок, для защиты от холодной и жестокой стихии. Питер Морроу медленно, методично развязал узелки и потянул бечевку, пока не вытянул всю ее длину. Затем он намотал ее себе на ладонь, как пряжу. Клара готова была убить его. Она готова была завизжать, вскочить со стула, оттолкнуть его в сторону. Бросить этот жалкий моток бечевки на пол, да и самого Питера вместе с ним, сорвать вощеную бумагу с холста. Лицо ее стало еще спокойнее, хотя глаза начали вылезать из орбит.

Питер аккуратно отогнул бумагу с одного угла, потом с другого, разгладил складки. Клара понятия не имела, что у прямоугольника столько углов. Она чувствовала, как кромка стула врезается ей в ягодицы. Остальные члены жюри, собравшиеся, чтобы вынести свое мнение о поданных картинах, смотрели со скучающим видом. Клара волновалась за всех них.

Наконец все уголки были разглажены и бумага готова к снятию. Питер повернулся к четырем остальным членам жюри и произнес маленькую

речь, прежде чем представить их взорам картину. Он чувствовал, что нужно сказать что-то короткое и изысканное. Немного обрисовать ситуацию, немного… И тут его взгляд упал на багровое лицо жены с выпученными глазами. Питер знал: когда Клара впадает в такое состояние, речей лучше не произносить.

Он тут же повернулся к картине и снял с нее оберточную бумагу, представляя «Ярмарочный день» на суд жюри.

У Клары отвисла челюсть. Голова дернулась и поникла, словно внезапно потеряла опору. Глаза расширились, дыхание остановилось. Она будто умерла на мгновение. Вот, значит, он каков, «Ярмарочный день». Ей нечем было дышать. То же самое, видимо, чувствовали и другие члены жюри. Полукруг лиц выражал различную степень недоумения. Даже председатель, Элиз Джейкоб, хранила молчание. И вообще, выглядела так, будто ее хватил удар.

Клара не любила судить работы других людей, и данный случай был худшим за все время. Она ругала себя последними словами за то, что убедила Джейн представить свое первое творение для публичного показа на суд жюри, в которое входила сама Клара. Что это было – тщеславие? Или обычная глупость?

– Работа называется «Ярмарочный день», – прочла Элиз свои записи. – Представлена Джейн Нил из Трех Сосен. Джейн на протяжении длительного времени поддерживала арт-шоу в Уильямсбурге, но свою работу представляет впервые. – Элиз оглядела присутствующих. – Будут комментарии?

– Это замечательно, – солгала Клара.

Остальные посмотрели на нее с удивлением. На пюпитре стоял холст без рамки, и предмет картины не вызывал сомнения. Лошади были похожи на лошадей, коровы – на коров, все люди были узнаваемы не только как человеческие существа, но и как конкретные жители деревни. Но все нарисованные фигуры состояли из палочек, кружочков и точек, как будто их нарисовал первобытный художник. Или, по крайней мере, художник, стоящий на одну ступеньку выше первобытного на эволюционной лестнице. В сражении между армией человечков-палочек и этими людьми из «Ярмарочного дня» победили бы люди «Ярмарочного дня», и только потому, что у них имелось чуть больше мышц. И пальцев. Но было ясно, что эти люди существуют всего в двух измерениях. Стараясь понять, на что она смотрит, и пытаясь не делать очевидных сравнений, Клара не могла избавиться от чувства, что перед ней наскальная живопись, перенесенная на холст. Если у неандертальцев были ярмарки, то на одну из них жюри

сейчас и взирало.

– Mon Dieu[2]. Мой четырехлетний сын нарисует лучше, – сказал Анри Ларивьер, проводя очевидное сравнение.

Анри был рабочим на карьере, а потом в один прекрасный день обнаружил, что камень говорит с ним. И стал слушать. После этого для него уже не было возврата к прежнему, хотя его семейство и тосковало по тем дням, когда он приносил домой пусть и небольшие, но деньги, а не высекал громадные каменные скульптуры. Его лицо сейчас, как всегда, было широким, грубым и непроницаемым, но за него говорили руки. Они были повернуты ладонями вверх в простом и красноречивом жесте недоумения. Ларивьер пытался найти подходящие слова, зная, что Джейн в приятельских отношениях с некоторыми членами жюри. Наконец он прекратил поиски и обратился к истине:

– Это ужасно.

Но возможно, его определение было слишком мягким в сравнении с тем, что он думал на самом деле.

На полотне Джейн сочными яркими красками было показано шествие перед закрытием ярмарки. Свиньи отличались от коз только своим ярко-красным цветом. Дети походили на низкорослых взрослых. «На самом деле, – подумала Клара, неуверенно подаваясь вперед, словно опасалась, что холст может нанести ей еще один удар, – это даже не дети. Это просто маленькие взрослые». Она узнала Оливье и Габри, которые вели голубых кроликов. С трибун за шествием наблюдали люди, многие из них были изображены в профиль, они смотрели друг на друга или в противоположные стороны. Некоторые – таких было не много – смотрели на Клару. На всех щеках красовались идеально ровные красные круги, которые, видимо, должны были означать здоровый румянец. Это было ужасно.

– Ну, по крайней мере, тут все ясно, – сказала Айрини Кальфа. – Отклонено.

Клара почувствовала, как у нее онемели и похолодели конечности.

Айрини Кальфа была гончаром. Она брала комки глины и превращала их в изящные изделия. Она изобрела новый способ глазировки, и теперь гончары со всего мира искали с ней знакомства. Но конечно, совершив паломничество в студию Айрини Кальфа в Сен-Реми и проведя пять минут с «богиней глины», они понимали, что сделали ошибку. Она была одним из самых поглощенных собой и мелочных людей на лике планеты.

Клара не могла понять, как человек, начисто лишенный обычных человеческих эмоций, способен создавать такие прекрасные вещи. «Тогда

как сама ты тщетно бьешься, как рыба об лед», – говорил тоненький голосок в ее голове.

Поверх своей кружки она бросила взгляд в сторону Питера. У него к щеке прилипла шоколадная крошка, и Клара инстинктивно отерла собственное лицо, при этом случайно запачкала волосы грецким орехом. Даже с этим шоколадным мазком на лице Питер притягивал внимание. Он обладал классической красотой. Высокий, широкоплечий, как лесоруб, а не как тонкий художник, каким он был. Его волнистые волосы поседели, в уголках глаз и на чисто выбритом лице появились морщинки, а очки он теперь носил постоянно. В свои пятьдесят с небольшим он выглядел как бизнесмен, пустившийся в рискованное предприятие. По утрам Клара часто просыпалась и смотрела на него, спящего, и ей хотелось пробраться ему под кожу, свернуться вокруг его сердца и защитить его.

Голова Клары действовала как магнит для всякой еды. Она была Кармен Мирандой[3] для всяких печеных изделий. Питер же был безукоризненным. Он мог бы попасть под грязевой поток и вернуться домой более чистым, чем вышел. Но иногда – очень редко и потому особенно приметно – его естественная аура изменяла ему и что-нибудь прилипало к его лицу. Клара знала, что нужно бы ему сказать. Но не сказала.

– А вы знаете, – произнес Питер, и даже Айрини посмотрела на него, – по-моему, это здорово.

Айрини фыркнула и бросила многозначительный взгляд на Анри, но тот проигнорировал ее. Питер нашел взглядом Клару и на несколько мгновений задержался на ней, проверяя свои ощущения. Когда Питер входил в комнату, он всегда обводил ее взглядом, пока не находил Клару. И тогда он успокаивался. Внешний мир видел высокого, значительного человека и его растрепанную жену и спрашивал, почему они вместе. Некоторые, и в первую очередь мать Питера, даже считали этот брак преступлением против природы. Клара была его центром жизни, воплощением всего хорошего, здорового, счастливого вокруг него. Глядя на нее, он не видел непокорных, растрепанных волос, помятых платьев, дешевых очков в роговой оправе. Нет, он видел в ней свою безопасную гавань. Но в данный момент он увидел также кусочек грецкого ореха в ее волосах, что было весьма характерным знаком. Он инстинктивно поднес руку к собственным волосам и смахнул шоколадную крошку со щеки.

– Что вы видите? – спросила Элиз у Питера.

– Если честно, не знаю. Но я знаю, что мы должны принять эту работу.

Этот короткий ответ придал его мнению даже больше весомости.

– Это рискованно, – заметила Элиз.

– Согласна, – сказала Клара. – Но что самое худшее может случиться? Люди, пришедшие на выставку, подумают, что мы совершили ошибку? Так они всегда это думают.

Элиз согласно кивнула.

– Я скажу вам, в чем риск, – произнесла Айрини с интонацией, подразумевающей «вам, идиотам». – Мы живем за счет сообщества и едва сводим концы с концами. Единственная наша ценность – это доверие к нам. Если вдруг появится мнение, что мы принимаем работы, основываясь не на их реальных достоинствах, а потому, что мы – группа приятелей и нам нравится художник, тут нам и конец. Вот в чем риск. Никто не будет относиться к нам серьезно. Художники откажутся представлять свои работы из опасения, что и их репутация будет подмочена. Люди перестанут приходить, потому что будут знать: здесь они увидят дерьмо вроде… – Она замолчала, как будто ей не хватило слов, и просто показала на холст.

И тут Клара увидела это. Некую искру, вспыхнувшую на периферии ее сознания. На одно мгновение «Ярмарочный день» засверкал. Отдельные части сложились воедино, потом этот миг прошел. Клара поняла, что задерживает дыхание, но еще она поняла, что перед ней великое произведение. Она, как и Питер, не могла объяснить почему, но в это мгновение мир, казавшийся перевернутым, встал на свое место. Ей стало ясно, что «Ярмарочный день» – выдающаяся работа.

– Я думаю, это не просто хорошая работа. Я думаю, это блестящая работа, – сказала она.

– Да бога ради. Вы что, не видите – она говорит это, чтобы поддержать мужа?

– Айрини, мы слышали ваше мнение. Продолжайте, Клара, – сказала Элиз.

Анри подался вперед, стул под ним застонал.

Клара встала и медленно подошла к полотну на пюпитре. Оно тронуло ее таким чувством утраты и печали, что она едва сдержалась, чтобы не расплакаться. Как такое возможно? – спрашивала она себя. Изображения были такие детские, такие примитивные. Почти глупые – с танцующими гусями и улыбающимися людьми. Но здесь было что-то еще. Что-то лежащее за пределами ее понимания.

– Я прошу прощения. Это так неловко, – сказала она, чувствуя, как горят ее щеки, – но я не могу это объяснить.

– Давайте отложим «Ярмарочный день» в сторону и вернемся к нему, когда посмотрим другие работы.

Остальная часть собрания прошла гладко. Солнце садилось, и, когда они вернулись к «Ярмарочному дню», в комнате стало еще холоднее, чем вначале.

Питер включил свет и водрузил работу Джейн на пюпитр.

– D’accord[4]. У кого-нибудь изменилось мнение касательно «Ярмарочного дня»? – спросила Элиз.

Молчание.

– Значит, двое за то, чтобы принять, и двое против.

Элиз спокойным взглядом посмотрела на «Ярмарочный день». Она шапочно была знакома с Джейн Нил, и ей нравилось то, что она видела. Джейн всегда казалась Элиз благоразумной, доброй и мыслящей женщиной. Человеком, с которым приятно проводить время. Почему же она создала такую неряшливую, детскую вещь? Но… И тут новая мысль пришла ей в голову. Не то чтобы слишком оригинальная или новая для самой Элиз, но новая сегодня.

– «Ярмарочный день» принят. Он будет демонстрироваться вместе с другими работами.

Клара радостно подпрыгнула, опрокинув стул.

– Да бросьте вы, – сказала Айрини.

– Все правильно. Прекрасная работа. Вы обе подтвердили мою точку зрения. – Элиз улыбнулась.

– Какую точку зрения?

– По какой-то причине «Ярмарочный день» задевает нас. Он нас трогает. Вызывает у нас гнев, – сказала Элиз, отдавая дань справедливости словам Айрини. – Вызывает недоумение… – Короткий, но многозначительный взгляд на Анри, который кивнул седеющей головой. – Вызывает… – Взгляд в сторону Питера и Клары.

– Радость, – откликнулся Питер в тот самый момент, когда Клара произнесла:

– Печаль.

Они переглянулись и рассмеялись.

– Так вот, я смотрю на картину и чувствую то же, что и Анри, – обычное недоумение. Но все дело в том, что я не в силах определить, то ли это блестящий пример наивного искусства, то ли никчемные каракули совершенно бездарной, выжившей из ума старой женщины. Вот в чем противоречие. И вот почему картина должна быть выставлена. Могу гарантировать, что именно об этой работе люди будут больше всего говорить в кафе после вернисажа.

– Отвратительно, – сказала Рут Зардо позднее тем вечером, опершись на трость и отхлебнув виски.

Друзья Питера и Клары собрались в их гостиной у потрескивающего камина на обед в канун Дня благодарения.

Это было затишье перед боем. Завтра понаедут родня и друзья и наверняка задержатся на весь долгий уик-энд Дня благодарения. В лесу будет полно туристов и охотников – не самое удачное сочетание. На деревенском лугу в субботу утром будет проведен ежегодный матч по тачболу[5], а после него будет устроен овощной рынок – последнее отчаянное усилие распродать томаты и кабачки. Вечером разведут костер, и Три Сосны наполнятся великолепным запахом горящих листьев и дерева с подозрительными оттенками гаспачо.

Три Сосны не были обозначены на туристских картах, потому что деревня находилась слишком далеко от магистральных и даже второстепенных дорог. Как и Нарнию[6], ее обычно обнаруживали неожиданно и удивлялись, что такая старая деревня все это время пряталась здесь, в долине. Тот, кому повезло попасть в Три Сосны один раз, обычно возвращался сюда. И День благодарения в начале октября был для этого идеальным временем. Погода, как правило, в это время стояла ясная, чуть морозная, летние ароматы старых садовых роз и флоксов замещались терпким запахом осенних листьев, дымка костров и жареной индейки.

Оливье и Габри пересказывали события сегодняшнего утра. Их описание было таким ярким, что все в уютной гостиной живо представили себе трех мальчишек в лыжных масках, набирающих полные горсти утиного помета на краю деревенского луга. Мальчишки подняли руки, помет просачивался у них между пальцами, и тут они принялись швырять его в старое кирпичное здание. Вскоре на белых и голубых навесах с надписью «Кампари» появились грязные потеки, коричневатая жижа потекла по стенам. Вывеска «Бистро» оказалась вся заляпана. За несколько мгновений безупречно чистый фасад кафе в самом центре деревни Три Сосны стал грязным, и не только от утиного помета. Деревню осквернили наполнившие воздух слова «Пидоры! Гомосеки! Dйguelasse!», выкрикиваемые мальчишками в масках.

Слушая Оливье и Габри, Джейн вспоминала, как вышла из своего маленького каменного коттеджа по другую сторону луга и поспешила к бистро, из которого появились Оливье и Габри. Мальчишки удовлетворенно вскричали и принялись – небезуспешно – целиться в двух мужчин.

Джейн ускорила шаг, жалея, что ноги у нее полные, а не длинные. И тут она увидела, как Оливье сделал нечто совершенно необычное. Пока мальчишки кричали, продолжая кидаться пометом, Оливье медленно, обдуманно, мягко взял руку Габри, немного подержал ее, а потом элегантно поднес к губам. Мальчишки застыли на месте, глядя, как Оливье губами, испачканными пометом, целует испачканную пометом руку Габри. Мальчишек этот акт любви и вызова ошеломил. Но всего лишь на несколько секунд. Их ненависть восторжествовала, и они удвоили усилия.

«А ну, прекратите это!» – твердо сказала Джейн.

Руки замерли в полузамахе, инстинктивно реагируя на властный голос. Все трое как один повернулись и увидели маленькую Джейн Нил в платье в цветочек. Она строго смотрела на них. Один из мальчишек в оранжевой маске завел было руку, чтобы швырнуть пометом в нее.

«Только посмейте, молодой человек!»

Он помедлил, и Джейн хватило этого времени, чтобы заглянуть в глаза каждому из них.

«Филипп Крофт, Гас Хеннесси и Клод Лапьер», – медленно и четко проговорила она.

И это остановило их. Они побросали помет и побежали мимо Джейн вверх по холму. Тот, на котором была оранжевая маска, рассмеялся. Звук был такой грязный – превосходил даже помет. Один из парней повернулся и посмотрел назад, а другие врезались в него и поволокли дальше вверх по Дю-Мулен.

Случилось это сегодня утром, а уже казалось похожим на сон.

– Это было отвратительно, – сказал Габри, соглашаясь с Рут. Он сел в одно из старых кресел, обивка которого набралась тепла из камина. – Они, конечно, были правы. Я действительно гей.

– И, – подхватил Оливье, присаживаясь на подлокотник кресла Габри, – довольно гомосексуальный.

– Я стал одним из самых впечатляющих гомосексуалов Квебека, – сказал Габри, перефразируя Квентина Криспа[7]. – От моих взглядов дух захватывает.

Оливье рассмеялся, а Рут подбросила в огонь еще одно полено.

– Ты и в самом деле выглядел очень впечатляюще сегодня утром, – сказал Бен Хадли, лучший друг Питера.

– Неужели как настоящий землевладелец?

– Скорее как обитатель медвежьего угла.

В кухне Клара встретила Мирну Ландерс.

– Стол выглядит замечательно, – сказала Мирна, стягивая с себя куртку, под которой оказалась яркая фиолетовая кофта, и Клара удивилась, как это Мирне удалось протиснуться в дверь.

Гостья принесла свой вклад в вечернее застолье – цветочную композицию.

– Куда это поставить, детка?

Клара вытаращилась на цветы. Как и сама Мирна, ее букеты были громадными, пышными и неожиданными. В этой композиции присутствовали кленовые и дубовые ветки, тростник с речушки Белла-Беллы, протекавшей за книжной лавкой Мирны, яблочные ветви, на которых еще оставалось несколько яблок, и большие пучки трав.

– Это что?

– Где?

– Вот здесь, в середине композиции.

– Колбаса.

– Обычная колбаса?

– Угу, а посмотри-ка вот сюда… – Мирна ткнула пальцем в переплетение стеблей.

– «Избранные сочинения У. Х. Одена[8]», – прочла Клара. – Ты шутишь.

– Это для мальчиков.

– А что там еще? – Клара обозрела огромную композицию.

– Дензел Вашингтон. Только Габри не говори.

В гостиной Джейн продолжала рассказывать историю:

– …Потом Габри сказал мне: «Я получил удобрения для вас. Именно так Вита Сэквилл-Уэст[9] и носила их всегда».

Оливье прошептал на ухо Габри:

– Ты очень гомосексуален.

– Разве ты не рад, что хотя бы один из нас таков? – Старая и удобная шутка.

– Ну как вы? – спросила Мирна, выходя из кухни в сопровождении Клары, и обняла Габри и Оливье.

Питер налил Мирне виски.

– Думаю, у нас все в порядке. – Оливье поцеловал Мирну в обе щеки. – Удивительно, почему этого не случилось раньше. Мы здесь уже сколько живем? Двенадцать лет?

Габри, набивший рот камамбером, кивнул.

– И вот впервые за эти годы нас попытались унизить. В самый первый раз меня побили за неправильную ориентацию, когда я был еще мальчишкой, в Монреале, несколько взрослых дядек. Вот это был ужас.

Все продолжали молчать, и лишь поленья потрескивали в камине, создавая звуковой фон для рассказа Оливье.

– Они поколотили меня тростями. Забавно, но, когда я вспоминаю, это и было самым мучительным в том происшествии. Не синяки и царапины, а то, что, прежде чем ударить, они тыкали в меня тростью. – Он показал рукой, как они это делали. – Словно я не человек.

– Это необходимый первый шаг, – сказала Мирна. – Они сначала как бы обесчеловечивают жертву. Ты это хорошо объяснил.

Она знала, о чем говорит. До своего приезда в Три Сосны Мирна работала психотерапевтом в Монреале. И, будучи чернокожей, часто видела на лицах людей то единственное в своем роде выражение, которое появляется, когда на тебя смотрят как на мебель.

Рут обратилась к Оливье, меняя тему разговора:

– Я была в подвале и нашла там кое-какие вещички. Подумала, может, ты продашь их для меня?

Подвал Рут был ее банком.

– Прекрасно. Что за вещи?

– Да кое-что из рубинового стекла…

– О, замечательно. – Оливье любил цветное стекло. – Ручное дутье?

– Ты что, меня за идиотку держишь? Конечно ручное дутье.

– Ты уверена, что они тебе больше не нужны? – Оливье всегда задавал этот вопрос своим друзьям.

– Прекрати меня об этом спрашивать. Думаешь, я завела бы разговор, будь у меня какие-то сомнения?

– Старая сука.

– Шлюха.

– Ну хорошо, расскажи мне о них, – сказал Оливье.

Вещи, которые Рут доставала из подвала, и в самом деле были невероятными. У нее словно имелась нора, прорытая в прошлое. Там было много мусора вроде старых сломанных кофеварок и перегоревших тостеров. Но от большинства других вещей у Оливье сердце заходилось. Корыстный торговец антиквариатом в нем (а эта личность составляла гораздо бóльшую часть его существа, чем он готов был признать) был в восторге оттого, что имеет эксклюзивный доступ к сокровищам Рут. Ему иногда снились сны наяву об этом подвале.

Но если сокровища Рут возбуждали его, то при мыслях о доме Джейн

он просто слюной истекал. Он готов был убить, чтобы увидеть, что там у нее за кухней. В одной ее кухне антиквариата было на десятки тысяч долларов. Когда он по настоянию паникера Габри впервые появился в Трех Соснах, то чуть не потерял дар речи, увидев линолеум в прихожей Джейн. Если у нее прихожая – настоящий музей, а кухня – сокровищница, то что, черт возьми, скрыто в других помещениях? Оливье выкинул из головы эту мысль, подумав, что его, скорее всего, ждет разочарование. «IKEA». И ворсистый ковер. Он давно уже перестал спрашивать себя, почему Джейн никогда никого не приглашает за распашную дверь в ее гостиную и дальше.

– Что касается удобрений, Джейн, – сказал Габри, согнувшись всем своим мощным телом над одним из пазлов Питера, – то я смогу доставить их вам завтра. Вам нужна помощь по саду?

– Нет, там уже почти все сделано. Но наверное, в последний раз. Мне это становится не по силам.

Габри с облегчением услышал, что его помощи не требуется. Разобраться с собственным садом тоже требовало немалых трудов.

– У меня есть много деток розового алтея, – сказала Джейн, вставляя на место кусочек пазла с голубым небом. – А как вам понравились бархатцы? Что-то я их у вас не заметила.

– Я их сажал прошлой осенью, но они никогда не называли меня мамочкой. Вы мне еще не дадите? Могу поменять на монарду.

– Боже, не делайте этого.

Монарда была цукини цветочного мира. Она играла значительную роль на осеннем базаре и была незаменима в костре на День благодарения, от нее исходил сладковатый запах бергамота, а потому возникало ощущение, будто во всех домах деревни заваривают чай «Эрл Грей».

– Мы рассказывали о том, что случилось сегодня после вашего ухода? – театральным голосом сказал Габри, отчего все уши в комнате насторожились. – Мы готовили горошек для вечера…

Клара закатила глаза и прошептала Джейн:

– Должно быть, потеряли открывашку.

– …и тут раздался звонок и появились Мэтью Крофт и Филипп.

– Не может быть! И что дальше?

– Филипп пробормотал: «Я сожалею о том, что случилось утром».

– А вы что ему сказали? – спросила Мирна.

– Мы сказали: «Докажи это», – ответил Оливье.

– Не верю! – вскричала Клара со смехом.

– Поверь, я так и сделал. В его извинении не было искренности. Он сожалел, что его поймали, и беспокоился о последствиях. Но я не поверил,

что он раскаивается в содеянном.

– Совесть и трусость, – сказала Клара.

– Ты это о чем? – спросил Бен.

– Оскар Уайльд говорил, что совесть и трусость в сущности одно и то же. Мы не совершаем преступления не потому, что этого не позволяет совесть, – мы просто боимся быть пойманными.

– Интересно, так ли оно на самом деле, – сказала Джейн.

– А ты могла бы? – спросила Мирна у Клары.

– Совершить преступление, если бы я знала, что оно сойдет мне с рук?

– Изменить Питеру, – предложил Оливье. – Ограбить банк. А еще лучше – украсть работу другого художника.

– Да все это детские игрушки, – фыркнула Рут. – Нет, давайте уж для примера возьмем убийство. Могла бы ты наехать на кого-нибудь своей машиной? Или отравить кого-нибудь? Или сбросить в Белла-Беллу во время половодья? Или же… – она огляделась вокруг, на ее озабоченном лице играли теплые отблески пламени из камина, – или же мы могли бы поджечь дом и не спасти людей.

– Кого ты имеешь в виду, когда говоришь «мы», белая женщина? – спросила Мирна.

– Если по правде, – сказала Клара, – то я, пожалуй, смогла бы все, кроме убийства. – Она посмотрела на Рут, которая заговорщицки ей подмигнула.

– Представьте себе мир, в котором ты можешь делать все что угодно. Что душа пожелает. И тебе все сходит с рук, – сказала Мирна, снова возвращаясь к теме. – Какая власть в твоих руках! Кто бы не поддался соблазну в таких обстоятельствах?

– Джейн не поддалась бы, – уверенно заявила Рут. – А вот что касается всех остальных… – Она пожала плечами.

– А ты? – спросил у нее Оливье, раздраженный тем, что его подспудные мысли выволокли на всеобщее обозрение.

– Я? Ну, ты ведь успел хорошо меня узнать, Оливье. Я была бы хуже всех. Я бы обманывала, крала и превратила ваши жизни в ад.

– Еще худший, чем теперь? – спросил все еще уязвленный Оливье.

– Теперь ты тоже в списке, – ответила Рут.

И Оливье вспомнил, что ближайшим аналогом полицейского подразделения в деревне была добровольная пожарная команда и он был ее членом, а Рут – головой. И когда Рут Зардо приказывала отправляться на пожар, ты подчинялся. Она была страшнее горящего здания.

– А ты что скажешь, Габри? – спросила Клара.

– Бывали случаи, когда я настолько выходил из себя, что был готов убить. И возможно, убил бы, если бы знал, что мне за это ничего не будет.

– Что же тебя так бесило? – удивленно спросила Клара.

– Предательство, всегда и только предательство.

– И как ты поступал? – спросила Мирна.

– Шел на психотерапию. Там я с ним и познакомился. – Габри накрыл руку Оливье своей. – Мне кажется, мы оба ходили к психотерапевту на год дольше, чем требовалось, чтобы встречаться в приемной.

– Не глупо ли? – сказал Оливье, убирая с лица прядь редеющих светлых волос. Они напоминали шелк и все время ниспадали ему на глаза, какими бы шампунями и бальзамами он ни пользовался.

– Можешь смеяться сколько угодно, но ничто не происходит случайно, – сказал Габри. – Не было бы предательства, не было бы и озлобления. Не было бы озлобления, не было бы психотерапии. Не было бы психотерапии, не было бы Оливье. Не было бы Оливье, не было бы…

– Хватит. – Оливье поднял руки. – Сдаюсь.

– Мне всегда нравился Мэтью Крофт, – сказала Джейн.

– Он у тебя учился? – спросила Клара.

– Давно. С первого по последний класс в старой здешней школе. Пока ее не закрыли.

– Не понимаю, зачем это сделали, – проворчал Бен.

– Бога ради, Бен, школу закрыли двадцать лет назад. Проснись. – Только Рут могла это сказать.

Приехав в Три Сосны, Мирна первое время спрашивала себя, не перенесла ли Рут удар. Мирна из собственной практики знала, что люди, перенесшие инсульт, иногда плохо контролируют себя. Когда она спросила об этом у Клары, та ответила, что если у Рут и был инсульт, то матки. Насколько знала Клара, Рут всю жизнь была такой. «Тогда почему все ее любят?» – спросила Мирна. Клара рассмеялась и пожала плечами: «Знаешь, я иногда и сама задаю себе этот вопрос. Она, конечно, та еще штучка. Но я думаю, сердце у нее доброе».

– Как бы там ни было, – заговорил Габри, возвращаясь к теме, – Филипп согласился добровольно отработать пятнадцать часов – будет убирать территорию у бистро.

– Но ему это не очень понравилось, – сказал Питер, вставая.

– Ты угадал, – ухмыльнулся Оливье.

– Я хочу предложить тост, – сказал Габри. – За наших друзей, которые встали сегодня рядом с нами. За наших друзей, которые все утро помогали нам убирать бистро.

Мирна уже замечала этот феномен – способность некоторых людей обращать неприятные события в торжество. Она думала об этом утром, когда, отскребая помет, остановилась на мгновение, чтобы посмотреть на людей, молодых и старых, пришедших на помощь. И она была одной из них. Мирна снова благословила тот день, когда решила оставить город, обосноваться здесь и продавать книги этим людям. Она наконец-то обрела дом. Потом перед ее мысленным взором возник другой образ, забывшийся за утренней суетой. Образ Рут, опирающейся на трость, Рут, отвернувшейся от остальных, так что только Мирна видела, как морщилась от боли эта старая женщина, когда опустилась на колени и принялась молча скрести плитку у входа. И делала это все утро.

– Обед готов, – сказал Питер.

– Великолепно. Как у моей мамочки. Это «Ле Сьёр»? – спросила несколько минут спустя Джейн, поднося ко рту вилку с порцией горохового пюре с подливкой.

– Bien sыr[10]. От месье Беливо, – кивнул Оливье.

– Да бога ради! – воскликнула Клара на другом конце стонущего от восторга соснового стола. – Обычный консервированный горошек. Из гастронома. А еще называет себя шеф-поваром!

– «Ле Сьёр» – золотой стандарт консервированного горошка. Сохраните его, мисси, и на следующий год у вас будет безымянный бренд. Не надо благодарностей, – театральным шепотом проговорил Оливье, обращаясь к Джейн. – И на День благодарения тоже. Позор.

Они ели при свете свечей разнообразных форм и размеров, расставленных повсюду в кухне. На тарелках громоздились индейка, фаршированная каштанами, сваренные в сахаре батат и картошка, гороховое пюре с подливкой. Каждый принес что-нибудь к столу, кроме Бена, который не готовил. Но зато он принес вино. Это были их обычные сборища, и Клара с Питером могли их себе позволить только за счет складчины.

Оливье наклонился к Мирне:

– Очередная выдающаяся цветочная композиция.

– Спасибо. Кстати, там спрятано кое-что для вас двоих.

– Правда?

Габри вскочил в мгновение ока. Длинные ноги перенесли его мощное тело через кухню к цветочной композиции. В отличие от Оливье, который всегда был сдержанным и даже разборчивым, как кот, Габри больше походил на сенбернара, хотя и без слюней. Он внимательно рассмотрел сложное хитросплетение ветвей и вдруг взвизгнул:

– Я давно об этом мечтал. – И вытащил колбасу.

– Нет, это не твое. Это для Клары.

Все, а в особенности Питер, с тревогой посмотрели на Клару. Оливье вздохнул с облечением. Габри снова засунул руку в композицию и вытащил оттуда толстую книгу.

– «Избранные сочинения У. Х. Одена». – Габри попытался скрыть разочарование. Но особо не старался. – Я его не знаю.

– О, Габри, тебя ждут приятные открытия, – сказала Джейн.

– Ну все, я больше не могу терпеть, – внезапно проговорила Рут, наклоняясь над столом к Джейн. – Жюри приняло твою работу?

– Да.

Это слово будто привело в действие пружины в их стульях, все повскакали с места и потянулись к Джейн, которая, стоя, радостно принимала их объятия. Она сияла ярче любой из свечей в комнате. Отступив на мгновение, Клара оглядела своих гостей, и сердце ее сжалось, дух воспарил; она почувствовала себя счастливой оттого, что является частью этого мгновения.

– Большие художники вкладывают немалую часть своего «я» в свои творения, – сказала Клара, когда все снова сели.

– А какой особый смысл у «Ярмарочного дня»? – спросил Бен.

– Нет, это было бы обманом. Вы должны сообразить сами. Все должно быть понятно. – Джейн с улыбкой повернулась к Бену: – Ты поймешь, я уверена.

– Почему картина называется «Ярмарочный день»? – спросил он.

– Она была нарисована на ярмарке округа в день заключительного шествия.

Джейн многозначительно посмотрела на Бена. Его мать, ее подружка Тиммер, умерла в тот день. Неужели это было всего месяц назад? Вся деревня присутствовала на том шествии, кроме Тиммер, которая в одиночестве умирала от рака в своей постели. Ее сын в это время был в Оттаве на аукционе антиквариата. Клара и Питер сообщили ему печальную новость. Клара никогда не забудет этого выражения на лице Бена, когда Питер сообщил ему о смерти матери. Не скорби и даже пока не боли. А полного неверия. И он был не один такой.

– Зло не выставляет себя напоказ и всегда имеет человеческое лицо, оно разделяет с нами постель и ест с нами за одним столом, – произнесла Джейн едва слышно. – Это Оден, – пояснила она, кивая на книгу в руках Габри, и своей улыбкой сняла неожиданно возникшее и необъяснимое напряжение.

– Я мог бы проскользнуть туда и посмотреть на «Ярмарочный день» до начала выставки, – сказал Бен.

Джейн глубоко вздохнула:

– Я бы хотела после открытия выставки пригласить вас всех к себе. В гостиную. – Если бы она сказала «пригласить всех в голом виде», это произвело бы меньший эффект. – У меня есть для вас маленький сюрприз.

– Ты не шутишь? – проговорила Рут.

Гости с желудками, полными индейки и тыквенного пирога, портвейна и кофе, разбредались по домам. Лучи их фонариков скакали, как огромные светляки. Они провели приятный, ничем особо не примечательный вечер среди друзей в канун Дня благодарения. Клара провожала взглядом Джейн, которая двигалась по петляющей через лесок тропинке, соединявшей их дома. Джейн уже давно исчезла из виду, но луч ее фонарика все еще был заметен – яркий белый свет блуждал там, словно краб-отшельник. И только услышав нетерпеливый лай Люси, собаки Джейн, Клара закрыла дверь. Джейн была дома. В безопасности.

Глава вторая

Арману Гамашу позвонили в День благодарения, в тот момент, когда он выходил из своей монреальской квартиры. Его жена Рейн-Мари уже сидела в машине, и единственная причина, по которой он еще не уехал на крестины к внучатой племяннице, состояла в том, что ему вдруг приспичило воспользоваться удобствами.

– Oui, allo?

– Monsieur l'Inspecteur? – произнес вежливый молодой голос на другом конце. – Это агент Николь. Меня просил позвонить вам суперинтендант. Убийство.

Гамаш прослужил в Квебекской полиции не одно десятилетие, и большую часть этого времени – в отделе по расследованию убийств, но это слово до сих пор вызывало у него тяжелые чувства.

– Где? – спросил он, нашаривая ручку и блокнот, лежащие рядом со всеми телефонными аппаратами в их квартире.

– В маленькой деревне в Восточных кантонах. Три Сосны. Я смогу подъехать за вами через четверть часа.

– Ты, что ли, убил этого человека? – спросила Рейн-Мари, когда Арман сказал ей, что не сможет присутствовать на двухчасовой службе на жестких скамьях в незнакомой церкви.

– Если это я, то мы выясним. Хочешь поехать?

– А что бы ты стал делать, если бы я хоть раз согласилась?

– Я был бы рад, – искренне сказал Гамаш.

После тридцати двух лет брака он все еще радовался каждой минуте с Рейн-Мари. Он знал, что если она и окажется с ним когда-нибудь на расследовании убийства, то сумеет вести себя правильно. Она всегда знает, как поступать. Всегда сдержанная, всегда знающая, что делать. Он ей доверял.

И она опять поступила правильно, отклонив приглашение.

– Я им скажу, что ты опять напился, – сказала она, когда Гамаш спросил, будет ли расстроена ее семья его отсутствием.

– В прошлый раз, когда я не смог появиться, ты, кажется, сказала им, что я в центре исправительного воздействия?

– Да, и это сработало.

– Очень печально для тебя.

– Я страдаю за грехи мужа моего, – сказала Рейн-Мари, пересаживаясь

на водительское сиденье. – Не лезь на рожон, дорогой, – добавила она на прощание.

– Ни в коем случае, mon cœur[11].

Он вернулся в свой кабинет в квартире на втором этаже и посмотрел на огромную карту Квебека, занимающую целую стену. Его палец двинулся к югу от Монреаля, к Восточным кантонам и остановился у границы со Штатами.

– Три Сосны… Три Сосны, – повторил Гамаш, пытаясь найти эту деревню. – Может, она как-то по-другому называется? – спросил он себя, впервые не сумев найти нужный ему населенный пункт на этой крупномасштабной карте. – Может быть, по-французски – Trois Pin?

Нет, и такого названия тоже не было. Но это его не беспокоило, потому что найти эту деревню входило в обязанности Николь. Гамаш прошел по большой квартире, которую они купили в квартале Утремон, когда родились дети, и, хотя дети давно уже не жили с ними, место это никогда не казалось пустым. Достаточно было делить его с Рейн-Мари. На пианино стояли фотографии, книжный шкаф был до отказа забит книгами – свидетельство того, что в этом доме живут правильной жизнью. Рейн-Мари хотела повесить на стену благодарности, полученные Гамашем, но он мягко отказался. Каждый раз, когда он натыкался на благодарность в рамочке в стенном шкафу своего кабинета, он вспоминал не официальную церемонию в полиции, а лица мертвых и живых, не удостоившихся этой чести. Нет, эти рамочки не будут висеть на стенах его дома. А теперь поток благодарностей вообще иссяк – это случилось после дела Арно. Но Гамашу было вполне достаточно благодарности семьи.

Агент Иветт Николь рыскала по дому в поисках бумажника.

– Папа, ты наверняка видел его, – взмолилась она, кинув взгляд на настенные часы и отметив безжалостное движение минутной стрелки.

Ее отец замер на месте. Он видел ее бумажник. Взял его чуть раньше, чтобы положить туда двадцать долларов. Это была их маленькая игра. Он давал ей деньги, а она делала вид, что не замечает этого, хотя время от времени он возвращался домой с ночной смены в пивоварне и находил в холодильнике эклер с его именем, выведенным ее четким, почти детским почерком. Он взял ее бумажник несколько минут назад, чтобы сунуть туда деньги, но, когда раздался звонок, срочно вызывавший его дочь на службу, он сделал то, чего раньше ему и в голову не приходило. Спрятал бумажник вместе с ее удостоверением. Такой маленькой книжицей, для получения которой ей пришлось столько потрудиться. Он увидел, как она сбрасывает

подушки с дивана на пол, и понял, что она перевернет всю квартиру.

– Папа, помоги мне, я должна его найти.

Она посмотрела на него глазами, ставшими огромными от отчаяния. Почему он стоит посреди комнаты и ничего не делает? Ведь сейчас наступил такой важный момент в ее жизни, момент, о котором они говорили много лет. Сколько они мечтали вслух о том, что она станет агентом Квебекской полиции. И вот это наконец случилось благодаря ее упорным трудам и, если уж говорить откровенно, ее прирожденным следовательским талантам, и она получает возможность расследовать дело в команде Гамаша. Ее отец знал про него все. Следил за его карьерой по газетам.

«Твой дядюшка Сол мог бы сейчас работать в полиции, если бы не его лень, – говорил ей отец, покачивая головой. – Сам виноват. А ты знаешь, что происходит с неудачниками?»

«Они теряют свои жизни».

Она знала правильный ответ на этот вопрос. Ей с младенчества рассказывали семейную историю.

«Дядюшка Сол, твои бабушка и дедушка. Все. Теперь ты в семье самая умная, Иветт. Мы на тебя рассчитываем».

И она оправдала все ожидания – ее приняли на работу в полицию. За одно поколение ее семья прошла путь от жертв чехословацких властей до тех, кто устанавливает правила игры. С одного конца пистолета они переместились на другой.

И на новом месте ей нравилось гораздо больше.

Но теперь от потерявшегося бумажника с удостоверением зависело, воплотится ли ее мечта в жизнь, или она потерпит неудачу, как глупый дядюшка Сол. Часы отсчитывали секунды. Она сказала старшему инспектору, что будет у него через пятнадцать минут. Это случилось пять минут назад. У нее оставалось десять минут, чтобы проехать через весь город и купить по дороге кофе.

– Да помоги же мне, – взмолилась она, вытряхивая содержимое своей сумочки на пол гостиной.

– Вот он. – Ее сестра Анжелина вышла из кухни с бумажником и удостоверением в руке.

Николь чуть не упала на Анжелину, поцеловала ее и бросилась вон, схватив на ходу куртку.

Ари Никулаш смотрел на свою любимую младшую дочку, стараясь запомнить каждую клеточку ее драгоценного лица и не выдать отвратительного страха, угнездившегося в его желудке. Что он наделал,

внедрив эту дурацкую идею в ее голову! Никакой семьи в Чехословакии он не терял. Сочинил эту историю, чтобы иметь героическую ауру. Чтобы быть большим человеком в их новой стране. Но его дочь поверила в эту историю, – поверила, что когда-то были и глупый дядюшка Сол, и погибшая семья. А теперь это зашло слишком далеко. Он уже не мог сказать ей правду.

Она обняла его, клюнула в заросшую щетиной щеку. Он задержал ее, и она заглянула в его усталые, утомленные глаза:

– Не бойся, папа. Я тебя не подведу.

С этими словами она убежала.

У него лишь было время заметить, как крохотный локончик ее темных волос выбился из-за уха.

Иветт Николь нажала кнопку дверного звонка через пятнадцать минут после того, как повесила трубку. Она смущенно стояла на крыльце и оглядывалась. Квартал был привлекательный, неподалеку магазины и рестораны на рю Бернар. Утремон был зеленым районом, где обитала интеллектуальная и политическая элита французского Квебека. Прежде Николь видела старшего инспектора в управлении, он быстро шел по коридорам, всегда в сопровождении группы полицейских. Он был большой начальник и имел репутацию наставника для людей, которым повезло работать вместе с ним. Николь считала, что и ей повезло.

Гамаш быстро открыл дверь, надел твидовую шляпу и тепло улыбнулся девушке. Он протянул руку, и, мгновение поколебавшись, она пожала ее.

– Я старший инспектор Гамаш.

– Для меня большая честь.

Она открыла для него пассажирскую дверь автомашины без полицейской раскраски, и Гамаш безошибочно уловил запах кофе в бумажных стаканчиках из «Тима Хортона»[12] и еще один аромат. Бриош. Молодой агент выполнила домашнее задание. Кофе из фастфуда он пил, только расследуя очередное убийство. В его мозгу этот кофе настолько прочно был связан с командной работой, долгими часами, стоянием на морозе, влажными полями, что стоило Гамашу почуять этот запах из стаканчика, как сердце у него начинало учащенно биться.

– Я скачала предварительный доклад с места преступления. Распечатка лежит в папке сзади.

Николь махнула рукой в сторону заднего сиденья. Она ехала по бульвару Сен-Дени на шоссе, которое через мост Шамплена уходило за

город.

Остальной путь они проделали молча – Гамаш читал скудный отчет, прихлебывал кофе, жевал булочку и смотрел, как фермерские поля смыкаются вокруг Монреаля, потом переходят в холмы, затем в более высокие горушки, деревья на которых щеголяли осенней листвой. Они свернули с центральной магистрали Восточных кантонов на проселочную дорогу и минут через двадцать увидели побитый знак, сообщавший им, что Три Сосны находятся в двух километрах от этой второстепенной дороги. После двух-трех минут зубодробительной езды по грунтовой дороге, похожей на стиральную доску, их ожидал неизбежный парадокс. У пруда стояла старая каменная мельница, утреннее солнышко грело ее стены из плитняка. Вокруг росли клены, березы, дикая вишня, еще сохранявшие свои хрупкие листья, словно тысячи счастливых рук махали им, радуясь их приезду. И – полицейские машины. Змеи в раю. Впрочем, Гамаш знал, что полиция – это не зло. Змея обосновалась здесь до их приезда.

Гамаш сразу же направился к собравшимся здесь взволнованным людям. Приблизившись, он увидел, что дорога уходит вниз, постепенно вливаясь в живописную деревню. Растущая толпа стояла на кромке холма. Кто-то смотрел в лес, где работали полицейские в ярко-желтых куртках, но большинство глядели на него, на Гамаша. Он видел такое выражение лица бессчетное количество раз – у людей, отчаянно ждущих новостей, которых они отчаянно не хотят знать.

– Кто это? Вы можете сказать нам, что случилось? – спросил за всех высокий человек благородной наружности.

– Прошу прощения, я еще не был на месте преступления. Как только у меня будет информация, я поделюсь с вами.

Этот ответ не устроил человека, но он кивнул. Гамаш посмотрел на часы: одиннадцать, воскресенье, День благодарения. Он отвернулся от толпы и пошел туда, куда они смотрели, – туда, где в лесу наблюдалось движение и где его ждало одно-единственное место полного покоя.

Участок вокруг тела и работающих с ним полицейских, которые наклонялись словно в каком-то языческом ритуале, был огорожен желтой полицейской лентой. Большинство из агентов работали с Гамашем не первый год, но у него всегда оставалось одно открытое место для стажера.

– Инспектор Жан Ги Бовуар, это агент Иветт Николь.

Бовуар галантно поклонился:

– Добро пожаловать.

В свои тридцать пять Жан Ги Бовуар вот уже более десяти лет был заместителем Гамаша. На нем были вельветовые брюки и шерстяной

свитер под кожаной курткой, шея залихватски обмотана шарфом. Вид у него был намеренно небрежный, что гармонировало с его тренированным телом, но входило в противоречие с его напряженным состоянием. При внешней расхлябанности Жан Ги Бовуар был весьма сосредоточен.

– Спасибо, сэр, – ответила Николь и подумала: сможет ли она когда-нибудь чувствовать себя на месте убийства так же легко, как эти люди?

– Старший инспектор Гамаш, это Робер Лемье, – представил Бовуар молодого полицейского, уважительно стоявшего за полицейским кордоном. – Агент Лемье дежурил в полицейском отделении в Кауансвилле. Он принял вызов и немедленно прибыл на место преступления. Огородил его и потом вызвал нас.

– Все правильно, – сказал Гамаш, пожимая руку полицейскому. – Вам ничего не бросилось в глаза, когда вы приехали?

Этот вопрос, похоже, ошарашил Лемье, который надеялся всего лишь, что его не прогонят с места преступления и позволят остаться и наблюдать. Он никак не предполагал, что увидит Гамаша, а уж о том, чтобы отвечать на вопросы, у него и мыслей не было.

– Bien sыr, я тут видел одного человека, англичанина, судя по его одежде и бледному лицу. У англичан, как я замечаю, слабые желудки, – с удовольствием поделился он своим прозрением со старшим инспектором, хотя это откровение только что пришло ему в голову. Лемье понятия не имел, действительно ли англичане более склонны бледнеть, чем истинные франкоязычные квебекцы, но ему такое замечание показалось уместным. И еще он полагал, что англичане не имеют вкуса – одеваются как попало, и этот человек во фланелевой рубашке в клетку никак не мог быть франкоязычным. – Его зовут Бенджамин Хадли.

С другой стороны огороженного лентой участка Гамаш увидел человека средних лет, который сидел, прислонившись спиной к клену. Высокий, худой, он имел очень-очень больной вид. Бовуар проследил за направлением взгляда Гамаша и сказал:

– Это он нашел тело.

– Хадли? Владелец мельницы?

Бовуар улыбнулся. Он понятия не имел, откуда это известно его начальнику, однако Гамаш попал в самую точку.

– Да, это он. Вы с ним знакомы?

– Пока еще нет.

Бовуар поднял брови, в ожидании глядя на шефа, и Гамаш объяснил:

– На мельнице наверху есть выцветшая надпись.

– «Мельница Хадли»?

– У тебя хорошие дедуктивные способности, Бовуар.

– Это просто догадка, сэр.

Николь готова была себя лягнуть. Она ведь все время была вместе с Гамашем, но он заметил эту надпись, а она – нет. Что еще он заметил? И чего не заметила она? Она подозрительно посмотрела на Лемье. Он явно хотел понравиться старшему инспектору.

– Merci, агент Лемье, – сказала она и протянула руку, когда старший инспектор повернулся к ней спиной, разглядывая несчастного «англичанина». Лемье пожал ей руку, как она и рассчитывала, после чего Николь сказала: – Au revoir[13].

Лемье несколько секунд постоял неуверенно, переводя взгляд с нее на широкую спину Гамаша. Потом пожал плечами и ушел.

Арман Гамаш переключил внимание с живых на мертвеца. Сделав несколько шагов, он опустился на колени рядом с телом.

На открытые глаза Джейн Нил упал пучок волос, и у Гамаша возникло желание отвести его в сторону. Он понимал, что это прихоть, но ведь он был не лишен прихотливости. Он позволял себе некоторую свободу в этой области. Бовуар же, напротив, являл собой саму рациональность, что делало их команду весьма эффективной.

Гамаш молча смотрел на Джейн Нил, и Николь откашлялась, подумав, что он забыл, где находится. Но он не прореагировал. Не шелохнулся. Он и Джейн замерли во времени, оба уставились перед собой: один – вниз, другая – вверх. Потом Гамаш обвел взглядом тело: поношенный кардиган верблюжьей шерсти, голубая водолазка. Никаких драгоценностей. Может быть, ее ограбили? Нужно будет спросить у Бовуара. Твидовая юбка там, где и должна быть у упавшей женщины. На колготках пятно, но только в одном месте. Возможно, ее ограбили, но насилия совершено не было. Если только не считать насилием убийство.

Его темно-карие глаза остановились на ее руках в старческих пятнах. Это были грубые загорелые руки, не чуравшиеся работы в саду. На пальцах ни колец, ни следа от них. У Гамаша всегда возникало мучительное чувство, когда он смотрел на руки только что умершего человека, представляя себе предметы и людей, к которым эти руки прикасались. Представляя еду, лица, дверные ручки. Представляя все их движения, обозначавшие то грусть, то радость. И последнее движение, сделанное ими при попытке отвести смертельный удар. Самую острую боль вызывали у него руки молодых, которым никогда уже не суждено отвести со своего лба поседевшую прядь.

Он поднялся с помощью Бовуара и спросил:

– Она не была ограблена?

– Мы так не считаем. Мистер Хадли говорит, что никаких драгоценностей она не носила, даже сумочки при ней обычно не было. Он думает, что сумочку мы найдем в ее доме.

– А ключ от дома?

– Нет, не обнаружен. Но опять же, мистер Хадли говорит, что тут никто не запирает дома.

– Теперь будут.

Гамаш посмотрел на тело, на крохотную ранку – даже непонятно было, как такая малость могла убить человека. Размером всего с ноготок мизинца.

– Есть какие-либо предположения, чем нанесена рана?

– Сейчас охотничий сезон. Так что, возможно, это пуля, хотя я таких пулевых ранений в жизни не видел.

– Вообще-то, сейчас разрешена только охота с луками. С огнестрельным оружием – лишь через две недели, – сказала Николь.

Гамаш и Бовуар посмотрели на нее. Гамаш кивнул, и они втроем уставились на ранку, словно усилием воли пытались заставить ее заговорить.

– Где же тогда стрела? – спросил Бовуар.

– А выходная рана есть?

– Не знаю, – ответил Бовуар. – Мы пока не позволяли судмедэксперту ее трогать. – Он показал шефу на молодую женщину в джинсах и камуфляжной куртке с медицинским саквояжем.

– Пригласи ее сюда, – распорядился Гамаш.

– Monsieur l’Inspecteur, – сказала доктор Шарон Харрис, кивая, и опустилась на колени. – Она мертва уже часов пять или чуть меньше. Это пока предположение.

Доктор Харрис перевернула тело. К свитеру убитой прилипли сухие листья. Услышав неприятные звуки, Николь повернулась и увидела Бена Хадли – он стоял спиной к ним, согнувшись, и его рвало.

– Да, вот выходная рана.

– Спасибо, доктор. Мы вас здесь оставляем. Бовуар, идем со мной. И вы тоже, агент Николь. Бовуар, расскажи мне, что тебе известно.

Жан Ги Бовуар много лет проработал с Гамашем, они повидали немало трупов и крови, но каждый раз Бовуар поражался этой простой фразе: «Расскажи мне, что тебе известно». Она означала, что охота началась. Бовуар был альфа-самцом, а старший инспектор Гамаш – егермейстером.

– Убитую зовут Джейн Нил. Возраст – семьдесят шесть. Замужем никогда не была. Это нам сообщил мистер Хадли, который сказал, что

убитой было столько же лет, сколько и его матери, умершей месяц назад.

– Любопытно. Две пожилые женщины умирают в течение одного месяца в такой крохотной деревеньке. Возникает вопрос.

– У меня он тоже возник, и я его задал. Его мать умерла после длительной борьбы с раком. Она целый год была на грани жизни и смерти.

– Что еще?

– Мистер Хадли отправился в лес часов в восемь утра – это у него обычный утренний моцион. Тело мисс Нил лежало поперек тропинки. Не заметить его было невозможно.

– И что он сделал?

– Он говорит, что сразу же ее узнал. Он присел и слегка встряхнул ее. Думал, вдруг у нее удар или сердечный приступ. Говорит, уже собирался делать ей искусственное дыхание.

– Он что, не заметил ее остекленевших глаз? И того, что она холодна, как мрамор? – вмешалась Николь, чувствовавшая себя все более уверенно.

– А вы бы заметили?

– Конечно. Упустить это невозможно.

– Если только…

Гамаш приглашал ее возразить самой себе. Она не хотела этого делать. Она хотела быть правой. Но он, очевидно, думал, что она ошибается.

– Если только… Если только человек не в шоковом состоянии, наверное. – Ей пришлось признать, что такая маловероятная возможность существовала.

– Вы посмотрите на него. Он нашел тело три часа назад, а все еще не может прийти в себя. Его только что вырвало. Эта женщина была важна для него, – сказал Гамаш, глядя на Бена Хадли. – Если только он не прикидывается.

– Прошу прощения, сэр?

– Ну, засунуть два пальца поглубже в рот не так уж трудно. Очень впечатляет. – Гамаш повернулся к Бовуару. – Кому-нибудь еще известно о смерти мисс Нил?

– На дороге стоит толпа местных, сэр, – сказала Николь.

Гамаш и Бовуар посмотрели на нее. Она поняла, что опять совершила ошибку. Пытаясь произвести впечатление и реабилитировать себя за предыдущую неудачу, она на самом деле сделала нечто противоположное. Ответила на вопрос, который был задан не ей, прервала начальника, предложив ему нечто понятное и трехлетнему ребенку. Гамаш, как и она, видел этих людей. Черт! У Николь мурашки поползли по спине, когда она поняла, что, пытаясь поразить их своей сообразительностью, добилась

обратного. Выставила себя идиоткой.

– Извините, сэр.

– Инспектор Бовуар?

– Я старался сохранить все в тайне. – Он обратился к Николь: – Посторонних сюда не пускали, а из наших людей никто не говорит о преступлении за периметром.

Щеки Николь покрылись багровым румянцем. Ей не нравилось, что ему пришлось объяснять это ей, а еще больше не нравилось то, что она нуждалась в таком объяснении.

– Но… – Бовуар пожал плечами.

– Пора поговорить с мистером Хадли, – сказал Гамаш и размеренным шагом направился к нему.

Бен Хадли наблюдал за ними и явно понял, что приехал главный начальник.

– Мистер Хадли, я – старший инспектор Арман Гамаш из Квебекской полиции.

Бен предполагал, что следствие будет вести франкоязычный канадец, возможно даже не владеющий английским, поэтому он несколько минут проговаривал на французском свои ответы на вероятные вопросы. Но вот этот безукоризненного вида человек с аккуратными усами, темно-карими глазами, глядящими на него поверх оправы полукруглых очков, в костюме-тройке (а этот плащ на нем не от «Берберри»?), в твидовой шляпе, из-под которой видны седеющие волосы, протянул ему большую руку, словно на каком-то официальном приеме, и заговорил на английском с британским акцентом. Однако Бен слышал отрывки его разговора с коллегами – и с ними он говорил на чистом французском. В Квебеке такое встречалось нечасто – чтобы люди говорили на обоих языках да к тому же безукоризненно. Но еще необычнее было встретить франкоязычного канадца, который говорил бы по-английски, как член палаты лордов.

– Это инспектор Жан Ги Бовуар и агент Иветт Николь.

Они обменялись рукопожатиями, хотя Николь слегка замешкалась, видимо не уверенная, чем именно он вытирал лицо, после того как его вырвало.

– Чем могу помочь?

– Прогуляемся в сторонку. – Гамаш показал на дорожку, ведущую в лес.

– Спасибо, – с искренней благодарностью сказал Бен.

– Примите мои соболезнования в связи со смертью мисс Нил. Она была вашим близким другом?

– Очень. Ведь она была моей учительницей.

Гамаш внимательно смотрел на Бена своими темно-карими глазами, воспринимая его слова без суждений или обвинений. Впервые за несколько часов Бен вздохнул с некоторым облегчением. Гамаш молча ждал продолжения рассказа Бена.

– Она была замечательной женщиной. Жаль, я плохо умею говорить, а то бы я описал ее вам.

Бен отвернулся, стыдясь слез, снова увлажнивших его глаза. Он сжал пальцы в кулаки и почувствовал желанную боль от ногтей, впивающихся в кожу. Такую боль он мог понять. Иная же лежала за пределами его понимания. Странно, но теперь боль была сильнее, чем месяц назад, когда умерла его мать. Он взял себя в руки.

– Я не понимаю, что случилось. Смерть Джейн не была естественной, верно?

– Да, мистер Хадли, не была.

– Ее кто-то убил?

– Расскажите о вашем сегодняшнем утре, пожалуйста.

Их шаги понемногу замедлились, и теперь они совсем остановились.

– Когда я увидел Джейн, она лежала…

Гамаш прервал его:

– Пожалуйста, с того момента, как вы проснулись.

Бен удивленно поднял брови, но начал рассказывать, как его попросили:

– Я проснулся около семи. Всегда встаю вместе с солнцем. Солнечные лучи попадают ко мне в спальню, а занавески на окнах я никогда не задергиваю. Я поднялся, принял душ, ну и все остальное. Покормил Дейзи.

Он внимательно вглядывался в их лица, пытаясь понять, достаточно ли подробно или, может быть, чересчур подробно рассказывает о событиях утра. Женщина-агент, судя по виду, пребывала в таком же замешательстве, как и он сам. Высокий привлекательный инспектор (Бен уже забыл их имена) записывал за ним. А босс смотрел на него с интересом и поощрительно.

– Потом мы отправились на прогулку, но у нее артрит, и сегодня утром она чувствовала себя неважно. Да, кстати, Дейзи – это собака. Ну, я отвел ее в дом, а сам пошел прогуляться. Было четверть восьмого. – Бен верно решил, что время для них важно. – Чтобы дойти до этого места, нужно всего несколько минут – вверх по дороге, мимо бывшей школы, а затем в лес.

– Вы никого не видели? – спросил Бовуар.

– Нет, не видел. Возможно, кто-то видел меня, но я никого не видел. Я вообще хожу, опустив голову и погрузившись в размышления. Я, бывало, проходил мимо людей, не замечая их. Мои друзья знают об этом и не обижаются. Вот я шел по тропе, и что-то заставило меня поднять голову.

– Пожалуйста, мистер Хадли, попытайтесь вспомнить. Если вы обычно ходите, опустив голову, то что же сегодня заставило вас поднять ее?

– Странно, правда? Не могу вспомнить. Но, как я уже сказал, я, к сожалению, всегда погружен в свои мысли. Ничего глубокого или важного. Моя мать посмеивалась надо мной, говорила, что некоторые пытаются быть в двух местах одновременно, я же – вообще неизвестно где.

Бен рассмеялся, но Николь подумала, что не подобает матери говорить такие вещи в адрес сына.

– Она, конечно, была права. Вот возьмите сегодняшнее утро. Прекрасный восход. Я иду по великолепному лесу. Он как на картинке, но я ничего не замечаю, ничем не восхищаюсь, разве что уже потом, когда я где-то в другом месте вдруг вспомню об этой прогулке. Мой мозг, кажется, всегда на один шаг отстает от тела.

– Почему вы подняли голову, сэр? – напомнил ему Бовуар.

– Даже не представляю, почему я это сделал. Но это было очень кстати, иначе я бы споткнулся о нее. Странно, но мне и в голову не пришло, что она мертва. Мне не хотелось ее тревожить. Я подошел к ней, стараясь не шуметь, и позвал по имени. И тут я отметил эту ее неподвижность, и мой мозг как будто взорвался. Я решил, что у нее удар. Или инфаркт.

Он покачал головой, до сих пор не в силах поверить в случившееся.

– А к ране вы не прикасались? – спросил Бовуар.

– Может, и прикоснулся. Я помню, что вскочил и отер руки о штанины. Я запаниковал и, словно… не знаю, как лучше сказать… словно истерический ребенок, принялся бегать кругами. Идиот! Как бы там ни было, но я взял себя в руки и по сотовому вызвал полицию.

– Любопытно, – сказал Гамаш, – зачем вы берете сотовый на прогулку в лес?

– Этот лес принадлежит моей семье, но каждый год охотники нарушают мое право собственности. К сожалению, я не храбрец, но я не выношу убийства. Все имеет право жить. У меня дома у каждого паука свое имя. Утром, отправляясь на прогулку, я беру с собой телефон. Отчасти из страха, что меня подстрелит какой-нибудь пьяный охотник и нужно будет вызвать помощь, отчасти для того, чтобы позвонить в департамент природных ресурсов и попросить прислать инспектора, если я встречу здесь кого-нибудь.

– И какой у них телефон? – дружелюбно спросил старший инспектор Гамаш.

– Не знаю. Он у меня в быстром наборе. У меня руки дрожат, когда я нервничаю, так что я его запрограммировал туда.

Бен выглядел встревоженным – впервые с начала разговора. Гамаш взял его под руку и повел дальше по тропинке:

– Вы меня извините за эти вопросы. Вы – важный свидетель, и, откровенно говоря, человек, обнаруживший тело, всегда оказывается в числе основных подозреваемых.

Бен остановился как вкопанный и с недоумением посмотрел на инспектора:

– Подозреваемых в чем? Вы что хотите сказать? – Он повернулся и взглянул в ту сторону, откуда они пришли и где лежало тело Джейн. – Там лежит Джейн Нил. Учительница на пенсии. Она выращивала розы и была главой Общества женщин англиканского вероисповедания. Это может быть только несчастный случай. Вы не понимаете. Никто не стал бы убивать ее намеренно.

Николь слушала их разговор и теперь с удовлетворением ждала, что старший инспектор осадит этого глупца.

– Вы абсолютно правы, мистер Хадли. Это самая вероятная гипотеза.

Иветт Николь не поверила своим ушам. Почему Гамаш не шуганет этого Хадли с его импровизированной трибуны, чтобы они могли поскорее заняться делом? Этот идиот переместил тело, а потом бегал тут кругами, уничтожая следы. Вряд ли такой тип имеет право читать лекции человеку столь высокопоставленному и уважаемому, как Гамаш.

– За те несколько часов, что вы здесь находились, вы не заметили ничего странного касательно этого места или самой мисс Нил?

Гамашу понравилось, что Бен, прежде чем ответить, ненадолго задумался, видимо не желая говорить очевидные вещи.

– Да. Люси. Ее собачка. Не припомню, чтобы Джейн выходила на прогулку без Люси. В особенности утром.

– Вы больше никому не звонили по сотовому?

Бен встрепенулся, будто ему предложили какую-то новую блестящую идею:

– Господи, какой же я идиот! Невероятно. Мне и в голову не пришло позвонить Питеру, Кларе или кому-то еще. Торчал здесь один – не хотел оставлять Джейн, да и полиции нужно было дождаться. Я даже не догадался попросить помощи у кого-то еще, кроме службы «девять-один-один». Наверное, я был настолько потрясен, что у меня голова не работала.

«А может быть, – подумала Николь, – ты и в самом деле идиот». Судя по всему, трудно было бы найти человеческое существо, более неприспособленное к жизни, чем Бен Хадли.

– Кто такие Питер и Клара?

– Питер и Клара Морроу. Мои лучшие друзья. Они живут рядом с Джейн. Джейн и Клара – они как мать и дочь. Бедняжка Клара. Как вы думаете, они уже знают?

– Давайте выясним, – сказал вдруг Гамаш и на удивление быстро зашагал назад по тропе к телу, а там остановился и сказал Бовуару: – Ты остаешься за старшего. Ты знаешь, что искать. Агент, вы остаетесь с инспектором и будете ему помогать. Который теперь час?

– Одиннадцать тридцать, сэр.

– Так. Мистер Хадли, в деревне есть ресторан или бистро?

– Да, есть бистро у Оливье.

– Собери всю команду у Оливье в час тридцать, – сказал Гамаш Бовуару. – Время ланча уже закончится, и все помещение будет в нашем распоряжении. Я правильно говорю, мистер Хадли?

– Вообще-то, сказать трудно. Когда деревня узнает, они все там соберутся. Бистро Оливье в Трех Соснах – это как Центральный вокзал в Монреале. Но у него есть еще комната, которую он открывает только на обед. Она выходит на реку. Он, наверное, откроет ее для вас и вашей команды.

Гамаш с любопытством посмотрел на Бена:

– Неплохая мысль. Инспектор Бовуар, я загляну туда и поговорю с месье Оливье…

– Оливье Брюле, так его зовут, – вставил Бен. – У него и его партнера Габриэля Дюбо есть это бистро и еще гостиничка.

– Я с ним поговорю и попрошу открыть для нас отдельную комнату на ланч. Вы не проводите меня в деревню, мистер Хадли? Я там еще не был.

– Да, конечно.

Бен чуть было не добавил «С удовольствием», но вовремя остановился. Этот полицейский излучал вежливость и некоторую долю официозности, и ты поневоле отвечал ему тем же. Хотя они были приблизительно одного возраста, у Бена возникло такое ощущение, будто он разговаривает со своим дедушкой.

– А вот и Питер Морроу.

Бен ткнул пальцем в толпу, которая, как по взмаху дирижерской палочки, повернулась в их сторону, когда они вдвоем вышли из леса. Бен указывал на высокого человека с встревоженным лицом – Гамаш уже

разговаривал с ним немного ранее.

– Я сейчас расскажу вам то, что могу, – обратился Гамаш к толпе приблизительно человек в тридцать. Он заметил, что Бен подошел к Питеру Морроу и встал рядом с ним. – Имя покойной – Джейн Нил. – Гамаш знал, что не следует смягчать такие удары фальшивыми словесными прокладками.

Кое-кто из собравшихся начал плакать. Некоторые закрыли рты руками, словно это были зияющие раны. Большинство поникло головой, как будто это знание было для них слишком тяжело. Питер Морроу посмотрел на Гамаша, потом на Бена.

Гамаш ничего не упустил. Мистер Морроу не был удивлен. И горя не продемонстрировал. Тревогу – да. Озабоченность – несомненно. Но вот была ли скорбь в выражении его лица?

– Но как? – спросил кто-то.

– Мы пока не знаем. Однако смерть была насильственной.

По толпе пронесся стон, непроизвольный и скорбный. Только Питер Морроу не издал ни звука.

– А где Клара? – Бен огляделся вокруг. Необычно было видеть их порознь.

Питер мотнул головой в сторону деревни:

– В Святом Томасе.

Трое мужчин нашли Клару в часовне – она сидела с закрытыми глазами, опустив голову. Питер остановился в распахнутых дверях, глядя на ее сгорбленную спину: она словно приготовилась к удару, который должен был обрушиться на нее. Он тихонько прошел по узкому проходу между скамьями с таким ощущением, будто плывет над своим телом и наблюдает за собственными движениями со стороны.

Немногим ранее священник принес новость, что в лесу за зданием прежней школы работает полиция. Беспокойство прихожан нарастало по мере того, как шла служба Дня благодарения. Вскоре крохотная церковь наполнилась шепотками, передающими тревожные слухи о несчастном случае на охоте. Женщина. Ранена? Убита. Ужасно. Ужасно. И в глубине души Клара уже знала, насколько это ужасно. Каждый раз, когда открывалась дверь и внутрь проникали солнечные лучи, она молилась о появлении Джейн: вот она войдет, опоздавшая, и рассыплется в извинениях. «Понимаешь, проспала. Как это глупо. Бедняжка Люси разбудила меня своим визгом – ей давно было пора прогуляться. Извини». Священник либо забыл о случившемся, либо не чувствовал трагедийности

ситуации – и продолжал бубнить свое.

Солнце проникало сквозь витражные окна с изображением мальчиков в форме Первой мировой войны, и на сосновом полу и дубовых скамьях играли синие и багряные лучи. В часовне стоял тот же запах, что и в любой другой маленькой церкви, где бывала Клара. Запах обетов, сосны и старых пыльных книг. Когда хор приступил к пению следующего церковного гимна, Клара повернулась к Питеру:

– Ты можешь пойти посмотреть, что там случилось?

Питер взял руку Клары и удивился – она была как ледышка. Он несколько секунд тер ее пальцы.

– Схожу и узнаю. Все будет хорошо. Посмотри на меня, – сказал он, пытаясь отвлечь ее мечущиеся мысли.

«Славь, душа, Господа», – запел хор.

Клара моргнула:

– Все будет хорошо?

– Да.

«Аллилуйя, аллилуйя, славь вечного Бога».

Прошел уже час, и все давно покинули церковь, включая священника, который опаздывал на службу в Клегхорн-Холте. Клара услышала, как открылась дверь, увидела квадрат света в проходе, очертания, знакомые даже в таком преломлении.

Питер постоял немного, а потом медленно направился к ее скамье.

И тогда сомнений у нее не осталось.

Глава третья

Клара сидела в кухне, опустошенная и ошеломленная непреодолимой потребностью забежать к Джейн и рассказать о том, что случилось. А то, что случилось, было совершенно немыслимо. Мир вдруг жестоко лишился Джейн. Лишился этого прикосновения, утешения, доброты. У Клары было такое чувство, будто ее выпотрошили – лишили не только сердца, но и мозга. «И почему мое сердце все еще бьется? – спрашивала себя Клара, глядя на свои аккуратно сложенные на коленях руки. – Я должна забежать к Джейн».

Выйдя из церкви, они, с разрешения Гамаша, взяли золотого ретривера Джейн по кличке Люси, и теперь собака, свернувшись калачиком, лежала у ног Клары, словно переживая свою немыслимую утрату.

Питер ждал, когда закипит чайник, чтобы можно было приготовить чай, и тогда все это пропадет, рассеется. Быть может, говорили его мозг и воспитание, за чаем и разговорами время повернется вспять и все плохое исчезнет. Но он слишком долго прожил с Кларой, и она видела его насквозь, так что все его попытки спрятаться от произошедшего были тщетны. Джейн больше нет. Ее убили. И ему нужно было утешить Клару, сделать так, чтобы все было хорошо. Вот только он не знал как. Обыскав кухонный шкаф – так хирург в военное время торопится найти нужный бинт для перевязки раненого, – Питер отложил в сторону чай «Йоги» и травяную смесь «Гармония», несколько секунд в сомнении смотрел на ромашку. «Нет-нет, сосредоточься», – сказал он себе. Питер знал: он где-то здесь, этот английский наркотик. И его рука ухватила коробочку как раз в тот момент, когда засвистел чайник. Насильственная смерть требовала «Эрла Грея». Наливая кипяток в заварной чайник, он посмотрел в окно и тут же почувствовал на руке обжигающие капли. На скамье посреди деревенского луга сидел в одиночестве старший инспектор Гамаш. Он вроде бы кормил птиц, но Питер тут же решил, что этого не может быть, и вернулся к важному занятию – приготовлению чая.

Арман Гамаш сидел на скамье и смотрел на птиц, но главным образом оглядывал деревню. Жизнь в деревне Три Сосны на его глазах замедлилась. Кипение, бурление, энергия поутихли. Голоса стали звучать тише, походки замедлились. Гамаш сидел и делал то, что умел лучше всего – наблюдал. Разглядывал людей, их лица, фиксировал действия, а если до него

доносились звуки голосов, брал на заметку их слова, хотя он, сидя на деревянной скамейке посреди травы, находился довольно далеко от них и слышал лишь отдельные слова. Он замечал, кто огорчен, а кто – нет. Кто обнимается, кто обменивается рукопожатием. Отмечал, у кого красные глаза, а кто ведет себя так, будто ничего и не случилось.

На дальнем конце луга росли три громадные сосны. Между Гамашем и соснами находился пруд, и несколько мальчишек в свитерах возились у воды – наверное, ловили лягушек. Деревенский луг находился, естественно, в центре деревни, его опоясывала улица под названием Общественная, застроенная жилыми домами, и только за спиной у Гамаша, похоже, располагался коммерческий квартал деревни. Очень маленький квартал. Насколько успел заметить Гамаш, весь квартал состоял из depanneur[14] (вывеска с логотипом пепси гласила «Беливо»), boulangerie[15], бистро и книжного магазина. От Общественной улицы отходили четыре второстепенные, словно спицы колеса или указатели стран света на компасе.

Гамаш сидел, наблюдал за жизнью в деревне и вдруг понял, как она прекрасна с ее старыми, выходящими на луг домами и их многолетними садами и деревьями. Каким естественным и безыскусным все было, и пелену горя, опустившуюся на это маленькое сообщество, люди несли с достоинством, скорбью и некоторой долей фамильярности. Эта деревня была старой, а старости всегда знакома скорбь. И утрата.

– Говорят, завтра ожидается дождь.

Гамаш поднял голову и увидел Бена со старой и – судя по запаху – разлагающейся собакой на поводке.

– Неужели? – Гамаш показал на место рядом с собой, и Бен сел, а Дейзи благодарно рухнула рядом с ним.

– Начнется утром. И похолодает.

Несколько мгновений они посидели молча.

– Вон там дом Джейн. – Бен показал на маленький каменный коттедж слева от них. – А дом неподалеку принадлежит Питеру и Кларе.

Гамаш перевел взгляд: этот дом был немногим больше, чем дом Джейн, и если ее был построен из плитняка, то этот – из красного кирпича в стиле, известном как «лоялист». Вдоль фасада шла простая деревянная веранда, на которой стояли два плетеных кресла-качалки. Рядом с дверью он увидел окно, и еще два – на втором этаже с жалюзи, выкрашенными в теплый темно-голубой цвет. В аккуратном садике перед домом росли розы, многолетники и фруктовые деревья. «Кажется, райские яблоки», – подумал Гамаш. Несколько деревьев, в основном кленов, разделяли дом Джейн Нил

и дом Морроу. Впрочем, теперь их разделяло нечто большее, чем деревья.

– А это мой дом, – сказал Бен, показывая на привлекательный старый особняк, обитый вагонкой, покрашенной в белый цвет. Внизу у дома была пристроена веранда, а наверху имелись три спальни. – Но я думаю, что вон тот дом наверху тоже принадлежит мне. – Он неопределенно махнул в сторону неба.

Гамаш решил, что Бен говорит метафорически или даже метеорологически. Потом его глаза с пушистых облачков опустились на крышу дома, прилепившегося к склону холма, по которому проходила дорога, ведущая из Трех Сосен.

– Мы владеем этим домом вот уже несколько поколений. Там и моя мать жила.

Гамаш не знал, что на это ответить. Он видел такие дома и раньше. Много раз. Они, как это стало известно Гамашу во время его учебы в Колледже Христа в Кембридже, назывались викторианскими махинами. Довольно живописное название. И Квебек, в первую очередь Монреаль, имел свою долю махин, построенных шотландскими баронами-разбойниками на деньги, заработанные на строительстве железных дорог, алкоголе и банковском деле. Эти дома держались на гордыне, а это не очень надежная опора, и многие из них разрушились уже много лет назад или были подарены Университету Макгилла, которому еще один викторианский монстр требовался не больше, чем вирус Эбола. Бен с любовью смотрел на свой дом.

– И вы переедете в большой дом?

– О да. Только там придется поработать. Некоторые его части просто как из фильма ужасов. В жутком состоянии.

Бен вспомнил, как он рассказывал Кларе о тех временах, когда они с Питером играли в войну в подвале и натолкнулись на змеиное гнездо. Он никогда не видел, чтобы человек зеленел, а вот Клара позеленела.

– А деревня названа по этим трем соснам? – Гамаш посмотрел на деревья посреди луга.

– Так вы не знаете эту историю? Эти три сосны – они не те, что были вначале. Им всего шестьдесят лет. Моя матушка помогала их сажать, когда была еще ребенком. Но сосны там росли и в момент основания деревни, более двухсот лет назад. И всегда три штуки. Три Сосны.

– Но почему? – Гамаш с интересом посмотрел на Бена.

– Это такой символ. Для лоялистов Объединенной империи[16]. Только они тут и живут, если, конечно, не считать абенаков[17].

Гамаш обратил внимание, что Бен в своем объяснении словно и не заметил тысячи лет обитания в этих местах коренных американцев.

– Но мы всего в нескольких километрах от границы со Штатами. Когда во время Войны за независимость люди, сохранившие верность короне, бежали на север, они не знали, где граница, где можно обосноваться в безопасности. Поэтому был придуман такой знак. Три сосны рядом означали, что здесь будут рады лоялистам.

– Mon Dieu, c'est incroyable[18]. Так изящно. Так просто, – сказал Гамаш, на которого это и в самом деле произвело впечатление. – Но почему я об этом ничего не знаю? Я интересуюсь историей Квебека, но ничего подобного не слышал.

– Может, англичане хотят сохранить это в тайне – вдруг нам опять понадобится.

По крайней мере, Бену хватило воспитания покраснеть, когда он сказал это. Гамаш повернулся и посмотрел на этого высокого человека: тот привычно сутулился, его длинные чувствительные пальцы свободно держали поводок собаки, которая была просто не в силах от него убежать.

– Вы это серьезно?

– Результаты последнего референдума о суверенитете[19] подошли, как вам известно, к опасной черте. И кампания временами велась просто отвратительно. Не всегда приятно чувствовать себя меньшинством в собственной стране, – сказал Бен.

– Я могу это понять, но даже если Квебек отделится от Канады, неужели вы будете чувствовать в этом какую-то угрозу для себя? Вы же знаете, что ваши права будут защищены.

– Знаю ли? Будет ли у меня право выставить вывеску на моем родном языке? Или работать только на английском? Нет. Язык для меня установит полиция. The Office de la Langue Fransaise[20]. Я подвергаюсь дискриминации. С этим даже Верховный суд согласен. Я хочу говорить по-английски, старший инспектор.

– Вы и говорите по-английски. Как и я. Как и мои подчиненные. Нравится вам это или нет, мистер Хадли, но англичан в Квебеке уважают.

– Не всегда и не все.

– Верно. И полицейских тоже не все уважают. Такова жизнь.

– Вас не уважают из-за прошлых дел. Из-за того, что Квебекская полиция делала прежде. А нас не уважают просто за то, что мы англичане. Это не одно и то же. Вы хоть представляете, как изменилась наша жизнь за последние двадцать лет? Скольких прав мы лишились? Сколько наших

друзей, соседей, родственников уехали из-за принятых драконовских законов? Моя мать почти не говорила по-французски. А вот я двуязычный. Мы стараемся, инспектор, но нас, англичан, выставляют на посмешище. Винят во всех грехах. Называют tkte carrйe[21]. Нет. – Бен Хадли кивнул в сторону трех мощных сосен, едва покачивающихся на ветру. – Я верю в личности, а не в коллективы.

«В этом заключается одно из главных различий между англоязычными и франкоязычными квебекцами, – подумал Гамаш. – Англичане верят в права индивида, а французы чувствуют, что должны защищать коллективные права. Защищать свой язык и культуру».

Это был старый и подчас горький спор, правда редко влияющий на отношения между людьми. Гамаш вспомнил напечатанную несколько лет назад в «Монреаль газетт» статью одного колумниста, который заметил, что Квебек действует в реальности, а не на бумаге.

– Ситуация меняется, месье Хадли, – мягко сказал Гамаш, надеясь снять напряжение, сгустившееся над их скамейкой.

Англо-французский спор в Квебеке был поляризующей силой. Гамаш подумал, что лучше оставить его политикам и журналистам, которым больше нечего делать.

– Ой ли, старший инспектор? Неужели мы и в самом деле становимся более цивилизованными? Более толерантными? Менее склонными к насилию? Если бы что-то менялось, вы бы не приехали сюда сегодня.

– Вы говорите о смерти мисс Нил? Думаете, это было умышленное убийство? – Сам Гамаш склонялся именно к этому.

– Нет, не думаю. Но я знаю, что, кто бы ни сделал это с ней, он так или иначе замышлял убийство сегодня утром. По меньшей мере убийство невинного оленя. Это не цивилизованное действие. Нет, инспектор, люди не меняются. – Бен опустил голову и принялся перебирать поводок пальцами. – Может быть, я и ошибаюсь. – Он посмотрел на Гамаша и обезоруживающе улыбнулся.

Гамаш разделял чувства Бена относительно охоты, но насчет людей никак не мог с ним согласиться. В любом случае разговор получился откровенный, а в этом и состояла его работа – вызывать людей на откровенность.

Он был занят все два часа, прошедшие с тех пор, как он покинул Бовуара. Он прошел с Питером Морроу и Беном Хадли в церковь, где Питер сообщил жене о смерти Джейн. Гамаш наблюдал, стоя в стороне у двери: ему было важно увидеть ее реакцию, а вмешиваться он не хотел. Он вышел из церкви и вместе с мистером Хадли направился назад.

У входа в эту очаровательную деревню Гамаш оставил Бена Хадли и зашел в бистро. Найти его было легко по голубым и белым навесам и круглым деревянным столам и стульям на тротуаре при входе. Несколько человек попивали кофе, глядя, как старший инспектор приближается по дороге.

Когда его глаза привыкли к освещению в бистро, он увидел не один большой зал, как предполагал, а два, каждый со своим камином, в которых весело потрескивали поленья. Он увидел разнородные старинные столы и стулья. Перед несколькими столиками стояли кресла, обитые старинной выцветшей материей. Каждая вещь словно находилась здесь с самого начала. Гамаш и сам нередко покупал антикварные вещи, а потому умел отличать плохое от хорошего и понимал, что буфет в углу с резьбой в виде алмазных граней, в котором были выставлены тарелки и столовые приборы, – вещь довольно редкая. В дальнем конце этого зала на длинной деревянной стойке стоял кассовый аппарат. Вазочки с лакричными трубочками и булочками, коричными палочками и яркими мармеладными мишками стояли в ряд с порционными коробочками с воздушными хлопьями.

За двумя этими залами французские двери явно выходили в отдельную столовую – ту комнату, о которой говорил Хадли.

– Что для вас? – спросила у него на идеальном французском крупная молодая женщина с нездоровым цветом лица.

– Я бы хотел поговорить с хозяином. Кажется, Оливье Брюле.

– Если вы присядете, я его позову. Хотите пока кофе?

В лесу было прохладно, и мысль о cafй au lait перед горящим камином показалась очень привлекательной. А еще не помешала бы пара лакричных трубочек. В ожидании мистера Брюле и кофе Гамаш пытался сообразить, что такого необычного в этом милом бистро. Что-то здесь было чуточку не так.

– Извините, что беспокою вас, – раздался хрипловатый голос над его головой.

Он вскинул глаза и увидел пожилую женщину с коротко стриженными седыми волосами. Женщина опиралась на корявую трость. Гамаш поднялся на ноги и только тут понял, что женщина выше, чем ему показалось сначала. Даже сгорбленная, она была почти одного с ним роста. И он подумал, что она вовсе не такая хрупкая, какой выглядит.

Арман Гамаш слегка поклонился и показал на другой стул за его маленьким столом. Женщина не сразу, но все же села на едва гнущихся ногах.

– Меня зовут Рут Зардо. – Говорила она громко и медленно, как с глухим ребенком. – Это правда? Джейн мертва?

– Да, мадам Зардо. Примите мои соболезнования.

И тут в бистро раздался звук, такой неожиданный и громкий, что Гамаш подскочил на месте. Ни один из других клиентов, как он отметил, и бровью не повел. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это Рут Зардо с силой ударила тростью об пол, словно пещерный человек опустил на чью-то голову свою дубинку. Гамаш и прежде видел, как люди постукивают тростью об пол, привлекая к себе внимание, и обычно это приносило плоды. Но Рут Зардо взяла свою трость за конец и быстрым и явно заученным движением со всего маху грохнула об пол закругленной рукоятью:

– И что вы здесь сидите, если Джейн лежит мертвая в лесу? Что вы за полиция такая? Кто убил Джейн?

В бистро мгновенно воцарилась тишина, но спустя несколько секунд приглушенный разговор возобновился. Арман Гамаш выдержал высокомерный взгляд старухи, не сводя с нее задумчивых глаз. Потом наклонился к ней через стол и заговорил так, чтобы слышала только она. Рут, решив, что он сейчас назовет ей имя убийцы, тоже подалась к нему.

– Рут Зардо, мой долг найти того, кто убил вашего друга. И я сделаю это. Сделаю это так, как считаю нужным. Я не позволю себя третировать, не позволю относиться ко мне неуважительно. Это мое расследование. Если вы хотите сказать или спросить что-либо, то я вас слушаю. Но больше никогда не кидайте вашу трость в моем присутствии. И никогда не смейте разговаривать со мной таким образом.

– Как я смею! Этот полицейский явно по уши в работе. – Рут поднялась, и ее голос зазвучал громче. – Я не должна тревожить то лучшее, что может предложить Квебекская полиция.

Гамаш спросил себя, в самом ли деле Рут Зардо считает, что ее сарказм принесет какие-то плоды. Он не понимал, почему она вообще заняла такую позицию.

– Миссис Зардо, что для вас? – спросила молодая официантка, будто ничего особенного и не случилось.

А может, это просто была передышка.

– Виски, пожалуйста, Мари, – неожиданно спокойно сказала Рут и снова села. – Извините меня. Виновата.

Гамашу показалось, что она из тех людей, которые привычны к извинениям.

– Полагаю, я могла бы объяснить свое плохое поведение смертью

Джейн, но вы скоро узнаете, что я такая и есть. У меня нет умения выбирать правильные битвы. Сама жизнь представляется мне сплошной битвой. От начала до конца.

– Значит, мне следует ожидать продолжения?

– О, я думаю, да. Но в вашем окопе у вас будет своя компания. И я обещаю больше не бросаться тростью. По крайней мере, вблизи вас.

Арман Гамаш откинулся на спинку стула, и в этот момент принесли виски и его cafй au lait с конфетами. Он взял конфеты и со всем достоинством, на какое был способен, спросил Рут:

– Трубочку, мадам?

Рут взяла ту, что побольше, и тут же откусила красный кончик.

– Как это случилось? – спросила она.

– Похоже на несчастный случай на охоте. Но может, вы знаете кого-нибудь, кто желал бы смерти вашему другу?

Рут рассказала Гамашу о мальчишках, кидавшихся пометом, а когда она закончила, Гамаш спросил:

– Зачем, по-вашему, этим мальчишкам было ее убивать? Я согласен, их поступок заслуживает порицания, но она ведь уже назвала их имена, так что предотвратить это они не могли. Какой в этом смысл?

– Месть? – предположила Рут. – Когда ты в таком возрасте, тот, кто заставил тебя пережить унижение, заслуживает смертной казни. Да, они пытались унизить Оливье и Габри, но это обернулось против них. А хулиганье не любит, когда им платят той же монетой.

Гамаш кивнул. Такое было возможно. Но если ты не сумасшедший, то месть должна иметь другую форму, не похожую на хладнокровное убийство.

– Вы давно знали миссис Нил?

– Мисс. Она никогда не была замужем, – сказала Рут. – Хотя однажды это едва не случилось. Как его звали? – Она полистала записную книжку в своей голове. – Энди. Энди Зелчак. Нет. Зел… Зел… Зелински. Андреаш Зелински. Давно это было. Лет пятьдесят назад. Или больше. Теперь это уже не имеет отношения к делу.

– Прошу вас, расскажите мне об этом, – попросил Гамаш.

Рут кивнула и с отсутствующим видом принялась раскручивать виски в стакане тупым кончиком лакричной трубочки.

– Энди Зелински был лесорубом. Сто лет назад здесь, на холмах, много леса рубили. Теперь все эти работы прекращены. Энди работал на «Мон-Эко» у «Томпсон оперейшн». Дровосеки – ребята грубые. Всю неделю работают в горах, спят не раздеваясь в плохую погоду и когда медведи не в

спячке, а мошка, наверное, их с ума сводит. Они обмазывали себя медвежьим жиром, чтобы отвадить насекомых. Они больше боялись мошки, чем медведей. На выходные выходили из леса грязные как черти.

Гамаш слушал внимательно, с искренним интересом, хотя и без уверенности, что это имеет какое-то отношение к его расследованию.

– Но Кей Томпсон работала иначе. Не знаю, как она это делала, но она как-то умела подчинять себе этих громил. Никто не смел возражать Кей, – восхищенно сказала Рут. – Энди Зелински дослужился до бригадира. Он был прирожденным руководителем. Джейн в него влюбилась, хотя должна признать, что многие из нас на него поглядывали. Эти огромные руки, грубое лицо…

Гамаш чувствовал, как он сам по мере ее рассказа отступает, уходит назад во времени.

– Он был громадный, но нежный. Нет, «нежный» не то слово. Порядочный. Он мог быть крутым, даже жестоким. Но не злобным. И он был чистым. От него пахло, как от мыла «Айвори». Он приходил в городок вместе с другими лесорубами с делянки, и они отличались от других, потому что не воняли терпким медвежьим жиром. Видимо, Кей отскребала их щелоком.

Гамаш подумал о том, как низко, видимо, стояла планка, если для того, чтобы быть привлекательным для женщины, достаточно было, чтобы от тебя не несло разлагающимся медведем.

– На первом танце ярмарки Энди выбрал Джейн. – Рут помолчала, вспоминая. – Все никак не могу понять, – сказала она. – Джейн была очень милая и все такое. Мы все ее любили. Но если откровенно, она была уродлива как смертный грех. Похожа была на козу.

Рут громко рассмеялась придуманному ею образу. Так оно и было. Лицо молоденькой Джейн было вытянуто вперед, будто хотело дотянуться до чего-то, нос удлинялся, подбородок утончался. А еще она была близорукая, хотя ее родители не желали признавать, что произвели на свет не идеальное дитя, и поэтому игнорировали ее близорукость. Это только подчеркивало ее пристальный взгляд, голова Джейн вытягивалась за пределы шеи в тщетной попытке сфокусировать мир перед глазами. На ее лице вечно было такое выражение, будто она спрашивала: «Это съедобно?» К тому же молодая Джейн была пухленькая. И такой оставалась всю жизнь.

– По какой-то необъяснимой причине Андреаш Зелински выбрал ее. Они танцевали целый вечер. Ну и зрелище это было. – Голос Рут стал жестким.

Гамаш попытался представить, как молодая Джейн, низенькая,

чопорная, толстенькая, танцует с громадным мужчиной, с этой горой мускулов.

– Они влюбились друг в друга, но об этом дознались ее родители и запретили ей встречаться с ним. Это вызвало немалый шум. Джейн была дочерью главного бухгалтера лесопилки Хадли. Чтобы она вышла замуж за лесоруба – да не бывать этому!

– И что случилось? – не сдержался Гамаш.

Рут посмотрела на него, словно удивляясь, что он все еще здесь:

– Так ведь Энди умер.

Гамаш посмотрел на нее с удивлением.

– Нет, тут не было никакой уголовной подоплеки, инспектор Клузо [22], – сказала Рут. – Несчастный случай в лесу. На него упало дерево. Куча свидетелей. Такое постоянно случалось. Хотя в то время сложилось романтическое представление, что он стал преднамеренно беспечным, потому что его сердце было разбито. Ерунда. Я его тоже знала. Она ему нравилась, – возможно, он даже любил ее, но сумасшедшим он не был. Нас всех, случается, бросают, но мы же не кончаем с собой. Нет, это был просто несчастный случай.

– И что сделала Джейн?

– Уехала учиться. Вернулась два года спустя с дипломом учителя и стала преподавать в здешней школе. Школьный дом номер шесть.

Гамаш увидел тень подле своей руки и поднял глаза. Рядом с ним стоял человек лет тридцати пяти. Светловолосый, аккуратный, хорошо одетый на небрежный манер, точно из каталога «Лэндс Энд»[23]. Несмотря на усталость, он всем своим видом давал понять, что готов помочь.

– Извините, что задержался. Я Оливье Брюле.

– Арман Гамаш, старший инспектор отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

Незаметно для Гамаша Рут округлила глаза. Она недооценила этого человека. Назвала его инспектором Клузо – и это было единственное оскорбление, которое она помнила. Когда Гамаш договорился о ланче, Оливье спросил у Рут:

– Как дела? – и слегка прикоснулся к ее плечу.

Она поморщилась, словно ее обожгло:

– Неплохо. Как Габри?

– Неважно. Ты же знаешь Габри, он такой ранимый.

Да что говорить, Оливье иногда думал, что Габри родился вывернутым наизнанку.

До ухода Рут Гамаш выслушал ее краткий рассказ о жизни Джейн. Записал имя ее ближайшей родственницы. Племянница по имени Йоланда Фонтейн, агент по торговле недвижимостью, работает в окрестностях Сен-Реми. Он посмотрел на часы – 12.30. До Сен-Реми было минут пятнадцать езды. Наверное, можно успеть, решил он. Полез в карман за бумажником, но тут увидел уходящего Оливье и подумал, что сумеет одним выстрелом убить двух зайцев.

Снимая плащ и шляпу с вешалки, он увидел на одном из крючков маленькую белую бирку. Она здесь явно была не на месте. Гамаш повернулся, натягивая плащ, и посмотрел на столы, стулья, зеркала и все другие антикварные вещи в бистро. На всем были бирки. Это был магазин. Тут все продавалось. Ты мог съесть круассан и купить тарелку. Гамаш почувствовал, как на него накатила приятная волна, когда он разгадал эту загадку. Несколько минут спустя он сидел в машине Оливье и направлялся в Реми. Убедить Оливье подвезти его было нетрудно. Оливье сам рвался помочь.

– Дождь собирается, – сказал Оливье, ведя машину по грунтовой дороге.

– А завтра ожидается похолодание, – добавил Гамаш.

Оба молча закивали. Через два-три километра Гамаш спросил:

– Какой она была, мисс Нил?

– Я просто не могу поверить, что кто-то ее убил. Она была замечательная. Мягкая, добрая.

Оливье бессознательно поставил знак равенства между образом жизни человека и его смертью. Гамаш это всегда подмечал. Люди почти все без исключения предполагали, что если ты добрый человек, то не должен умереть насильственной смертью, а убивают только тех, кто это заслужил. Почти в любом человеке жило тайное убеждение, что жертва убийства сама на это каким-то образом напросилась. А поэтому весть о том, что кто-то добрый и хороший стал жертвой убийства, воспринималась как шок. Возникало ощущение, что произошла какая-то ошибка.

– Я никогда не встречал человека безупречно доброго и хорошего. Неужели у нее не было никаких недостатков? Может быть, она кого-то погладила против шерсти?

Последовала долгая пауза, и Гамаш даже подумал было, что Оливье забыл его вопрос. Но Арман Гамаш ждал. Он был человеком терпеливым.

– Мы с Габри живем здесь только двенадцать лет. А до этого я ее не знал. Но должен честно сказать: никогда ничего плохого о Джейн я не слышал.

Они приехали в Сен-Реми. Гамаш немного знал этот городок – катался здесь на лыжах с горы, когда дети были маленькие.

– Прежде чем вы пойдете, хотите, я расскажу вам о ее племяннице Йоланде?

Гамаш обратил внимание на энтузиазм в голосе Оливье. Ему явно было что рассказать. Но с этим не стоило спешить.

– Не теперь. Лучше по пути назад.

– Отлично.

Оливье припарковал машину и показал на офис фирмы по продаже недвижимости в здании небольшого торгового центра. Если Уильямсбург был стыдливо притягателен своей стариной, то Сен-Реми был всего лишь обычным старым городком. Построенный без всякой планировки, без всякого замысла, этот рабочий городок казался более реальным, чем гораздо более красивый Уильямсбург, главный город в округе. Они договорились встретиться в машине в четверть второго. Гамаш отметил, что, хотя у Оливье на заднем сиденье лежали какие-то вещи, машину он не закрыл – просто ушел, оставив двери незапертыми.

У дверей старшего инспектора Гамаша встретила светловолосая женщина с широкой улыбкой на лице.

– Месье Гамаш, меня зовут Йоланда Фонтейн.

Она протянула руку, и не успел Гамаш протянуть свою, как она уже пожала ее. Он почувствовал, что ее опытные глаза оглядывают его, оценивают. Перед отъездом из Трех Сосен он позвонил ей, чтобы убедиться, что она в офисе, и теперь он или его плащ произвели надлежащее впечатление.

– Прошу вас, присаживайтесь. Вас какая недвижимость интересует? – Йоланда Фонтейн показала ему на чашеобразное кресло с оранжевой обивкой.

Гамаш вытащил свое удостоверение, положил его на стол, и улыбка сошла с ее лица.

– Что еще натворил этот чертов ребенок? Tabarnacle[24]. – Ее безупречный французский исчез, она заговорила на уличном французском, гнусавом и резком, слова в котором были будто обсыпаны песком.

– Ничего, мадам. Джейн Нил из Трех Сосен – ваша тетушка?

– Да. А что?

– К сожалению, я привез вам плохие новости. Ваша тетушка сегодня утром была найдена мертвой.

– Не может быть, – ответила она, вкладывая в эти слова столько же эмоций, сколько проявляет человек, обнаружив пятно на футболке. –

Сердце?

– Нет. Она умерла насильственной смертью.

Йоланда Фонтейн уставилась на него, пытаясь постичь услышанное. Она явно понимала значение отдельных слов, но все вместе они были лишены смысла.

– Насильственной? Что это значит?

Гамаш посмотрел на женщину, сидящую перед ним: маникюр, светлые волосы взбиты и уложены, косметика на лице, словно она в полдень собралась на бал. По виду ей было лет тридцать с небольшим, но косметика странным образом старила ее – возникало впечатление, что ей под пятьдесят. Она не производила впечатление человека, живущего естественной жизнью.

– Ее тело нашли в лесу. Она была мертва.

– Убийство? – прошептала Йоланда.

– Мы точно не знаем, – возможно, несчастный случай. Насколько я понимаю, вы ее ближайшая родственница. Верно?

– Да. Моя мать была ее младшей сестрой. Она умерла от рака груди четыре года назад. Они были очень близки. Вот так.

Йоланда попыталась перекрестить пальцы, но длинные ногти цеплялись друг за друга, словно в марионеточной версии «Борьбы всех звезд»[25]. Она сдалась и внимательно посмотрела на Гамаша:

– Когда я смогу попасть в дом?

– Простите?

– В Трех Соснах. Тетушка Джейн всегда говорила, что завещала дом мне.

За свою жизнь Гамаш повидал немало горя, и люди реагировали на него по-разному. Его собственная мать, проснувшись рядом с умершим ночью пятидесятилетним мужем, в первую очередь позвонила парикмахеру, чтобы отменить назначенную встречу. Гамаш не судил людей по тому, как они реагируют на скорбную новость. И все же этот вопрос показался ему странным.

– Не знаю. Мы там пока еще не были.

Йоланда заволновалась:

– Знаете, у меня есть ключ. Могу я поехать и навести там порядок, прежде чем вы войдете?

Он задумался на секунду: наверное, такова и должна быть нормальная реакция агента по продаже недвижимости.

– Нет.

Выражение лица Йоланды стало жестким, она покраснела, как ее

ногти. Эта женщина не привыкла слышать «нет». И еще она не умела владеть собой.

– Я звоню моему адвокату. Этот дом принадлежит мне, и я не даю вам разрешения входить в него. Вам ясно?

– Если уж речь зашла об адвокатах, вы, случайно, не знаете, услугами какого адвоката пользовалась ваша тетушка?

– Стикли. Норман Стикли. – Голос ее звучал ломко. – Мы тоже время от времени пользуемся его услугами, когда нужно переводить деньги за недвижимость в районе Уильямсбурга.

– Вы не дадите мне его координаты?

Пока она своей когтистой рукой записывала для него адрес адвоката, Гамаш огляделся и заметил, что некоторые пункты в списках, висевших на доске «Продается», извещали о продаже наследственных владений – прекрасных, обширных семейных домов. Большинство предложений по продаже были довольно скромными. Йоланда продавала немало кондоминиумов и трейлеров. Что ж, кто-то должен был продавать и их, и, вероятно, для этого требовался куда более искушенный продавец, чем для продажи дома, построенного сто лет назад. Но чтобы сводить концы с концами, нужно продавать много трейлеров.

– Прошу. – Она пододвинула к нему бумажку. – Мой адвокат позвонит вам.

Оливье уже ждал Гамаша в машине.

– Я опоздал? – спросил Гамаш, посмотрев на часы: они показывали 1.10.

– Да нет. Даже немного раньше пришли. А мне нужно было прикупить лука к обеду. – В машине стоял отчетливый и довольно приятный запах. – И, откровенно говоря, я не думал, что разговор с Йоландой займет у вас много времени. – Оливье улыбнулся, трогаясь с места. – И как оно прошло?

– Не совсем так, как я предполагал, – признал Гамаш.

Оливье отрывисто хохотнул:

– Эта наша Йоланда – та еще штучка. Она там не рыдала истерически?

– Вообще-то, нет.

– Сюрприз. А я думал, что на публике, да к тому же в присутствии полиции, она вовсю разыграет свою роль единственной наследницы. Она всегда предпочитает внешний эффект реальному положению дел. Я даже не знаю, понимает ли она вообще, что такое реальность, настолько она занята созданием собственного образа.

– Какого образа?

– Успешного. Ей необходимо выглядеть счастливой и успешной женой

и матерью.

– А разве не так же хотим выглядеть мы все?

Тут Оливье смерил его лукавым и открыто гейским взглядом. Гамаш встретился с ним глазами и только теперь понял, что сказал. Он поднял брови, укоризненно глядя на Оливье, и тот снова рассмеялся.

– Я хотел сказать, – улыбнулся Гамаш, – что у нас у всех имеется некий образ на публику.

Оливье кивнул. Так оно и есть. В особенности в гей-сообществе, где ты должен быть веселым, умным, циничным и, самое главное, привлекательным. Если ты все время хмуришься, это раздражает. Это была одна из причин, по которым он уехал за город. Он чувствовал, что в Трех Соснах может попытаться быть самим собой. Вот только он никак не думал, что ему потребуется немало времени, чтобы понять, кто же он такой на самом деле.

– Вы правы. Но в случае с Йоландой, как мне кажется, это гораздо глубже. Она как голливудская штучка. Фальшивый фасад – и полная пустота и уродство внутри. Легковесность.

– А ее отношения с мисс Нил?

– Они явно были довольно близки в детстве Йоланды, но потом случилась какая-то размолвка. Понятия не имею, что это было. Йоланда всех отфутболивает, но, вероятно, это было что-то серьезное. Джейн даже отказывалась видеть Йоланду.

– Правда? Почему?

– Понятия не имею. Возможно, Клара знает. Тиммер Хадли наверняка могла бы вам сказать, но она умерла.

Опять это совпадение: смерть Тиммер в такой близости от смерти самой Джейн.

– И тем не менее Йоланда Фонтейн, похоже, думает, что мисс Нил все свое состояние завещала ей.

– Может, и так. Для некоторых родственные узы важнее всего.

– Мне показалось, что ей очень важно попасть в дом покойной до того, как туда войдем мы. Вы что-нибудь можете сказать по этому поводу?

Оливье задумался:

– Не знаю. Сомневаюсь, что кто-то может ответить на этот вопрос, потому что никто не бывал в доме Джейн.

– Как-как? – Гамашу показалось, что он ослышался.

– Забавно, я к этому так привык, что даже забыл вам сказать. Да. Это единственный бзик, какой был у Джейн. Она пропускала нас в прихожую и кухню, но дальше кухни никто и никогда в дом не проходил.

– Но Клара, наверное…

– Даже Клара. И Тиммер там не бывала. Никто.

Гамаш сделал себе заметку на память: заняться этим в первую очередь после ланча. Когда они приехали, у него еще оставалось несколько минут, и Гамаш устроился на скамеечке в центре луга, откуда наблюдал, как деревня Три Сосны живет и как она встречает смерть. Бен присоединился к нему на несколько минут, а потом потащил Дейзи домой. Перед тем как отправиться в бистро, Гамаш еще раз перебрал в памяти все, что удалось установить к настоящему времени, поразмышлял о том, кому могло понадобиться убивать доброту.

Бовуар уже установил в отдельной комнате Оливье большую стойку, прикрепил к ней лист бумаги, рядом положил цветные фломастеры. Гамаш сел рядом с ним, посмотрел через стеклянные двери наружу. Он видел столики со сложенными зонтами над ними, а чуть дальше – реку Белла-Беллу. Он подумал, что она оправдывает свое название[26].

Комната заполнилась проголодавшимися и замерзшими полицейскими. Гамаш отметил, что агент Николь села в одиночестве, и удивился, почему она так сделала. Первым докладывал Бовуар, время от времени вгрызаясь в сэндвич с тонко нарезанными ломтиками ветчины, поджаренными, видимо, в кленовой подливке с медово-горчичной приправой, и в свежий круассан с состаренными кусочками чеддера.

– Мы обшарили место преступления и нашли… – Бовуар сверился со своими записями, размазав капельку горчицы по странице, – три старые пивные бутылки.

Гамаш поднял брови:

– И все?

– И еще пятнадцать миллионов листьев. Вот рана.

Бовуар нарисовал кружочек красным фломастером. Полицейские наблюдали за ним без интереса. Бовуар опять поднял руку и начертил четыре линии, исходящие из кружочка, словно страны света на компасе. Несколько полицейских опустили сэндвичи. Их что-то заинтересовало. Рисунок был похож на грубо выполненную карту Трех Сосен. Глядя на жутковатую картинку, Гамаш размышлял, а не было ли это все-таки преднамеренным убийством.

– Можно ли нанести такую рану стрелой из лука? – спросил Бовуар.

Никто, похоже, не знал ответа на этот вопрос.

«Если рана была нанесена стрелой, – подумал Гамаш, – то где же эта стрела? Должна быть в теле». Перед его мысленным взором возникло

изображение из Нотр-Дам-де-Бон-Секур, церкви, в которую они с Рейн-Мари время от времени заходили. Стены там были исписаны фресками, изображающими святых на разных стадиях мучения или экстаза. Перед его мысленным взором предстал один образ. Святой Себастьян, скорчившийся от мучений, причиняемых множеством стрел, вонзившихся в его тело. Каждая торчала из его страдающего тела обвинительным перстом. Из тела Джейн Нил должна была торчать стрела, и эта стрела указывала бы на убийцу. Если бы ее убили стрелой, то не было бы выходной раны. А она была. Вот еще одна загадка.

– Оставим это и двигаемся дальше. Кто докладывает следующий?

Ланч продолжался, полицейские ели и слушали в атмосфере, которая сподвигала к совместной работе. Гамаш верил в совместную работу своей команды, а не в конкуренцию. Он понимал, что с этим своим мнением пребывает в меньшинстве среди руководства Квебекской полиции. Он верил, что хороший руководитель должен также уметь слушать своих подчиненных. И учил своих людей относиться друг к другу с уважением, выслушивать предложения, поддерживать один другого. Не все понимали это. Полиция была полем конкуренции: тот, кто добивался результатов, получал повышение, а если тебя кто-то опережал, то ты оставался на прежнем месте, а он продвигался наверх. Гамаш знал, что в полиции нередко награды получают незаслуженно, а потому награждал командных игроков. У него была почти стопроцентная раскрываемость, а он вот уже двенадцать лет как ни на шаг не продвинулся по службе. Но он был счастливым человеком.

Гамаш ел жареную курицу с тостами – блюдо ему понравилось, и он решил, что будет заезжать сюда. Кто-то из полицейских взял себе пиво, но Гамаш предпочел имбирный лимонад. Гора сэндвичей быстро исчезла.

– Коронер обнаружил что-то странное, – доложила Изабель Лакост. – В ране были два перышка.

– А у стрел есть перья? – спросил Гамаш.

Перед его взглядом снова возник святой Себастьян со стрелами в теле – все стрелы с оперением.

– Раньше были, – вставила Николь, радуясь возможности показать свои знания. – Теперь оперение делают из пластика.

Гамаш кивнул:

– Я этого не знал. Что еще?

– Как вы видели, крови было очень мало, что обычно случается при мгновенной смерти. Она была убита на том самом месте, где ее нашли. Тело не перемещалось. Время смерти – между шестью и семью часами

этого утра.

Гамаш сообщил всем, что ему стало известно от Оливье и Йоланды, и раздал поручения. В первую очередь нужно обыскать дом Джейн Нил. В этот момент зазвонил телефон Гамаша – это был адвокат Йоланды Фонтейн. Гамаш ни разу не повысил голоса, но его раздражение было очевидно.

– Пока мы не можем войти в дом Джейн Нил, – сообщил он, захлопнув телефон. – Адвокат миссис Фонтейн невероятным образом сумел отыскать судью, который издал предписание, запрещающее нам обыскивать дом.

– И как долго будет действовать это предписание? – спросил Бовуар.

– Пока не будет доказано, что это преднамеренное убийство или что миссис Фонтейн не является наследницей покойной. Теперь действуем по следующему плану. Нужно отыскать завещание мисс Нил, собрать информацию о местных лучниках. Мне также нужно знать, почему охотник, если он случайно убил мисс Нил, вытащил из тела стрелу. И еще узнать побольше о смерти Тиммер Хадли. Я обустрою для нас оперативный штаб где-нибудь в Трех Соснах. Кроме того, я должен поговорить с Питером и Кларой Морроу. Бовуар, ты пойдешь со мной. И вы тоже, агент Николь.

– Сейчас День благодарения, – напомнил Бовуар.

Гамаш остановился на полуслове. Он забыл об этом.

– У кого-то есть планы на праздничный обед?

Все подняли руки. У него тоже были планы. Рейн-Мари пригласила на обед лучших друзей. Кружок узкий, так что его точно будет не хватать. И он опасался, что объяснение «уехал в центр исправительного воздействия» их не убедит.

– Изменение планов. В четыре часа, то есть через полтора часа, мы уезжаем в Монреаль. За это время вы должны успеть сделать все по максимуму. Мы не хотим, чтобы индейка на наших столах остыла.

Бовуар открыл деревянную калитку и ступил на петляющую тропку, ведущую к дверям коттеджа. Вокруг дома росла гортензия, цветы которой порозовели в холодную погоду. Вдоль дорожки красовались старые садовые розы, а под ними какие-то багряные цветы. Гамаш решил, что это лаванда. Он сделал себе пометку на память: когда будет время, спросить у миссис Морроу. Наперстянку и алтей он узнал сразу. Единственное, чем его не устраивала квартира в Утремоне, было отсутствие хотя бы клочка земли – только ящики на подоконниках. А вот такие сады ему нравились. Сад идеально подходил скромному кирпичному дому, к которому Гамаш сейчас

направлялся. Темно-синюю дверь открыл Питер – они даже постучать не успели. Они оказались в маленькой прихожей с ее разнообразными запахами от курток на вешалке и ботинок под длинной деревянной скамьей.

– Берлингтонская станция передает, что ожидается дождь, – сказал Питер, принимая у них плащ и куртку, и провел визитеров в большую кухню, какие бывают в загородных домах. – Они, конечно, почти всегда врут. У нас здесь, похоже, микроклимат. Вероятно, дело в горах.

В комнате было тепло и уютно, здесь стояли полированные кухонные столы, а на открытых полках разместилась керамика, оловянная посуда и стекло. Лоскутные коврики хаотично лежали на крытом линолеумом полу, придавая кухне спокойное обаяние. На конце соснового обеденного стола стоял огромный букет – настоящий остров по размерам. Клара сидела на другом конце, закутавшись в вязаный шерстяной платок. Вид у нее был бледный и расстроенный.

– Кофе?

Питер был не очень уверен, какому этикету следовать. Но все трое визитеров отклонили предложение.

Клара слабо улыбнулась и пожала им руки, при этом платок соскользнул с ее плеча. Гамаш знал, что привычка к вежливости так глубоко укоренилась в людях, что они улыбались, даже превозмогая личное горе.

– Примите мое сочувствие, – сказал он Кларе.

– Спасибо.

– Я хочу, чтобы вы сели там, – прошептал Гамаш, указывая Николь на простой сосновый стул у дверей прихожей, – и делали записи.

«Записи, – сказала себе Николь. – Он что, думает, будто я секретарша? Я два года проработала в Квебекской полиции, а он просит меня присесть и вести записи». Остальные расположились за кухонным столом. Она заметила, что ни Гамаш, ни Бовуар не достали записных книжек.

– Мы считаем, что Джейн Нил погибла вследствие несчастного случая, – начал Гамаш. – Но у нас есть одна проблема. Мы не можем найти оружия, и никто не явился с признанием. Поэтому нам придется расследовать ее смерть как вызывающую подозрения. У вас нет предположений, кто мог бы желать вреда вашему другу?

– Никто не мог. Джейн устраивала благотворительные распродажи выпечки и старых вещей здесь, в церкви Святого Томаса. Прежде она работала учительницей. Вела тихую, размеренную жизнь.

– Миссис Морроу?

Клара задумалась на несколько секунд или только сделала вид, что

думает. Но ее мозг отказывался работать и был не способен подсказать ясный ответ.

– Кому-нибудь была выгодна ее смерть? – Гамаш подумал, что четко сформулированный вопрос поможет ей ответить.

– Вряд ли. – Клара взяла себя в руки, чувствуя, что глупо так сильно чувствовать. – По-моему, она ни в чем не нуждалась, хотя мы никогда об этом не говорили. Здесь, слава богу, можно прожить на очень маленькие деньги. Она выращивала овощи, но бульшую их часть раздавала. Я всегда думала, что она делает это не из нужды, а для того, чтобы провести время.

– А что ее дом? – спросил Бовуар.

– Да, мне кажется, он стоит неплохих денег, – сказал Питер. – Но неплохих по стандартам Трех Сосен, а не по монреальским. Она могла получить за него тысяч сто пятьдесят. Может, чуть больше.

– Возможно, кто-то мог иным образом выиграть от ее смерти?

– Ничего очевидного в голову не приходит.

Гамаш приготовился вставать.

– Нам необходимо оборудовать то, что у нас называется оперативным штабом. Отдельное помещение, где мы смогли бы временно разместиться здесь, в Трех Соснах. Вам ничего не приходит в голову?

– Вокзал. Поезда давно уже не ходят. Там разместилась добровольная пожарная команда. Я уверена, они будут готовы поделиться с вами площадью.

– К сожалению, нам нужно совсем отдельное помещение.

– Есть старая школа, – предложила Клара.

– Та, в которой работала мисс Нил?

– Именно, – ответил Питер. – Мы проходили мимо нее сегодня утром. Она принадлежит Хадли, но теперь помещение использует клуб лучников.

– Клуб лучников? – переспросил Бовуар, не веря своим ушам.

– Он у нас уже давно. Мы с Беном его и основали.

– Он заперт? У вас есть ключ?

– Где-то у меня был ключ. У Бена тоже есть, кажется. Но здание никогда не запирается. Наверное, стоит это делать.

Он посмотрел на Клару в поисках ее мыслей или поддержки. Но увидел только пустой взгляд. Гамаш кивнул Бовуару, который взял сотовый и сделал звонок, пока остальные продолжали разговор.

– Я хотел бы завтра утром собрать жителей деревни, – сказал Гамаш. – В Святом Томасе в половине двенадцатого. Но нам нужно как-то всех оповестить.

– Это просто. Скажите Оливье. У них вся провинция собирается. А

еще ансамбль «Кошки». А его партнер Габри дирижирует хором.

– Музыка нам, пожалуй, не требуется.

– Мне тоже, но вам нужно туда зайти. У него набор ключей.

– Клуб лучников вы держите открытым, а церковь запираете?

– Священник не местный – монреальский, – пояснил Питер.

Гамаш попрощался, и они втроем пошли в обратный путь по теперь уже знакомому деревенскому лугу. Они машинально поднимали ноги повыше, ступая по опавшим листьям, которые издавали осенний терпкий запах и слабый шуршащий звук.

Гостиничка располагалась напротив ряда коммерческих зданий на углу Старой Почтовой улицы – еще одной дороги, ведущей из Трех Сосен. Когда-то здесь, на наезженном пути от Сен-Реми к Уильямсбургу, останавливались на ночевку почтовые кареты. Потом нужда в почтовой станции отпала, и Оливье с Габри, приехав сюда, восстановили первоначальное назначение этого дома – служить приютом для усталых путников. Гамаш сказал Бовуару, что ему нужна не только информация, но и номера.

– На какой срок? – спросил Бовуар.

– Пока дело не будет закрыто или его не передадут другим.

– У них тут, должно быть, чертовски вкусные багеты.

– Вот что я тебе скажу, Жан Ги: если бы он еще добавил туда грибочков, я бы купил это чертово бистро и переехал сюда жить. Здесь гораздо удобнее, чем во многих других местах, где мы бывали.

Это верно. По службе им часто приходилось уезжать далеко от дома – до Кууджуака, Гаспе, Шеффервилла и залива Джеймс. Они по нескольку недель не бывали дома. Бовуар надеялся, что на сей раз будет иначе – ведь они в такой близи от Монреаля. Но иначе явно не получалось.

– Я тоже остаюсь.

– Николь? – спросил он через плечо. – Хотите остаться?

Иветт Николь показалось, что она выиграла в лотерею.

– Здорово. Я не взяла одежду, но это не проблема. Что-нибудь куплю, а эту постираю сегодня в раковине…

Гамаш поднял руку:

– Вы не слушали. Сегодня мы едем домой, а завтра начинаем здесь работать.

Черт. Каждый раз, когда она демонстрировала энтузиазм, это выходило ей боком. И когда она только научится?

На всех ступеньках вплоть до самой широкой гостиничной веранды стояли вырезанные тыквы. При виде потертых восточных ковров, мягких

кресел, осветительных приборов с выключателями-бечевками и множества масляных ламп у Гамаша возникло впечатление, будто он снова оказался в доме дедушки. Это впечатление усиливалось еще и тем, что внутри пахло выпечкой. А когда через распашную дверь к ним вышел крупный человек в переднике с оборками и надписью «Никогда не верь тощему повару», Гамаш с испугом отметил сильное сходство этого человека с его бабушкой.

Габри громко вздохнул и театральным жестом приложил ко лбу бледную руку:

– Булочки?

Вопрос был настолько неожиданным, что даже Гамаша застал врасплох.

– Простите, месье?

– У меня есть с морковкой, с финиками, с бананами и в память Джейн специальные под названием «Шарль-де-Миль».

С этими словами Габри исчез и появился несколько секунд спустя с тарелкой, на которой были разложены булочки, великолепно украшенные фруктами и розами.

– Это, конечно, не розы Шарль-де-Миль. Они давно отцвели.

По щекам Габри побежали слезы, и тарелка опасно накренилась. Лишь быстрые действия, предпринятые Бовуаром и подкрепленные его желанием отведать лакомство, спасли булочки от падения.

– Dйsolй. Excusez-moi[27]. Я так скорблю. – Габри рухнул на диван, его руки и ноги взлетели вверх.

Гамашу показалось, что, несмотря на всю театральность, этот человек искренне переживает. Он дал Габри несколько секунд, чтобы тот взял себя в руки, хотя Габри, вполне возможно, никогда не держал себя в руках. Затем Гамаш поручил Габри сообщить жителям деревни о собрании на следующее утро и попросил его открыть церковь. Напоследок он зарезервировал в гостинице номера с завтраком.

– У нас подается бранч[28], – поправил его Габри, – но вы можете получить бранч вместо завтрака, если хотите. Ведь вы ищете преступника.

– Нет ли у вас предположений, кто мог ее убить?

– Разве это был не охотник?

– Мы не знаем. Но если это был не охотник, то на кого бы вы подумали?

Габри взял булочку. Бовуар воспринял это как приглашение и тоже взял одну. Они были еще теплые.

Габри молчал на протяжении двух булочек, потом тихо сказал:

– Никто даже в голову не приходит, но, – он пронзительным взглядом посмотрел на Гамаша, – разве может прийти? Я что говорю: ведь это и есть самое ужасное в убийстве. Мы не знаем, что оно совершится. Мне не удается толком это сказать. – Он взял еще одну булочку, съел ее вместе с розой. – Люди, которые вызывали у меня наибольшее раздражение, даже не догадывались об этом. Есть в этом какой-то смысл?

Он как будто умолял Гамаша понять его.

– Есть. И еще какой, – ответил Гамаш.

И он не лукавил. Лишь немногие так быстро понимали, что причиной большинства преднамеренных убийств являются долго подавляемые оскорбленные чувства, корысть, ревность, страх. Как сказал Габри, люди не чувствуют приближения убийства, потому что убийца – хороший актер, представляет публике ложное обличье, умеет выглядеть разумным и даже сдержанным человеком. Но за этим обликом прячется ужас. И поэтому на лицах большинства убитых, которых видел Гамаш, не было страха, не было гнева. Было удивление.

– Кто знает, какие злые страсти скрываются в людских сердцах? – спросил Габри, и Гамаш подумал: знает ли тот о том, что цитирует слова из старой радиодрамы[29]. Но тут Габри подмигнул ему.

Он снова исчез и вернулся с небольшим пакетиком булочек, который протянул Гамашу.

– Еще один вопрос, – сказал Гамаш от двери, одной рукой держа пакетик с булочками, а другой – дверную ручку. – Вы говорили о розах Шарль-де-Миль.

– Джейн любила их больше всего. Это не просто какая-то роза, старший инспектор. Любители цветов считают ее самой красивой в мире. Это старая садовая роза. Цветет всего один сезон, но как великолепно! А потом умирает. Вот почему я сделал булочки на розовой воде в память Джейн. И стал их есть, как вы заметили. Я всегда съедаю мою боль.

Габри слегка улыбнулся. Гамаш подумал, что, учитывая размеры Габри, объем съеденной боли должен быть велик. А может быть, еще и страха. И гнева. Кто знает?

Бен Хадли ждал их у здания старой школы, как о том и просил его Бовуар по телефону.

– Скажите, мистер Хадли, на ваш взгляд снаружи здесь все в порядке? – спросил Гамаш.

Бен, несколько удивленный вопросом, оглядел здание. Гамаш подумал, что удивление, пожалуй, постоянное состояние Бена Хадли.

– Да, в порядке. Хотите посмотреть внутри?

Бен потянулся к ручке, но Бовуар успел задержать его, ухватив Бена за локоть. Бовуар вытащил ролик желтой полицейской ленты из кармана и протянул его Николь. Пока Николь наматывала на дверь и окна желтую ленту с надписью «Вход запрещен. Место преступления», Бовуар объяснил:

– Судя по всему, мисс Нил была убита стрелой из лука. Мы должны тщательно обыскать ваш клуб, – возможно, орудие убийство было взято отсюда.

– Но это же смешно.

– Почему?

Бен просто огляделся вокруг, словно мирный пейзаж мог служить веским доказательством. Он вложил ключ в протянутую руку Бовуара.

Агент Николь вывела машину на мост Шамплена, а потом назад в Монреаль. Она мельком кинула взгляд на инспектора Гамаша, который в безмолвном раздумье сидел на пассажирском сиденье рядом с ней. Затем начинались очертания Монреаля на фоне неба, на вершине Мон-Ройял начинал сиять огромный крест. Ради нее семья обещала припоздниться с праздничным обедом. Она знала: ради нее они были готовы на все, и эта уверенность одновременно утешала ее и связывала. От нее ждали только успехов.

Войдя в свою квартиру, Арман Гамаш сразу же ощутил запах жареной куропатки. Это было фирменное праздничное блюдо Рейн-Мари: небольшая дикая птица в беконе, приготовленная на медленном огне в соусе из глинтвейна с можжевеловой ягодой. Обычно он готовил начинку из дикого риса, но на сей раз Рейн-Мари, вероятно, сделала все сама. Пока он раздевался, они обменялись новостями. Потом он принял душ. Она рассказала ему о крещении и фуршете после церемонии. Она была почти что уверена, что присутствовала на той церемонии, хотя многих людей просто не узнала. Он рассказал ей о том, как провел день, и о деле. Рассказал все. Этим он отличался от других, но он не понимал, как можно поддерживать семейные отношения, если утаивать от жены эту часть его жизни. И потому он рассказывал ей все, и она рассказывала ему все. И пока, по прошествии тридцати двух лет совместной жизни, это вроде бы работало.

Пришли друзья, и вечер получился раскованный, легкий. Две бутылочки хорошего вина, отличный праздничный обед и задушевное умное общество. Гамаш вспомнил начало книги Вирджинии Вулф

«Орландо». Этот Орландо на протяжении своей многовековой жизни ищет не богатства и славы или почестей. Нет, он ищет только общения.

Клара раскачивалась туда-сюда, туда-сюда, баюкая свою скорбь. В этот день она испытала такое чувство, будто кто-то вынул у нее сердце и мозг. Теперь ей вернули и то и другое, только перемолотыми. Мозг не мог ни на чем сосредоточиться и постоянно возвращался в одну и ту же мучительную точку.

Питер тихонько подошел к дверям спальни и заглянул внутрь. Господь его простит, но какая-то его часть испытывала ревность. Ревность к тому, что бóльшая часть Клары принадлежала Джейн. Он спросил себя: а его смерть переживала бы Клара с такой скорбью? И тут он понял, что, если бы его убили в лесу, у Клары был бы человек, который мог бы ее утешить, – Джейн. Джейн знала бы, как это сделать. И в этот миг для Питера открылась дверь. Впервые в жизни он задался вопросом, что стал бы делать кто-то другой. Что бы делала Джейн, будь она здесь, а он умер бы. И он нашел ответ. Он молча лег рядом с Кларой и обнял ее. И в первый раз после того, как стало известно о смерти Джейн, ее сердце и мысли успокоились. На одно благословенное мгновение они оказались в том месте, которое называлось любовью, а не смертью.

Глава четвертая

– Тост будешь? – решился спросить на следующее утро Питер, обращаясь к скорбной спине Клары.

– Как я богу ходедь дост? – прорыдала она в нос, и тонкая ниточка слюны протянулась из ее рта до самого пола, где у ее ног образовалась целая блестящая лужица.

Они стояли босиком в кухне, начиная готовить завтрак. Обычно к этому времени они уже принимали душ, и если не одевались полностью, то хотя бы накидывали халат на пижаму и надевали шлепанцы. Но сегодняшнее утро не было обычным. Питер только сейчас понял, насколько необычным оно было.

Он пролежал всю ночь, обнимая Клару и лелея надежду, что худшее позади. Что наутро скорбь, конечно, не уйдет совсем, но отпустит его жену хотя бы частично. Однако женщина, которую он знал и любил, была целиком поглощена горем. Как Иона[30]. Ее белый кит скорби и потери в океане телесной жидкости.

– Клара, нам нужно поговорить. Мы можем поговорить?

Питер жаждал вернуться в теплую кровать с чашечкой кофе, тостом и джемом и последним каталогом от «Ли Вэлли»[31]. Но вместо этого он стоял босиком посреди холодной кухни, размахивая за спиной Клары длинным французским батоном, словно волшебной палочкой. Ему не понравился образ волшебной палочки. Лучше уж меч. Только подобает ли ему такое поведение? Размахивать мечом за спиной собственной жены. Он замахнулся два раза – и батон-меч хрустнул, сломался. «Вот и хорошо, – подумал Питер. – От этих образов сплошная путаница в голове».

– Нам нужно поговорить о Джейн.

Он вспомнил, где находится, положил трагически сломанный меч на стол и опустил руку на плечо жены. Несколько мгновений он ощущал под пальцами мягкую фланель, но потом плечо дернулось и выскользнуло из-под его руки.

– Помнишь, когда вы с Джейн разговаривали, а я отпускал всякие грубые замечания и уходил?

Клара смотрела перед собой, всхлипывая время от времени, когда свежая капля падала с ее носа.

– Я уходил в мою студию рисовать, но дверь оставлял открытой. Ты этого не знала?

Впервые за сутки он увидел в ней искорку интереса. Она повернулась к нему и отерла нос тыльной стороной ладони. Питер подавил в себе желание подать ей салфетку.

– Каждую неделю, когда вы с Джейн разговаривали, я слушал и рисовал. Долгие годы. Написал лучшие свои работы, слушая вас двоих. Это было похоже на то, как я мальчишкой лежал в постели, слушая, как разговаривают мама с папой. Это утешало. Но в этом было и нечто большее. Вы с Джейн говорили обо всем на свете. О садоводстве, о книгах, о кулинарии. А ты говорила о своих верованиях. Помнишь?

Клара посмотрела на свои руки.

– Вы обе верили в Бога. Клара, ты должна разобраться, во что веришь.

– Что ты имеешь в виду? Я знаю, во что верю.

– И во что? Ответь мне?

– Иди ты в задницу. Оставь меня в покое! – вдруг напустилась она на него. – Где твои слезы, а? Ты мертвее, чем она. Ни слезинки не уронил. А что теперь? Ты хочешь, чтобы я прекратила? Да еще и дня не прошло, а тебя это уже утомило? Ты перестал быть центром вселенной? Ты хочешь, чтобы все стало как прежде? – Клара щелкнула пальцами перед его лицом. – Ты мне отвратителен!

Питер отпрянул от нее, уязвленный. Ему хотелось наговорить ей всяких слов, которые причинят ей такую же боль, какую она причинила ему.

– Уходи! – завизжала Клара, икая и всхлипывая.

Да он и хотел уйти. Хотел уйти еще вчера вечером, когда все это началось. Но остался. И теперь, больше чем когда-либо, он хотел сбежать, хотя бы ненадолго. Пройтись по Общественной улице, выпить кофе с Беном. Принять душ. Все это казалось таким разумным, таким оправданным. Вместо этого он снова наклонился к ней, взял ее перемазанные соплями руки в свои и поцеловал. Клара попыталась вырваться, но он держал ее крепко.

– Клара, я тебя люблю. И я знаю тебя. Ты должна решить, во что ты веришь, во что ты по-настоящему, истинно веришь. Все эти годы ты говорила про Бога. Ты писала про свою веру. Ты рисовала танцующих ангелов и вожделеющих богинь. Скажи мне, Клара, Бог – Он сейчас здесь, в этой комнате?

Тихий голос Питера успокоил Клару. Она стала слушать.

– Он здесь? – Питер медленно поднес палец к груди Клары, не касаясь ее. – Джейн сейчас с Ним?

Питер знал, что нужно продолжать говорить. И на этот раз нечто более

конкретное.

– Все эти вопросы, которые вы с Джейн обсуждали, над которыми смеялись и спорили, – она теперь знает ответы на них. Она встретилась с Господом.

У Клары открылся рот, и она уставилась перед собой. Вот он. Вот он где. Ее материк. Вот куда должна она нести свою скорбь. Джейн умерла. И она сейчас с Господом. Питер прав. Она либо верит в Бога, либо не верит. И то и другое не зазорно. Но она больше не может верить в Бога и при этом вести себя так, будто Его нет. Она и в самом деле верит в Бога. И верит, что Джейн сейчас с ним. Внезапно ее боль и скорбь стали по-человечески естественными. Клара почувствовала, что их можно пережить. И она знает, куда поместить свою боль – туда, где теперь Джейн с Господом.

Это было таким облегчением. Она взглянула на Питера, склонившегося к ней. Его лицо было так близко. Темные круги под глазами. Волнистые волосы с проседью всклокочены. Клара провела рукой по собственным волосам и обнаружила потерявшуюся в их хаосе заколку в виде уточки. Она вытащила ее вместе с клоком волос, положила другую руку на затылок Питера, молча притянула его голову к себе, разгладила его непослушные волосы и скрепила их заколкой. А потом прошептала ему в ухо:

– Спасибо. И прости меня.

И тут Питер начал плакать. К собственному ужасу, он почувствовал, как жжет глаза, как они наполняются слезами, как горит у него горло. Он больше не мог сдерживаться – чувства овладели им. Он плакал, как заплакал как-то раз в детстве, когда лежал в тепле своей кровати, слушал разговор родителей и вдруг понял, что они говорят о разводе. Он обнял Клару, прижал ее к груди и молча взмолился о том, чтобы никогда ее не потерять.

Летучка в управлении Квебекской полиции в Монреале продолжалась недолго. Коронер обещала предоставить предварительные результаты вскрытия сегодня днем и завезти их в Три Сосны по дороге домой. Жан Ги Бовуар доложил о своем разговоре с Робером Лемье из полицейского отделения в Кауансвилле – Робер все еще горел желанием оказать им помощь.

– Он сказал, что сама Йоланда Фонтейн вне подозрений, к ней есть некоторые претензии касательно некорректного проведения сделок по недвижимости, но ничего такого, что выходило бы за рамки закона. А вот ее сын и муж – фигуры известные в полиции, как в местной, так и в

Квебекской. Ее мужу Андре Маленфану тридцать семь лет. Пять задержаний за пьянство и нарушение общественного порядка. Два нападения. Два ограбления со взломом.

– Приговоры с тюремным заключением у него были?

– Два срока он отсидел, а сколько ночей провел в полицейских отделениях – и не сосчитать.

– А сын?

– Бернар Маленфан. Четырнадцать лет. Похоже, достойный ученик отца. Совершенно неуправляемый. Многократные жалобы из школы. Многократные жалобы от родителей.

– А обвинения ему какие-нибудь были предъявлены?

– Нет, только несколько серьезных разговоров в полиции с предупреждениями.

Кое-кто из полицейских в помещении цинично ухмыльнулся.

Гамаш хорошо знал Бовуара, а потому предположил, что самое важное тот припас на конец. И по телесному языку Бовуара было видно, что Гамаш не ошибся.

– Но, – сказал Бовуар, и его глаза победно засветились, – Андре Маленфан – охотник. После отбытия сроков по судебному приговору ему запрещено охотиться с огнестрельным оружием. Однако…

Гамаш с удовольствием наблюдал, как Бовуар дает волю своей склонности к театральным эффектам, а данный случай являл собой, пожалуй, максимум театральности, какую позволял себе инспектор.

– …в этом году он впервые обратился за разрешением на охоту с использованием лука.

Туш.

Летучка закончилась. Бовуар выдал каждому задание, и команда разошлась по делам. Когда все удалились, хотела было встать и Николь, но Гамаш остановил ее. Они остались наедине, и ему нужно было поговорить с ней. Он наблюдал за ней во время летучки – она опять выбрала место подальше от всех, не расхватывала вместе с остальными кофе и булочки. Она вообще не делала ничего из того, что делали другие. Это было почти осознанным желанием – отделить себя от остальной команды. И одежда на ней была простая, не такая, какую ожидаешь увидеть на монреальской женщине, которой едва перевалило за двадцать. Не наблюдалось в ней и никакой типичной для квебекца театральности. Гамаш осознавал, что он сам привык к некоторой отчужденности от остальных членов его команды. Но Николь как будто специально старалась казаться незаметной. Костюм унылого синего цвета сшит из дешевого материала. Плечи слегка подбиты,

следы от чистящего средства кричат о том, что этот лежалый товар куплен на распродаже. Под мышками видны белые разводы – граница того места, до которого она пропотела в прошлый раз, когда надевала этот костюм. А потом не выстирала его. Может быть, она сама шьет себе одежду. Может быть, она все еще живет с родителями. Наверное, они гордятся ею, ждут от нее успехов, и этот груз давит на нее. Возможно, все это и объясняет то единственное качество, что отличает ее от остальных. Ее самодовольство.

– Вы здесь стажируетесь, учитесь, – тихо сказал он ей прямо в слегка надутое лицо. – Поэтому вы должны приобретать у нас определенные навыки. Вы любите учиться?

– Да, сэр.

– И как вы учитесь?

– Простите, сэр?

– Вопрос ясен. Подумайте и ответьте, пожалуйста.

Его темно-карие глаза были, как всегда, живыми и дружелюбными. Говорил он спокойно, но твердо. Без враждебности, но с ожиданием. И голос его звучал явно начальственно и наставнически. Николь растерялась. Вчера он был с ней таким благожелательным, таким вежливым, и она думала, что сможет воспользоваться этим. Теперь она начала понимать, что ошибалась.

– Я учусь, наблюдая и слушая, сэр.

– И?

И что? Вот они сидят здесь. У Гамаша такой вид, будто у него нет никаких дел на день, хотя она знала, что через два часа он должен встретиться с жителями Трех Сосен, а им еще предстоит туда добраться. Мысли Николь словно застопорились. И… И…

– Подумайте об этом. Вечером скажете мне, к какому выводу пришли. А сейчас позвольте я вам скажу, как работаю я. И чего жду от вас.

– Да, сэр.

– Я наблюдаю. Я умею неплохо наблюдать. Замечаю, что происходит. И слушаю. Активно слушаю то, что говорят люди, обращаю внимание на выбор слов, интонации. И на то, о чем они умалчивают. И вот что самое главное, агент Николь. Выбор.

– Выбор?

– Мы выбираем наши мысли. Выбираем наше восприятие. Наше отношение к тому или иному событию. Мы можем думать, что это не так. Мы можем не верить, что мы делаем этот выбор, но так оно и есть на самом деле. Я в этом абсолютно уверен. Я повидал достаточно, чтобы не сомневаться в этом, – столько дел расследовано, столько трагедий прошло

перед моими глазами. Столько раз мы праздновали победу. Все дело в выборе.

– Это как выбрать школу? Или обед?

– Одежду, прическу, друзей. Да. Все начинается отсюда. Жизнь – это выбор. Каждый день. С кем мы говорим, где сидим, что говорим, как говорим. И наша жизнь определяется тем выбором, который мы делаем. Все это просто и сложно одновременно. И когда я наблюдаю, именно это я и пытаюсь понять. Какой выбор делают люди.

– Что я должна делать, сэр?

– Вы можете учиться. Можете наблюдать и слушать и делать то, что вам говорят. Вы – стажер. Никто не ждет от вас никаких прозрений. Если вы будете делать вид, что вам все известно, то ничему не научитесь.

Николь почувствовала, как зарделись ее щеки, и прокляла свое тело, которое, сколько она себя помнила, предавало ее. Она краснела по любому поводу и без повода. «Может быть, – говорил ей какой-то глубинный голос, – может быть, если ты перестанешь притворяться, то перестанешь и краснеть». Но голос этот звучал так слабо.

– Я наблюдал за вами вчера. У вас были неплохие моменты. Вы первая заговорили о возможности применения стрелы как орудия убийства. Отлично. Но еще вы должны научиться слушать. Слушать жителей деревни, слушать подозреваемых, сплетни, прислушиваться к своим инстинктам и вашим коллегам.

Николь понравилось это слово – коллеги. У нее никогда прежде не было коллег. В дорожно-патрульном подразделении полиции она работала более или менее сама по себе, а перед этим в отделении полиции в Репантиньи она всегда чувствовала, что люди хотят устроить ей какую-нибудь подлость. Иметь коллег – это будет здорово. Гамаш подался к ней:

– Вам нужно привыкнуть к тому, что у вас есть выбор. Есть четыре вещи на пути к мудрости. Вы готовы их выслушать?

Она кивнула, спрашивая себе, когда же начнется полицейская работа.

– Есть четыре фразы, которые мы должны научиться произносить, но это должны быть не пустые слова. – Гамаш поднял сжатую в кулак руку и на каждом пункте отгибал по пальцу. – «Я не знаю». «Мне нужна помощь». «Прошу прощения». И еще одно… – Гамаш задумался на секунду, но не смог вспомнить. – Я забыл. Но мы еще поговорим об этом вечером, хорошо?

– Хорошо, сэр. И спасибо вам.

Как ни странно, Николь почувствовала, что ее слова не пустой звук. Она действительно была благодарна ему.

Когда Гамаш ушел, Николь достала свой ноутбук. Она не хотела делать заметки, пока он говорил. Думала, что будет выглядеть глупо. А теперь она быстро записала: «Я не знаю. Мне нужна помощь. Прошу прощения. Я забыла».

Войдя после душа в кухню, Питер обратил внимание на две вещи. На плитке готовился кофе, а Клара, лежа на полу, прижималась к Люси – золотому ретриверу Джейн; собака свернулась в тугой клубок, и ее нос торчал между задних ног.

– Вчера она мне помогла, – сказала Клара, оглядываясь на Питера.

Посмотрела на его тапочки и невольно подняла взгляд на халат.

Питер наклонился и поцеловал Клару. Потом – Люси в голову. Но собака не шелохнулась.

– Бедняга.

– Я предложила ей кусочек банана, но она даже головы не подняла.

Каждый день собачьей жизни Люси Джейн нарезала на завтрак банан ломтиками, и таинственным образом один ломтик падал на пол, где оставался всего одно мгновение – Люси тут же слизывала его. Каждое утро надежды Люси сбывались, и это подтверждало ее веру в то, что бог – старый и неловкий, что от него пахнет розами и он живет в кухне.

Но теперь это кончилось.

Люси знала, что ее бог умер. И теперь она знала, что чудо было не в банане, а в руке, его дающей.

После завтрака Питер и Клара оделись по-осеннему и двинулись через деревенский луг к дому Бена. Серые тучи грозили дождем, а ветер дул влажный и кусачий. Когда они вошли на веранду перед домом Бена, их встретил аромат тушеного чеснока и лука. Клара знала, что если она вдруг ослепнет, то всегда сможет узнать, что оказалась в доме Бена. Здесь пахло псиной и старыми книгами. От всех собак Бена несло псиной, не только от Дейзи, и это никак не было связано с их возрастом. Клара не знала толком, то ли Бен притягивает к себе собак, то ли создает их. Но вот сегодня в его доме неожиданно воцарились кухонные запахи. Вместо того чтобы порадоваться этому, Клара вдруг ощутила тошноту, словно из жизни исчезло еще что-то неколебимое. Она хотела, чтобы старые запахи вернулись. Она хотела, чтобы вернулась Джейн. Она хотела, чтобы ничто в жизни не менялось.

– Я думал приготовить для вас сюрприз, – сказал Бен и подошел обнять Клару. – Мясо в остром соусе.

– Это моя любимая еда, когда мне плохо.

– Я никогда прежде не готовил, но у меня сохранились кулинарные книги моей матушки, и я нашел этот рецепт в «Радостях кулинарии». Джейн это не вернет, но немного облегчит боль утраты.

Клара посмотрела на огромную кулинарную книгу, раскрытую на кухонном столе, и почувствовала отвращение. Причиной его был этот дом. Место, где жила Тиммер. Дом, который отвергал любовь и смех, привлекая змей и мышей. Она не хотела иметь с ним ничего общего и теперь поняла, что ее отвращение распространяется и на предметы, которые в нем находятся.

– Бен, Бен, ты ведь тоже любил Джейн. И ты ее нашел. Представляю, какой это был ужас.

– Да уж.

Он вкратце рассказал, как это было, не отваживаясь смотреть на Питера и Клару, словно был в чем-то виноват. При этом он помешивал мясо в кастрюле, а Клара, слушая Бена, открывала банки с приправами. Потом она дала открывашку Питеру и вынуждена была сесть. Она живо представляла все то, что рассказывал Бен. Но она все ждала, что Джейн встанет. Когда Бен закончил, Клара извинилась и прошла в гостиную.

Она подложила поленце в камин, слушая тихий разговор Питера и Бена. Слов было не разобрать – лишь дружеские интонации. На нее снова нахлынула волна скорби. Она потеряла друга, с которым могла болтать часами. Человека, с которым они умели утешать друг друга. И она чувствовала кое-что еще, укол зависти: вот у Питера ведь остался Бен. Питер в любое время может прийти к нему, а ее лучшего друга больше нет. Клара знала, что это невыразимо гадкие и эгоистичные мысли, но отделаться от них не могла. Она глубоко вздохнула, вдыхая разные успокаивающие ароматы – чеснока, лука, мяса… Вероятно, Нелли недавно делала здесь уборку, потому что чувствовался и запах щелочи. Чистоты. Кларе стало получше. Она знала, что Бен – и ее друг, не только Питера. Она знала, что не одна, если только она сама не выберет одиночество. И еще она знала, что Дейзи пересилит тушеный чеснок и запах псины вскоре восторжествует.

Когда появились Питер, Клара и Бен, Святой Томас заполнялся народом. Дождь уже начался, так что на улице никто не задерживался. Крохотная парковка у церкви была переполнена, и Общественная улица, огибающая деревенский луг, тоже была забита машинами. В церкви было тепло и тесно. Здесь пахло влажной шерстью и землей, нанесенной на обуви. Клара, Бен и Питер втиснулись внутрь и расположились вдоль

задней стены. Клара почувствовала, что в спину ей давят какие-то маленькие выпуклости. Она повернулась и увидела, что опирается на пробковую доску, на которую вешаются объявления. Извещения о полугодовых чаепитиях и распродажах поделок, о встречах девочек-скаутов, о тренировках у Ханны по четвергам и понедельникам, о встрече членов бридж-клуба по средам в семь тридцать и старые пожелтевшие сообщения о «новых» церковных часах, висящие с тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года.

– Меня зовут Арман Гамаш.

Человек крупного сложения встал перед собравшимися. Сегодня он был одет в твидовый пиджак и серые шерстяные брюки, на оксфордской рубашке – простой и изящный бордовый галстук. Шляпу он снял, и Клара увидела, что он лысеет, но не пытается это скрыть. Волосы у него начали седеть, а усы были аккуратно подстрижены. Он производил впечатление сельского джентльмена. Это был человек, который привык нести на своих плечах ответственность и делал это хорошо. В церкви тут же воцарилась тишина, если не считать незатихающего кашля где-то в задних рядах.

– Я старший инспектор отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

В помещении поднялся гул, и Гамаш дождался, когда снова станет тихо.

– Это мой заместитель Жан Ги Бовуар.

Бовуар вышел вперед и поклонился.

– Здесь находятся и другие полицейские из моего отдела. Я полагаю, вы их видите.

Он не сказал, что бо́льшая часть его людей сейчас работают в клубе любителей стрельбы из лука – переворачивают там все вверх дном.

Клара вдруг подумала, что человек, который убил Джейн, возможно, находится здесь, в Святом Томасе. Она оглядела собравшихся, увидела Нелли с ее мужем Уэйном, Мирну и Рут, Оливье и Габри. В ряду за ними сидели Мэтью и Сюзанна Крофт. А Филиппа не было.

– Мы считаем, что Джейн Нил погибла вследствие несчастного случая, но с повинной пока никто не явился. – Гамаш помолчал, и Клара обратила внимание, каким он может быть спокойным и сосредоточенным. Своими умными глазами он обвел собравшихся, а затем продолжил: – Если это был несчастный случай и виновник находится здесь, то я хочу, чтобы он знал вот что.

Клара и не предполагала, что в церкви может стать еще тише, однако именно это и произошло. Даже кашель прекратился – любопытство

чудесным образом исцелило его.

– Наверное, когда вы поняли, что произошло, вас охватил ужас. Но вы должны встать и признаться. Чем дольше вы будете отмалчиваться, тем хуже. Для нас, для общества и для вас.

Старший инспектор Гамаш замолчал и снова оглядел собравшихся неторопливым взглядом. Каждому, на ком он задержался, показалось, что Гамаш заглянул ему в душу. Собравшиеся ждали. Было какое-то ощущение, представление, что вот сейчас виновник встанет и признается.

Клара поймала взгляд Йоланды Фонтейн, которая едва заметно улыбнулась ей. Андре, костлявый муж Йоланды, тоже приехал. Он чистил ногти и время от времени отгрызал кусочек. Их удивительно непривлекательный сын Бернар, ссутулившись, сидел на скамье мрачный, с раскрытым ртом. Вид у него был скучающий, и он время от времени закидывал в рот горсть конфет и корчил рожи своим приятелям.

Никто не шевельнулся.

– Мы вас найдем. Непременно. – Гамаш глубоко вздохнул, словно меняя тему. – Мы ведем следствие так, как если бы это было преднамеренное убийство, хотя и сомневаемся в этом. Здесь у меня предварительный отчет коронера. – Он раскрыл наладонник. – В нем подтверждается, что Джейн Нил умерла между шестью тридцатью и семью часами вчерашнего утра. Орудием убийства, судя по всему, был лук.

Это вызвало гул в церкви.

– Я говорю «судя по всему», потому что оружие не было найдено. И в этом-то и состоит проблема. Это аргумент против того, что убийство было случайным. И в сочетании с тем фактом, что никто пока не взял на себя ответственность, это объясняет, почему мы должны относиться к этому с подозрением.

Гамаш помолчал и оглядел собравшихся в церкви. На него смотрело множество благонамеренных лиц, хотя на некоторых из них читалось нетерпение. «Они и понятия не имеют, что с ними произошло», – подумал Гамаш.

– И вот как это начинается. Вы повсюду будете видеть нас. Мы станем задавать вопросы, проверять ваши биографии, разговаривать – не только с вами, но и с вашими соседями, нанимателями, членами семьи и друзьями.

Снова гул. На сей раз с оттенком враждебности. Гамаш был уверен, что с левой стороны до него донеслось слово «фашист». Он посмотрел туда и увидел Рут Зардо.

– Вы не напрашивались на это, но оно пришло к вам. Джейн Нил убита, и нам всем нужно разобраться с этим. Мы должны делать нашу

работу, а вы – помогать нам, а это значит соглашаться на то, с чем вы не согласились бы в обычной ситуации. Такова жизнь. И я прошу у вас извинения за это. Но факты от этого не меняются.

Гул стих, и кое-кто даже согласно закивал.

– У нас у всех есть тайны, и, прежде чем все это закончится, я буду знать большинство ваших тайн. Если они не имеют отношения к делу, то умрут вместе со мной. Но я их узнаю. По большей части во второй половине дня я буду сидеть в бистро мистера Брюле, просматривать записки. Приглашаю вас присоединиться ко мне – выпьем кофе и поговорим.

Гамаш знал: преступление – вещь, по сути, человеческая. Причина и следствие. И он не знал другого способа обнаружить преступника – только завязать знакомства со всеми, кто так или иначе мог иметь отношение к случившемуся. Поговорить в кафе – самое приятное и обезоруживающее, что можно было придумать.

– Есть вопросы?

– Нам грозит опасность? – спросила Ханна Парра, избранный член местного самоуправления.

Гамаш ожидал этого трудного вопроса, – трудного потому, что они не знали, несчастный ли это случай или умышленное убийство.

– Я так не думаю. Следует ли вам запирать двери на ночь? Всегда. Следует ли вам проявлять осторожность, когда вы отправляетесь прогуляться по лесу или по дороге? Да. Должны ли вы делать все это?

Он помолчал, увидев озабоченность на всех лицах.

– Ты запер дверь прошлой ночью? – спросила Клара у Питера.

Питер кивнул, и Клара с облегчением пожала ему руку.

– А ты? – спросила она у Бена.

Тот отрицательно покачал головой:

– Нет, но сегодня непременно запру.

– Это вы сами должны решать, – продолжил Гамаш. – По моему опыту, после подобных происшествий люди становятся более осторожными, но уже примерно через неделю возвращаются к привычному образу жизни. Некоторые осторожничают в течение всей последующей жизни, другие – нет. Большинство выбирают нечто среднее. Нет какого-то правильного или лучшего способа поведения. Откровенно говоря, я бы пока проявлял осторожность, однако для паники нет ни малейшего повода. – Он улыбнулся и добавил: – Но вы на паникеров не похожи.

Так оно и было, хотя некоторые выглядели чуть более встревоженными, чем когда они входили в церковь.

– Кроме того, я остаюсь в местной гостинице, так что, если у вас возникнут какие-то опасения, я к вашим услугам.

– Меня зовут Старик Мюнден. – Со скамьи поднялся человек лет двадцати пяти, невероятно красивый: кудрявые темные волосы, точеные черты лица, тело, привычное к физическим нагрузкам.

Бовуар стрельнул в Гамаша взглядом, в котором читались любопытство и недоумение. Неужели этого человека и в самом деле зовут «Старик»? Он так и записал, хотя не был уверен.

– Да, мистер Мюнден?

– Я слышал, что, когда Джейн умерла, при ней не было Люси. Это верно?

– Да. Насколько я понимаю, это очень необычно.

– Вы абсолютно правы, Она всюду ходила с этой собакой. Она бы не пошла в лес без Люси.

– Она брала ее для защиты?

– Нет. Просто брала. Если у вас есть собака, то вы берете ее с собой на прогулку. И конечно, в первую очередь утром, когда собаке после ночи нужно сделать свои дела. Нет, сэр. Это не имеет смысла.

Гамаш обратился к публике:

– Кто-нибудь из вас может сказать, почему Джейн оставила Люси дома?

На Клару этот вопрос произвел впечатление. Вот перед нею стоит глава следственной команды, старший офицер Квебекской полиции, и он спрашивает их мнение. Неожиданный переход от утра и его бездеятельности к активности. Расследование начинало становиться «их» расследованием.

– Джейн могла оставить Люси дома, если та болела или у нее началась течка, – выкрикнула Сью Уильямс.

– Это верно, – сказал Питер. – Но у Люси нет течки, и она здорова.

– Может быть, Джейн увидела в лесу охотников и вернула Люси домой, чтобы ее не пристрелили по ошибке? – предположил Уэйн Робертсон.

Но тут у него снова начался приступ кашля, и он сел. Его жена Нелли обняла его щедрой рукой, словно оберегая от болезни.

– Но пошла бы она после этого в лес одна, зная, что там охотники? – спросил Гамаш.

– Могла и пойти, – ответил Бен. – Она так поступала и прежде. Помните, два года назад, когда она поймала… – Он замолчал, явно смутившись.

За этим последовали неловкий смех и гул. Гамаш поднял брови в ожидании.

– Это был я, как вам всем известно. – Со своего места поднялся человек. – Меня зовут Мэтью Крофт.

Мужчина лет тридцати пяти, среднего сложения, ничем не примечательный. Рядом с ним сидела стройная женщина с напряженным выражением на лице. Фамилия была знакома Гамашу.

– Три года назад я незаконно охотился в лесу, принадлежащем Хадли. Мисс Нил поговорила со мной, попросила удалиться.

– И вы ушли?

– Да.

– А почему вы вообще там оказались?

– Моя семья ходила туда не одну сотню лет, и мы воспитывались в убеждении, что в сезон охоты право собственности не действует.

– Это неверно, – раздался голос из заднего ряда.

Бовуар быстро делал заметки.

Крофт повернулся на голос:

– Это ты, Анри?

Анри Ларивьер, скульптор, величественно поднялся на ноги.

– Я воспитывался в таком убеждении, – продолжил Крофт. – Меня учили, что охотиться, где хочешь, – это исконное право, потому что в прежние времена твоя жизнь зависела от того, сколько мяса ты запасешь на зиму.

– Мэтью, для этого существуют магазины. Или «Лоблоуз» тебя не устраивают? – тихо спросил Анри.

– «Ай-джи-эй», «Провиго»[32], – раздались другие голоса.

– Да и я еще есть, – сказал Жак Беливо, владелец местного магазина.

Все рассмеялись. Гамаш не останавливал их – наблюдал, слушал, смотрел, к чему это приведет.

– Да, времена меняются, – раздраженно согласился Крофт. – В этом больше нет необходимости, но это прекрасная традиция. И прекрасная философия: сосед помогает соседу. Я в это верю.

– Никто не говорит, что ты не веришь, – сказал Питер, шагнув вперед. – И я не думаю, что тебе нужно оправдываться. Ведь это такая старая история.

– Но он оправдывается, мистер Морроу, – вмешался Гамаш в тот момент, когда Бовуар протянул ему записку. – Не исключено, что Джейн Нил была убита охотником, который незаконно вторгся на земли мистера Хадли. Любой, с кем случалось подобное, ощущает потребность

объясниться.

Гамаш кинул взгляд на записку. Бовуар печатными буквами написал: «Филипп Крофт кидался птичьим пометом. Сын?» Гамаш сложил записку и сунул ее в карман.

– Вы по-прежнему охотитесь, где хотите, мистер Крофт?

– Нет, сэр.

– Почему?

– Потому что я уважал мисс Нил. И потому что я все-таки внял тому, что люди твердили мне много лет. Я согласился с ними. Я вообще теперь оставил это занятие. Не охочусь нигде и никогда.

– У вас есть охотничий лук?

– Да, сэр.

Гамаш оглядел присутствующих:

– Я прошу всех, у кого есть охотничьи луки, даже если вы много лет ими не пользовались, сообщить ваши имя и адрес инспектору Бовуару.

– Только охотничьи? – спросил Питер.

– А что? Почему вы спрашиваете?

– Спортивные луки называются рекурсивными, и они отличаются от охотничьих. Охотничьи луки композитные.

– Но результат они дают тот же самый, если их использовать против человека?

– Наверное, да.

Питер повернулся к Бену, который на мгновение задумался.

– Да, – сказал Бен. – Хотя стрелы иные. Нужно быть поразительно удачливым – или, напротив, неудачливым – стрелком, чтобы убить из рекурсивного лука.

– Почему?

– Потому что у рекурсивного лука стрелы с очень маленьким наконечником, похожим на оконечник пули. А у композитных стрелы совсем другие. Я из них никогда не стрелял, но ты, Мэт, должен знать.

– Охотничья стрела имеет на заостренном конце четыре, а иногда и пять острых лезвий.

Бовуар поставил около алтаря пюпитр с бумагой. Гамаш подошел к нему и нарисовал большой черный круг с четырьмя исходящими из него линиями – подобие того, что нарисовал Бовуар вчера за ланчем.

– И эта стрела оставляет вот такую рану?

Мэтью Крофт вышел вперед и словно потащил за собой всех собравшихся – они подались вперед на своих сиденьях.

– Именно такую.

Гамаш и Бовуар переглянулись. Частично они получили ответ на свой вопрос.

– Значит, – сказал Гамаш, – такое ранение могло быть нанесено охотничьей стрелой.

Мэтью Крофт не понял, к нему ли обращены эти слова Гамаша или нет, но все равно ответил:

– Да, сэр. Тут нет вопросов.

– Как выглядит охотничья стрела?

– Она металлическая, очень легкая и полая, со стабилизатором на конце.

– А лук?

– Охотничий лук называется композитным, он изготавливается из сплавов.

– Из сплавов? – переспросил Гамаш. – Значит, они металлические. А я думал, деревянные.

– Прежде были деревянные, – кивнул Мэтью.

– Некоторые так и остались деревянными, – крикнул кто-то из публики под общий смех.

– Это они надо мной смеются, инспектор, – пояснил Бен. – Когда я основал клуб лучников, мы взяли на вооружение деревянные луки и стрелы. Традиционную рекурсивную разновидность…

– Робин Гуд, – крикнул кто-то, и снова раздались смешки.

– И его веселые друзья, – напевным голосом добавил Габри, довольный своим вкладом.

Новая порция приглушенного смеха, но Габри его не слышал – освобождался от цепких пальцев Оливье, ухвативших его за ногу.

– Это верно, – сказал Бен. – Когда мы с Питером основали клуб, мы были очарованы Робин Гудом, ковбоями и индейцами. Мы и облачались соответственно.

Питер застонал, и даже Клара фыркнула, вспомнив это далекое прошлое: два друга бродят по лесу в зеленых рейтузах и удлиненных шапках, похожих на средневековые. Им тогда было лет по двадцать пять. Но Клара знала, что они до сих пор наряжаются в эти одеяния и отправляются в лес, когда думают, что их никто не увидит.

– Так что мы пользовались только деревянными рекурсивными луками и деревянными стрелами, – сказал Бен.

– А чем вы пользуетесь теперь, мистер Хадли?

– Теми же луками и стрелами. Не видели причины, зачем их менять. Мы пользуемся ими только для стрельбы по мишеням за зданием старой

школы.

– Давайте подытожим. Современные луки и стрелы изготавливаются из металла. А старые были деревянными. Верно?

– Верно.

– Стрела может пройти через тело?

– Да, насквозь, – ответил Мэтью.

– Но вы, мистер Хадли, говорили о ковбоях и индейцах. Насколько я помню по старым фильмам, стрела остается в теле.

– Эти фильмы далеки от реальности, – возразил Мэтью.

Гамаш услышал, как Бовуар хохотнул у него за спиной.

– Поверьте мне, – продолжил Мэтью, – стрела прошивает тело насквозь.

– И металлическая, и деревянная?

– Да. Любая.

Гамаш покачал головой. Еще один миф развеян. Интересно, знает ли об этом церковь. Но как бы там ни было, у них теперь есть ответ на загадку выходного отверстия. И теперь они больше, чем прежде, уверены, что Джейн Нил была убита стрелой. Но где эта стрела?

– И как далеко летит после этого стрела?

– Мм, хороший вопрос. Футов десять-пятнадцать.

Гамаш посмотрел на Бовуара и кивнул. Стрела могла прошить тело насквозь и улететь дальше в лес. Но они искали там и ничего не нашли.

– А трудно ли ее найти?

– Да не очень. Если вы опытный охотник, вы точно знаете, где искать. Она будет торчать из земли. А благодаря оперению найти ее еще легче. Стрелы – штука дорогая, инспектор, так что мы всегда их ищем. Это становится второй натурой.

– Коронер нашла в ране несколько перышек. Что это может значить?

Гамаш с удивлением заметил, что этот простой вопрос вызвал переполох. Питер уставился на Бена, а у того был сконфуженный вид. И вообще, все собравшиеся развили неожиданную активность.

– Если это была стрела, то только старая, деревянная, – сказал Питер.

– На стальных стрелах не бывает натуральных перьев? – спросил Гамаш, чувствуя, что начинает входить в тему.

– Не бывает.

– Так. Простите, что я снова и снова возвращаюсь к этому, но мне нужно знать наверняка. Если в ране были обнаружены натуральные перья, то речь идет о деревянной стреле. Не стальной, а деревянной.

– Верно, – проговорила половина собравшихся.

– И, – сказал Гамаш, делая еще один маленький шажок к истине, – это была не спортивная стрела вроде тех, какими пользуются в клубе, а охотничья? Мы это знаем по характеру раны.

Он показал на рисунок, и все закивали.

– Это была деревянная стрела с охотничьим наконечником. А деревянные охотничьи стрелы можно использовать с новыми металлическими луками?

– Нет, – ответили собравшиеся.

– Значит, лук тоже должен был быть деревянным?

– Верно.

– Лук Робин Гуда?

– Верно.

– Понял, спасибо. А сейчас у меня к вам еще один вопрос. Вы упоминали рекурсивный лук и композитный лук. Какая между ними разница?

Он бросил взгляд на Бовуара – хотелось надеяться, что тот все точно конспектирует.

– Рекурсивный лук, – начал Бен, – это лук Робин Гуда. Это ковбойский и индейский лук. Это длинная гибкая палка, более широкая в центре, где имеются углубления под пальцы. А по обеим концам есть зарубки. Вы надеваете тетиву на один конец, затем натягиваете на другой, палка искривляется, и получается лук. Простой и эффективный. Этой конструкции тысячи лет. Отстрелявшись, вы снимаете тетиву и кладете лук на место, и он опять превращается в обычную палку. Рекурсивным он называется потому, что каждый раз возвращается к своей изначальной форме.

«Очень просто», – подумал Гамаш.

– Композитный лук, – сказал Мэтью, – это относительно новая конструкция. В принципе он похож на очень сложный лук с натяжными роликами на обоих концах и разными тетивами. У него весьма хитроумное устройство прицеливания. И еще есть спускной механизм.

– А рекурсивный лук, он такой же мощный и точный, как этот другой… Как вы его называете?

– Композитный, – выкрикнули одновременно человек двадцать, включая и трех полицейских.

– Что касается точности… да. А вот мощности – нет.

– У вас, кажется, есть сомнения относительно точности.

– С рекурсивным луком вы натягиваете тетиву собственными пальцами. Если у вас дернулась рука, когда вы отпустили стрелу, то

выстрел будет неточным. У композитного лука есть спускной механизм, так что там выстрел ровнее. И еще у него точное прицельное устройство.

– Сегодня некоторые охотники предпочитают пользоваться деревянными рекурсивными луками и деревянными стрелами. Верно?

– Таких не много, – заметила Элен Шаррон. – Таких охотников мало.

Гамаш снова обратился к Мэтью:

– Если бы вы собрались кого-нибудь убить, то какой лук выбрали бы? Рекурсивный или композитный?

Мэтью Крофт задумался. Вопрос ему явно не понравился. Андре Маленфан рассмеялся. Звук был невеселый, язвительный.

– Тут нет сомнений, – ответил Мэтью. – Композитный. Не могу себе представить, чтобы кто-то в наши дни охотился со старым деревянным рекурсивным луком и использовал стрелы с натуральными перьями. Это все равно что вернуться в прошлое. Практиковаться в точности стрельбы с таким луком вполне можно. Но охотиться? И уж коли на то пошло… если вы замыслили убийство, то зачем рисковать с рекурсивным луком. Нет, для такого дела больше подходит композитный. А что касается меня, то я бы воспользовался огнестрельным оружием.

«В этом-то и загадка, – думал Гамаш. – Почему? Почему стрела, а не пуля? Почему старомодный деревянный лук, а не современное охотничье оружие?» В конце следствия ответ всегда обнаруживался. Ответ, который был логичным. По крайней мере, на определенном уровне. И для части людей. Но пока разумного ответа не было. Старомодные деревянные стрелы с натуральными перьями были использованы для убийства пожилой женщины, бывшей учительницы. Почему?

– Мистер Крофт, вы все еще владеете вашим охотничьим оружием?

– Да, сэр.

– Может быть, вы продемонстрируете мне его в действии сегодня?

– С удовольствием, – без промедления ответил Крофт, но Гамашу показалось, что он напрягся.

Гамаш посмотрел на часы. 12.30.

– У кого-нибудь еще есть вопросы?

– У меня есть. – Рут Зардо с трудом поднялась. – Вообще-то, это скорее заявление, чем вопрос.

Гамаш с интересом посмотрел на нее, одновременно призывая себя к большей, чем обычно, сдержанности.

– Вы можете использовать вокзал, если считаете, что он подходит для вашего оперативного штаба. Я слышала, вы ищете помещение. Добровольная пожарная команда готова прийти вам на помощь.

Он на мгновение задумался. Решение было не идеальным, но вокзал казался наилучшим выбором теперь, когда в старом школьном здании велось следствие.

– Спасибо, мы воспользуемся вашим пожарным депо. Я вам очень благодарен.

– Я хотела бы сказать кое-что, – проговорила Йоланда, вставая. – Полиция наверняка сообщит мне, когда можно будет похоронить тетушку Джейн. Я всех извещу, когда и где состоятся похороны.

Гамаш внезапно проникся к ней сочувствием. Она была одета во все черное и, казалось, вела внутреннюю борьбу с самой собой: то ли предаваться скорби, то ли заявлять свои права на наследство. Он видел такое не раз: люди стремятся занять положение главного плакальщика. Это всегда было понятно по-человечески и никогда не вызывало симпатии, а часто сбивало с толку. Социальные работники, раздающие гуманитарную помощь, очень быстро понимают, что те, кто стоит в первых рядах за помощью, меньше всего в ней нуждаются. Больше всего помощь нужна тем, кто тихо сидит в задних рядах и не имеет сил бороться за нее. Так же и с трагедией. Люди, которые не выпячивают своей скорби, нередко переживают сильнее других. Но еще он знал, что не существует жестких и неизменных правил.

Гамаш свернул собрание. Почти все присутствовавшие бегом – по случаю дождя – устремились в бистро на ланч. Кто готовить, кто обслуживать, а большинство – есть. Гамашу не терпелось узнать результаты обыска в клубе лучников.

Глава пятая

Агент Изабель Лакост дрожащими руками залезла в пластиковый мешок и осторожно извлекла из него орудие убийства. В мокрых онемевших пальцах она держала наконечник стрелы. Остальные полицейские молча сидели в помещении, многие щурились, чтобы лучше разглядеть крохотный наконечник, предназначенный для того, чтобы убивать.

– Мы нашли его вместе с другими в клубе, – сказала она, пустив наконечник по рядам.

Она появилась сегодня рано утром, приехала сквозь дождь и темень из Монреаля, оставив мужа приглядывать за детьми. Агент Лакост любила тихую, спокойную кабинетную работу, но сегодня ее кабинетом было холодное и безмолвное здание, в котором прежде размещалась школа. Инспектор Бовуар вручил ей ключи, она пролезла под желтую полицейскую ленту, вытащила термос с кофе, бросила на пол саквояж с полицейским набором для обследования места преступления, включила свет и огляделась. Дощатые стены были увешаны колчанами, висевшими на крючках, когда-то давно предназначенных для маленьких курточек. В передней части комнаты по-прежнему главное место занимала доска, навечно приделанная к стене. Кто-то нарисовал на ней мишень и стрелка́, соединенных дугой, под которой были написаны цифры. Агент Лакост не поленилась вечером полазать по Интернету и потому сразу же узнала, что это иллюстрация к основам стрельбы из лука: учитывай ветер, расстояние и траекторию. Тем не менее она вытащила камеру и сфотографировала рисунок, затем налила себе кофе и перерисовала диаграмму в свою записную книжку – она была аккуратной женщиной.

Потом, еще до прибытия других полицейских, получивших задание провести здесь обыск, она сделала кое-что, о чем было известно только ей одной: вышла наружу и в слабом свете дождливого утра дошла до места, где была убита Джейн Нил. И она сказала мисс Нил, что старший инспектор Гамаш непременно отыщет того, кто сделал с ней это.

Агент Изабель Лакост верила, что с другими нужно поступать так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой, и она знала, что ей хотелось бы, чтобы и для нее кто-то сделал то же самое.

После этого она вернулась в холодный клуб. Уже приехали другие полицейские, и все вместе они принялись обыскивать помещение, снимать

отпечатки пальцев, фотографировать, складывать вещдоки в пластиковые пакеты. А потом агент Лакост, роясь в ящике единственного оставшегося здесь письменного стола, нашла их.

Гамаш держал наконечник на ладони так, как обычно держат гранату. Этот наконечник явно предназначался для охоты. Четыре лезвия сходились в острие. Теперь он своими глазами видел то, о чем говорилось на собрании в церкви. Этот наконечник словно горел желанием прорезать насквозь его ладонь. Выпущенный из лука со всей той силой, что накопилась за тысячи лет его совершенствования, такой наконечник наверняка прошьет насквозь человеческое тело. Удивительно, что в свое время изобрели огнестрельное оружие, когда уже существовало это, бесшумное и смертельное.

Агент Лакост протерла мягким полотенцем темные волосы, с которых капала влага. Она стояла спиной к весело потрескивающему в камине огню, в первый раз за несколько часов ощущая тепло, вдыхая запах домашнего супа и хлеба и глядя, как наконечник-убийца передается из рук в руки.

Клара и Мирна двигались в очереди вдоль фуршетного стола, держа в руках кружки с горячим гороховым супом и тарелки с теплыми булочками из пекарни. Перед ними Нелли накладывала еду в тарелку.

– Я беру и для Уэйна, – зачем-то объяснила она. – Вон он там сидит, бедняга.

– Я слышала, как он кашлял, – сказала Мирна. – Простудился?

– Не знаю. Что-то у него в груди. Я впервые за несколько дней вышла из дома – все при нем да при нем. Волнуюсь. А сегодня Уэйн сказал, что пойдет на собрание. Он ведь у мисс Нил и газон косил, и всякие работы по хозяйству для нее делал.

Клара и Мирна проводили взглядом Нелли, которая понесла тарелку с горой еды к Уэйну, ссутулившемуся за столиком. Она вытерла ему лоб, помогла встать на ноги. Потом они вдвоем вышли из бистро: Нелли, озабоченная глава семейства, и Уэйн, покорный и довольный, что есть на кого опереться. Клара надеялась, что он поправится.

– Ну и что ты думаешь о собрании? – спросила Клара у Мирны, пока они продвигались вдоль стола.

– Мне он понравился, этот инспектор Гамаш.

– Мне тоже. Но вот как-то странно: чтобы Джейн убили охотничьей стрелой?

– Хотя, если подумать, все логично. Сейчас охотничий сезон. Но я

согласна: у меня дрожь по телу от старой охотничьей стрелы. Жуть какая-то. Индейку?

– Давай. Сыра? – спросила Клара.

– Ломтик. Нет, пожалуй, мне ломтик чуть побольше.

– Когда ломтик превращается в кусище?

– Ну, если ты сама как кусище, то размер не имеет значения, – сказала Мирна.

– Не забыть бы: в следующий раз лягу спать с кусищем английского сыра.

– Ты изменяешь Питеру?

– С едой? С едой я изменяю ему каждый день. С мармеладным мишкой, имя которого не назову. Вообще-то, его зовут Рамон. С ним я чувствую себя совершенной. Нет, ты только посмотри. – Клара показала на цветочную композицию на буфете.

– Я ее сегодня утром сделала, – сказала Мирна, довольная тем, что Клара все же заметила.

«Клара все замечает, – подумала Мирна, – но ей хватает такта говорить только о хорошем».

– Я так и поняла. В ней что-нибудь есть?

– Посмотри – и увидишь, – с улыбкой сказала Мирна.

Клара наклонилась над композицией из однолетней монарды, гелениума и кисточек для акриловых красок и увидела внутри пакет в оберточной бумаге.

– Чувствую, что там шалфей и зубровка, – сказала Клара, вернувшись за столик. Она принялась разворачивать бумагу. – Это означает то, о чем я думаю?

– Для обряда, – ответила Мирна.

– Какая великолепная мысль. – Клара погладила Мирну по руке.

– Из сада Джейн? – спросила Рут, вдыхая терпкий, безошибочно узнаваемый запах шалфея и сладковатый аромат зубровки.

– Шалфей – да, мы с Джейн собирали его в августе. А зубровку я взяла у Анри недели две назад, когда он косил траву. Она растет вокруг Индейского камня.

Рут передала их Бену, который взял растения, но с опаской.

– Да ладно, они тебя не укусят. – Рут выхватила у него засушенный букетик и помахала перед носом Бена. – Насколько мне помнится, тебя даже приглашали на обряд летнего солнцестояния.

– Только в качестве человеческой жертвы, – откликнулся Бен.

– Перестань, Бен, это несправедливо, – сказала Мирна. – Мы же

говорили, что, возможно, это и не понадобится.

– Это было забавно, – сказал Габри, заглатывая фаршированное яйцо. – Я облачился в сутану.

Он понизил голос и огляделся: а вдруг священник и в самом деле войдет и захочет провести обряд.

– Лучшего применения для сутаны не найдешь, – сказала Рут.

– Спасибо, – слегка поклонился Габри.

– Это был вовсе не комплимент. У тебя до обряда была традиционная сексуальная ориентация?

– Откровенно говоря – да. – Габри посмотрел на Бена. – И все получилось. Волшебство. Тебе определенно нужно сходить еще раз.

– Это верно, – сказал Оливье. Он стоял за спиной у Габри и массировал ему шею. – Рут, а ты до обряда была женщиной?

– А ты?

– И ты говоришь, что это, – Гамаш держал наконечник острым концом к потолку, – было найдено в незапертом ящике вместе с двенадцатью другими такими же?

Он осмотрел наконечник с его четырьмя лезвиями, сходящимися в элегантное смертельное острие. Это было идеальное бесшумное орудие убийства.

– Да, сэр, – ответила Лакост.

Она твердо держалась своего места у огня. С этого места в отдельном зале бистро она видела дождь за стеклянными дверьми, настоящий холодный ливень, хлещущий по стеклу. Ее руки, освободившиеся от орудия убийства, держали горячую кружку с супом и теплую булочку с ветчиной, растопленным сыром и несколькими листьями салата.

Гамаш осторожно положил наконечник на раскрытую ладонь Бовуара.

– Это можно надеть на любую стрелу?

– Что у вас на уме? – спросил у шефа Бовуар.

– В этом клубе полно спортивных стрел, верно?

Лакост кивнула с полным ртом.

– С такими маленькими короткими наконечниками, похожими на пули?

– Верно, – не переставая жевать, ответила Лакост.

– Можно ли их снять, а такие наконечники надеть?

– Да, – ответила Лакост, с трудом проглатывая очередной кусок.

– Скажи, пожалуйста, – улыбнулся Гамаш, – откуда ты это знаешь?

– Прочитала в Интернете вчера вечером. Наконечники делаются

взаимозаменяемыми. Конечно, нужно уметь это делать, иначе изрежешь пальцы в клочья. Но да, один можно снять, а другой надеть. Так задумано.

– Даже на старые деревянные?

– Да. Я подозреваю, что эти охотничьи наконечники были сняты со старых деревянных стрел в клубе. Кто-то их снял и заменил на спортивные.

Гамаш кивнул. Бен говорил им, что собирал старые деревянные стрелы у жителей деревни, которые отказывались от них ради более современных. Стрелы изначально имели охотничьи наконечники, и ему пришлось заменять их на спортивные.

– Хорошо. Передай их все в лабораторию.

– Они уже отправлены, – сказала Лакост, садясь рядом с Николь.

Та чуть-чуть отодвинула свой стул.

– На какое время назначена встреча с нотариусом Стикли? – спросил Гамаш у Николь.

Иветт Николь прекрасно знала, что встреча назначена на час тридцать, но увидела возможность продемонстрировать, что она хорошо слушала его маленькую лекцию.

– Я забыла.

– Прошу прощения?

«Ха, – подумала она, – он отвечает тем же, произнося в ответ одну из главных фраз». Она быстро перебрала в уме другие фразы – те, что вели к повышению по службе. «Я забыла», «Прошу прощения», «Мне нужна помощь». И что там еще?

– Я не знаю.

Старший инспектор Гамаш взглянул на нее с неприкрытой озабоченностью:

– Понимаю. Вы случайно не записали время?

Она подумала, не прибегнуть ли к последней фразе («Мне нужна помощь»), но опустила голову и покраснела, чувствуя, что попала в какую-то ловушку.

Гамаш посмотрел в собственные записи.

– Встреча в час тридцать. Если повезет, то мы попадем в дом мисс Нил, когда разберемся с завещанием.

Перед этим он позвонил своему старому приятелю и соученику суперинтенданту Бребёфу. Мишель Бребёф опередил Гамаша по службе, получил должность, на которую претендовали они оба, но это никак не повлияло на их отношения. Гамаш уважал Бребёфа, любил его. Суперинтендант посочувствовал Гамашу, но обещать ничего не смог.

– Бога ради, Арман, ты же знаешь, как это работает. Нам просто

страшно не повезло, что она нашла какого-то дремучего судью, который подписал предписание. Сомневаюсь, что мы найдем судью, который решится отменить решение коллеги.

Гамашу требовалось одно из двух: либо чтобы это было убийство, либо чтобы дом не отходил по завещанию Йоланде Фонтейн. Его телефон зазвонил, когда он обдумывал разговор с нотариусом.

– Oui, бllф?

Он встал и отошел в сторону, чтобы поговорить в менее шумной части комнаты.

– Я думаю, обряд пройдет идеально, – сказала Клара и взяла кусочек хлеба, хотя не чувствовала голода. – Но у меня такое ощущение, что там должны быть одни женщины. И не обязательно близкие друзья Джейн, а любые женщины, которые захотят принять участие.

– Черт побери, – сказал Питер, который бывал на обрядах летнего солнцестояния и находил их запутанными и очень странными.

– И когда ты предлагаешь? – спросила Мирна у Клары.

– Как насчет следующего воскресенья?

– Через неделю после смерти Джейн, – сказала Рут.

Клара увидела семейство Йоланды в бистро и поняла: она должна что-то сказать. Собираясь с мыслями, она направилась к ним. В бистро воцарилась такая тишина, что старший инспектор Гамаш, закончив телефонный разговор, обратил на это внимание. Он на цыпочках обошел комнату и остановился у служебного входа. Оттуда он, оставаясь невидимым, мог видеть и слышать все, что происходит в зале. Работая полицейским, нужно уметь ходить на цыпочках. Тут он увидел, что у него за спиной терпеливо стоит официантка с мясным ассорти.

– Это должно быть вкусно, – прошептала она. – Шварцвальдский окорок.

– Спасибо. – Он взял ломтик.

– Йоланда, – сказала Клара, протягивая руку. – Я сочувствую вашей утрате. Ваша тетушка была замечательной женщиной.

Йоланда пожала протянутую руку и быстро отпустила ее, надеясь произвести впечатление неизбывного горя. Из этого могло бы что-нибудь получиться, если бы аудитория не знала ширину ее эмоционального диапазона. Не говоря уже о ее истинных отношениях с Джейн Нил.

– Примите мои соболезнования, – продолжила Клара, чувствуя натянутость и искусственность своих слов.

Йоланда склонила голову и поднесла бумажную салфетку к сухим

глазам.

– По крайней мере, мы сможем еще раз использовать эту салфетку, – проговорил Оливье, подойдя к Гамашу сзади. – Ну и штучка эта Йоланда. Смотреть на нее нет сил. Сладкое?

Оливье держал поднос со слоеными пирожными, меренгами, дольками пирога и маленькими профитролями. Гамаш выбрал одно пирожное, обсыпанное голубикой.

– Спасибо.

– Я официальный поставщик еды для этой катастрофы. Не могу понять, для чего это нужно Кларе, она ведь знает, *что* Йоланда много лет говорила за ее спиной. Ужасная женщина.

Гамаш, Оливье и официантка наблюдали за разворачивающейся в бистро сценой.

– Мы с тетушкой были очень близки, вы все это знаете, – сказала Йоланда, глядя прямо в глаза Кларе и вроде бы веря каждому своему слову. – Я знаю, вас не огорчит, если я скажу, что, по нашему мнению, вы забрали ее у настоящей семьи. С кем бы я ни говорила, все со мной согласны. Что ж, вы, видимо, не понимали, что делаете.

– Боже мой, – прошептала Рут на ухо Габри. – Вот сейчас начнется.

Питер ухватился за подлокотники своего кресла. Все его существо хотело вскочить и закричать на Йоланду. Но он знал, что Клара должна сделать это сама, должна суметь постоять за себя. Он ждал ответа Клары. Все присутствующие ждали.

Клара глубоко вздохнула и промолчала.

– Я устрою похороны тетушки, – продолжала напирать Йоланда. – Вероятно, отпевание состоится в католической церкви в Сен-Реми. Это церковь Святого Андрея.

Йоланда протянула руку к мужу в поисках поддержки, но у того обе руки были заняты огромным сэндвичем, из которого его зубы выдавливали мясо с майонезом. Ее сын Бернар зевнул, продемонстрировав всем рот, наполненный полупрожеванным сэндвичем, и струйку майонеза, стекающую по нёбу.

– Я, вероятно, дам объявление в газету, так что вы наверняка узнаете. Но может быть, вы придумаете какую-нибудь надпись для надгробия. Только ничего эксцентричного. Моя тетушка этого не любила. В любом случае подумайте и дайте мне знать.

– Еще раз – мои соболезнования.

Направляясь поговорить с Йоландой, Клара знала, что это случится. Она знала, что Йоланда по какой-то непонятной причине всегда одерживает

над ней верх. Это была одна из маленьких загадок ее жизни: женщина, к которой она не питала ни малейшего уважения, всегда клала ее на лопатки. Клара думала, что сегодня готова дать ей отпор. Она даже лелеяла надежду, что на сей раз все будет иначе. Но конечно, ничего такого не случилось.

На многие годы Клара запомнит, каково ей было стоять там. Снова чувствовать себя маленькой уродливой девочкой на школьном дворе. Нелюбимой и непривлекательной. Плоскостопной, неуклюжей, медлительной, вызывающей насмешку. Девочкой, которая смеялась там, где не полагалось смеяться, и верила всяким небылицам. Девочкой, которой отчаянно хотелось, чтобы кто-нибудь, кто угодно, ее полюбил. Дура, дура, дура. Вежливое внимание и рука, сжатая в кулак под партой. Она хотела убежать к Джейн, которая умела утешать. Та обняла бы ее полными добрыми руками и произнесла волшебные слова: «Ну-ну, ну-ну».

Рут Зардо тоже запомнит это мгновение и переложит его на стихи. Они будут опубликованы в ее следующем сборнике под названием «У меня все ОТЛИЧНО»:

Ты была мотыльком,
что коснулся моей щеки
в темноте.
Я убила тебя,
не зная, что ты
всего лишь мотылек
и у тебя нет жала.

Но больше всего Клара запомнит ядовитый смех Андре, звеневший у нее в ушах, когда она молча направлялась назад к своему такому далекому столику. Смех, который издает жестокий ребенок, видя страдания живого существа. Это был знакомый звук.

– Кто звонил? – спросил Бовуар, когда Гамаш вернулся на свое место.

Бовуар не догадывался, что отсутствие босса объяснялось отнюдь не зовом природы.

– Доктор Харрис. Я не знал, что она живет здесь неподалеку. В деревне Клегхорн-Холт. Она сказала, что привезет отчет по пути домой. Часов в пять.

– Я послал людей оборудовать оперативный штаб, а других – в лес, на поиски. Мне кажется, что стрела может быть в трех местах: либо она

застряла в земле среди зарослей, либо ее подобрал убийца и, скорее всего, уничтожил, либо – в лучшем случае – она среди стрел, что Лакост нашла в клубе.

– Согласен.

Помимо того, Бовуар отправил людей поговорить с Гасом Хеннесси и Клодом Лапьером о происшествии с птичьим пометом. Филиппа Крофта он собирался допросить сам. Потом он присоединился к Гамашу на улице, и они пошли рядом по деревенскому лугу, каждый под своим зонтом.

– Жуткая погода, – сказал Бовуар и, подняв воротник куртки, передернул плечами.

– Обещают дожди и понижение температуры, – машинально подхватил Гамаш и неожиданно понял, что жители деревни уже обосновались в его голове. Или, по крайней мере, их нескончаемые разговоры о погоде. – Что ты думаешь об агенте Николь, Жан Ги?

– Не могу понять, как она попала в полицию с такими установками. Я уже не говорю о ее повышении – переводе в наш отдел. Она не умеет работать в команде, не умеет общаться, не умеет слушать. Удивительно. Лишний раз приходят на ум ваши слова, которые вы столько лет повторяете: повышают вовсе не тех людей.

– А научиться она сможет, как по-твоему? Она ведь совсем молоденькая, да? Лет двадцать пять?

– Ну, это не такая уж молодость. Лакост ненамного старше. Я убежден, что это вопрос не возраста, а личности. Если она не приложит усилия, то и в пятьдесят лет будет такой, а то и хуже. Может ли она учиться? Несомненно. Но главный вопрос, сможет ли она разучиться. Сумеет ли она избавиться от своих привычек?

Он увидел, что по лицу старшего инспектора стекают капли дождя. Ему вдруг захотелось отереть лицо шефа, но он подавил в себе этот импульс.

Еще не закончив своего монолога, Бовуар понял, что совершил ошибку. Это было все равно что мед для медведя. Лицо шефа изменилось, вместо мрачного, задумчивого выражения появилось наставническое. Ясное дело, он попытается исправить ее. «Ну вот, начинается», – подумал Бовуар. Он уважал Гамаша, как никакого другого человека, но видел и его недостатки, главный из которых – желание помогать людям, тогда как их можно просто уволить. Уж слишком он был сострадательным. Бовуар иногда завидовал этому дару, но чаще все же относился к нему с подозрением.

– Возможно, ее потребность всегда быть правой смягчится ее

любопытством.

«А возможно, скорпион потеряет свое жало», – подумал Бовуар.

– Старший инспектор!

Они повернулись и увидели, что Клара Морроу бежит к ним под дождем, а ее муж Питер, сражаясь с зонтиком, пытается не отстать от жены.

– Старший инспектор, мне пришла в голову одна странная мысль.

– Ага, после еды мозги лучше работают, – улыбнулся Гамаш.

– Мысль так себе, но кто знает. Меня поразило необычное совпадение, и я подумала, что вы должны знать. Я говорю о Джейн как о художнике.

– Ну, не думаю, что это чего-то стоит, – мрачно сказал промокший Питер.

Клара метнула в него удивленный взор, не ускользнувший от внимания Гамаша.

– Дело в том, что Джейн рисовала всю жизнь, но никому не показывала свои работы.

– Разве это так уж странно? – спросил Бовуар. – Многие художники и писатели хранят свои работы под спудом. Об этом все время пишут. А после их смерти эти работы находят и выручают за них целые состояния.

– Да, но тут другой случай. На прошлой неделе Джейн решила представить свою картину на выставке в Уильямсбурге. Она решила это в пятницу утром, а жюри принимало работу в пятницу днем. Ее картина была принята.

– Картину приняли, а ее убили, – пробормотал Бовуар. – Странно.

– Если уж речь зашла о странностях, то верно ли, что мисс Нил никого не приглашала в свою гостиную?

– Это верно, – сказал Питер. – Мы к этому так привыкли, что не находили здесь ничего необычного. Это как хромота или хронический кашель. Небольшое отклонение, которое становится нормой.

– Но почему она никого не приглашала?

– Я не знаю, – в замешательстве призналась Клара. – Как сказал Питер, я к этому так привыкла, что мне ее поведение не казалось странным.

– И вы никогда не спрашивали?

– У Джейн? Кажется, спрашивали в самом начале, когда приехали. А может, спрашивали у Тиммер и Рут, но ответа мы точно никакого не получили. Похоже, никто не знает. Габри думает, что у нее оранжевый ворсистый ковер и порнография.

Гамаш рассмеялся:

– А вы что думаете?

– Я не знаю.

Наступило молчание. Гамаш задумался об этой женщине, которая предпочитала так долго жить с таким множеством тайн, а потом решила расстаться с ними. И поэтому умерла? Вот это-то и был главный вопрос.

Нотариус Норман Стикли встал из-за стола и приветственно кивнул, затем опустился в кресло, не предложив сесть трем полицейским. Он надел большие круглые очки и, глядя в бумаги, разразился речью:

– Это завещание было составлено десять лет назад, и тут все очень просто. После вычета нескольких незначительных даров все имущество переходит к ее племяннице, Йоланде Мари Фонтейн, или ее сыну. Наследство включает дом в Трех Соснах и все его содержимое, а к этому все денежные средства, которые останутся после вручения даров и затрат на похороны и оплаты всех прочих счетов за расходы, которые понесут душеприказчики. И за вычетом, конечно, налогов.

– А кто назван душеприказчиками? – спросил Гамаш, спокойно приняв удар, нанесенный следствию, хотя и выругавшись про себя.

Он чувствовал: что-то здесь не так. «Может быть, это твоя гордыня, – подумал он. – Ты слишком упрям и не хочешь признать, что ошибался и эта пожилая женщина вполне естественно оставила дом своей единственной родственнице».

– Рут Зардо, урожденная Кемп, и Констанс Хадли, урожденная Пост, известная, насколько я знаю, как Тиммер.

Эти имена взволновали Гамаша, хотя он и не понял, по какой причине. Может быть, дело в самих людях. В том, что покойная выбрала их. В чем же еще?

– А других завещаний она у вас не оставляла? – спросил Бовуар.

– Оставляла. Было завещание за пять лет до этого.

– У вас есть его копия?

– Нет. Неужели вы думаете, у меня есть место, чтобы хранить старые документы?

– А вы не помните, что там было? – спросил Бовуар, предполагая услышать еще один ответ в таком же духе.

– Неужели вы…

Но Гамаш прервал его.

– Если вы не помните точных условий, то, может, вспомните в общих чертах, почему она решила изменить завещание пять лет спустя? – спросил он самым дружелюбным и рассудительным тоном, на какой был способен.

– Многие люди меняют завещания каждые несколько лет, – сказал

Стикли, и Гамаш начал думать, что такой немного капризный тон – это манера общения нотариуса. – И мы сами рекомендуем, чтобы клиенты делали это каждые два или пять лет. Но конечно, – добавил Стикли, словно предупреждая обвинение, – не ради нотариального сбора, а потому, что жизненная ситуация склонна меняться. Рождаются дети, внуки, супруги умирают, разводятся.

– Большой поток жизни, – вставил Гамаш, чтобы пресечь этот поток.

– Вот именно.

– И тем не менее, мистер Стикли, ее последнее завещание составлено десять лет назад. Почему? Думаю, мы можем предположить, что она составила это завещание, поскольку прежнее стало недействительным. Но, – Гамаш наклонился и постучал пальцем по длинному тонкому документу, лежащему перед нотариусом, – и это завещание тоже устарело. Вы уверены, что оно последнее?

– Конечно последнее. Люди заняты своими делами, а завещание не является приоритетом. Составление завещания – занятие неприятное. Есть масса причин, по которым люди откладывают это на потом.

– А что, если она обратилась к другому нотариусу?

– Это невозможно. И я возражаю против таких домыслов.

– Почему вы думаете, что это невозможно? – не отступал Гамаш. – Она что, должна была непременно известить вас?

– Я просто знаю. Город у нас маленький, и мне стало бы известно.

Point finale[33].

Когда они уходили с копией завещания, Гамаш обратился к Николь:

– И все же я не убежден насчет этого завещания. Я хочу, чтобы вы сделали кое-что.

– Да, сэр, – сказала она, сразу же насторожившись.

– Выясните, последний ли это вариант. Сможете это сделать?

– Absolument[34].

Николь была на седьмом небе.

– Есть тут кто? – громко спросил Гамаш, просовывая голову в дверь Уильямсбургской художественной выставки.

После посещения нотариуса они прошли к галерее – прекрасно сохранившемуся и отреставрированному зданию бывшей почты. Огромные окна пропускали всю ту малость света, какую предлагали небеса, и этот серый свет падал на узкие потертые деревянные полы, налипал на девственно-белые стены небольшой открытой комнаты, придавая ей чуть

ли не призрачное сияние.

– Bonjour, – снова проговорил Гамаш.

В центре комнаты стояла старая пузатая печка. Она была прекрасна. Простая, прямая, никакого изящества, просто большая черная печка, которая вот уже сотню лет противостояла канадским холодам. Николь нашла выключатель и щелкнула им. На стенах висели громадные абстрактные холсты. Это удивило Гамаша. Он ожидал увидеть милые сельские акварельки, романтические и пользующиеся спросом. А вместо этого оказался в окружении ярких полос и сфер высотой в десять футов. От них исходило впечатление молодости, энергии, силы.

– Добрый день.

Николь вздрогнула, а Гамаш повернулся и увидел идущую к ним Клару. На выбившейся пряди волос у нее висела заколка в виде уточки, готовой к последнему полету.

– Какая неожиданность, – сказала она, улыбаясь. – После нашего разговора о Джейн я решила приехать и еще раз посмотреть ее картину, тихо посидеть перед ней. Словно бы посидеть с ее душой.

Николь закатила глаза и застонала. Бовуар вздрогнул от этого и задумался, не был ли он таким же омерзительным и упертым, когда шеф говорил ему о своих чувствах и интуиции.

– И этот запах… – Клара глубоко, чувственно вдохнула воздух, не обращая внимания на Николь. – Каждый художник реагирует на этот запах. Сердце начинает биться чаще. Это все равно как приехать к бабушке и почувствовать запах печенья с шоколадной крошкой. Для нас это – сочетание лака, масляной краски и фиксатора. Даже у акриловых красок свой запах, если у вас хороший нюх. У вас, наверное, тоже есть свои запахи, на которые полицейские реагируют профессионально.

– Да-да, – со смехом сказал Гамаш, вспоминая вчерашнее утро. – Когда агент Николь заехала за мной, она привезла кофе из «Тима Хортона». Четверной. От него мое сердце пускается вскачь. – Он приложил руку к груди и задержал там. – Этот запах полностью и исключительно связан с расследованием. Я могу пойти в концертный зал, но если почувствую там запах четверного из «Тима Хортона», то начну искать труп на полу.

Клара рассмеялась:

– Если вы любите рисунки мелом, то вам понравится работа Джейн. Я рада, что вы заехали ее посмотреть.

– Это оно? – Гамаш обвел взглядом яркие абстрактные полотна.

– Ничего похожего. Это совсем другой художник. Их выставка заканчивается на этой неделе, и тогда мы вывесим наши экспонаты.

Выставка откроется дней через десять. Не в эту пятницу, а в следующую.

– И через две недели предполагается вернисаж?

– Именно. Через две недели после решения жюри.

– Можно вас на секундочку? – Бовуар отвел Гамаша в сторону. – Я говорил с Лакост. Она только что беседовала с доктором покойной Тиммер Хадли. Насколько ему известно, ее смерть была абсолютно естественной. Рак почки. Метастазы поразили поджелудочную и печень, а после этого ее смерть была вопросом времени. Она прожила даже дольше, чем он предполагал.

– Она умерла дома?

– Да, второго сентября этого года.

– В День труда, – уточнила Николь, подошедшая послушать их разговор.

– Миссис Морроу, – позвал Гамаш Клару, которая держалась на почтительном расстоянии, позволявшем ей делать вид, что она ничего не слышит, хотя на самом деле она все слышала, – что вы думаете?

«О-го-го. Попалась птичка. На сей раз в буквальном смысле. Притворяться не имеет смысла», – решила она.

– Смерть Тиммер ожидалась, но не так внезапно, – сказала Клара, присоединяясь к их маленькому кружку. – Хотя нет, я преувеличиваю. Мы за ней ухаживали по очереди. В тот день к ней приходила Рут. Они заранее договорились, что если Тиммер будет чувствовать себя неплохо, то Рут убежит на закрытие ярмарки. Рут сказала, что Тиммер чувствовала себя хорошо. Рут дала ей лекарство, принесла свежий стакан с «Эншур»[35] и ушла.

– Оставила умирающую женщину одну, – подытожила Николь.

– Да, – тихо ответила Клара. – Я знаю, это кажется жестоким, эгоистичным, но мы столько ухаживали за ней, знали все ее перепады настроения. Мы часто оставляли ее на полчасика – стирали ее белье, ходили за покупками, готовили какую-нибудь легкую еду. Так что ничего необычного в этом не было. Рут ни за что не ушла бы, – Клара перевела взгляд на Гамаша, – если бы у нее было хоть малейшее опасение насчет Тиммер. Она бог знает что пережила, когда вернулась и нашла Тиммер мертвой.

– Значит, смерть была неожиданной, – сказал Бовуар.

– В этом смысле – да. Но мы после этого узнали от врачей, что так часто случается. Сердце просто не выдерживает.

– А вскрытие делали? – пожелал узнать Гамаш.

– Нет. Решили, что в этом нет необходимости. А почему вы

спрашиваете про смерть Тиммер?

– На всякий случай, – ответил Бовуар. – Две пожилые женщины умирают одна за другой в крохотной деревеньке. Это вызывает вопросы. Только и всего.

– Но, как вы говорите, они были пожилые. Так что иного и ждать не приходится.

– Если бы одна из них не умерла от раны в сердце, – встряла Николь.

Клара поморщилась.

– Можно вас на минуточку? – Гамаш отвел Николь в сторону. – Агент, если вы будете еще с кем-нибудь обходиться так, как с миссис Морроу, я заберу у вас значок и отправлю домой на автобусе. Вам ясно?

– А что я сказала не так? Ведь это правда.

– И по-вашему, она не знает, что мисс Нил была убита стрелой? Неужели вы и вправду не понимаете, *что* вы сделали не так?

– Я просто сказала правду.

– Нет, вы просто обращались с другим человеческим существом, как с глупцом, и, насколько я понимаю, намеренно причиняли ей боль. Вы здесь, чтобы делать заметки и помалкивать. Мы еще поговорим об этом вечером.

– Но…

– Я обращался с вами уважительно и вежливо, потому что так я обращаюсь со всеми, но никогда не принимайте доброту за слабость. И прекратите со мной спорить. Вам ясно?

– Да, сэр.

И Николь безмолвно поклялась, что будет держать свое мнение при себе, если ей достается такая благодарность за ту смелость, которую она проявляет, говоря вслух о том, что все остальные и без того знают. Если к ней будут обращаться напрямую, она станет отвечать односложно. Пусть так.

– Вот картина Джейн, – сказала Клара, вынося холст средних размеров из кладовки и ставя его на пюпитр. – Она не всем понравилась.

У Николь чуть не вырвалось: «Шутите?» – но она вспомнила о своей клятве.

– А вам понравилась? – спросил Бовуар.

– Поначалу нет. Но чем дольше я смотрю на это полотно, тем больше оно мне нравится. Тут для меня как бы что-то встало на свое место. Сначала это напоминало мне наскальную живопись, а потом я увидела в этом полотне что-то глубоко трогательное. Вот так все переменилось.

Клара щелкнула пальцами.

Гамаш подумал, что если он всю жизнь будет смотреть на эту картину,

то ничего, кроме нелепости, в ней не увидит. И все же в ней было какое-то обаяние.

– Я вижу Нелли и Уэйна, – сказал он удивленно, показывая на две яркие фигуры на трибунах.

– А это Питер. – Клара показала на чудо-юдо с глазами и ртом, но без носа.

– Как ей это удалось? Как она смогла так точно изобразить людей всего двумя точками для глаз и изогнутой линией для рта?

– Не знаю. Я художница. Всю жизнь рисую. Но я бы так не смогла. В этом есть какая-то глубина. Хотя вот теперь я больше часа смотрела на нее, но такого щелчка больше не случилось. Может быть, у меня слишком бедное воображение. А может быть, волшебство действует, только когда ты его не ищешь.

– Значит, картина хороша? – спросил Бовуар.

– В этом-то и состоит вопрос. Я не знаю. Питер считает, что это блестящая работа, остальные члены жюри, за одним исключением, решили рискнуть.

– А в чем риск?

– Вас это может удивить, но художники – существа темпераментные. Принять работу Джейн означало отказаться от чьей-то другой работы. И этот кто-то рассердится. А с ним его родственники и друзья.

– Настолько рассердится, что будет готов убить? – спросил Бовуар.

Клара рассмеялась:

– Я могу гарантировать, что в наших художнических мозгах мысль об убийстве возникает постоянно и даже задерживается. Но чтобы убивать из-за того, что твоя работа не принята Уильямсбургской выставкой? Нет. И потом, если уж убивать, то членов жюри, а не Джейн. Кстати, никто, кроме жюри, не знал, что эта работа принята. А заседание жюри проводилось в пятницу.

«Каким далеким теперь кажется этот день», – подумала Клара.

– Даже мисс Нил не знала?

– Я сказала Джейн в пятницу.

– А кто-нибудь еще знал?

Клара слегка смутилась:

– Мы говорили об этом за обедом в тот вечер. Это был такой специальный обед в канун Дня благодарения с друзьями в нашем доме.

– Кто был на этом обеде? – спросил Бовуар, вытащив блокнот.

Он больше не полагался на Николь в том, что касалось записей. Николь увидела это и почувствовала такое же негодование, как и в тот

момент, когда Гамаш попросил ее делать записи.

Клара назвала имена.

Гамаш тем временем разглядывал картину.

– Что здесь изображено?

– Заключительное шествие ярмарки этого года. Вот смотрите… – Клара показала на козу с зеленой физиономией и с пастушьим посохом. – Это Рут.

– И в самом деле, – сказал Гамаш под громкий смех Бовуара.

Сходство было идеальное. Наверное, он слеп, если не увидел этого сразу.

– Но постойте, – сказал Гамаш, и его веселье как рукой сняло. – Это было нарисовано в тот самый день, в то самое время, когда умирала Тиммер Хадли.

– Да.

– И как Джейн назвала эту картину?

– «Ярмарочный день».

Глава шестая

Даже несмотря на дождь и ветер, Гамаш видел, как прекрасна эта местность. Клены стали темно-красными и оранжевыми, и листья, сорванные ветром, устилали дороги и овраги, превращая их в гобелены. Из Уильямсбурга в Три Сосны они ехали через горный перевал, разделявший два этих населенных пункта. Дорога, словно зная пословицу про умного и гору, шла по долине и вдоль реки, видимо повторяя маршрут, каким в прежние времена ездили почтовые кареты. Но в какой-то момент Бовуар свернул на еще более узкую грунтовую дорогу. Их машину трясло на огромных колдобинах, и Гамаш даже не мог толком читать свои записи. Он давно уже приучил свой желудок не реагировать на любые дорожные выкрутасы, но вот глаза обучались хуже.

Бовуар притормозил у большого металлического почтового ящика, выкрашенного в желтый цвет. Белой краской на нем было выведено: «Крофт». Бовуар свернул и поехал по подъездной дорожке, обсаженной кленами, создающими некий ажурный туннель.

За мелькающими щетками дворников Гамаш увидел фермерский дом, обитый вагонкой. У дома был уютный, обжитой вид. Высокие к концу сезона подсолнухи и притулившийся к ним алтей. Из трубы поднимался дымок, но ветер тут же подхватывал его и уносил в лес.

Гамаш знал, что дома́ – это автопортреты их обитателей. Выбор цвета, обстановки, картин – каждая мелочь говорила о характере. Бог или дьявол в деталях. Как и человек. Какой дом – грязный, неприбранный или навязчиво-чистый? Выбирались ли украшения для того, чтобы произвести впечатление, или они являются частью личной истории? Захламлены комнаты или нет? Входя в очередной дом во время расследования дела, Гамаш каждый раз испытывал волнение. Ему очень хотелось попасть в дом Джейн Нил, но это пришлось отложить. Теперь о себе должны были поведать Крофты.

Гамаш обратился к Николь:

– Смотрите внимательно и подробно записывайте то, что будет говориться. И только слушайте. Вам ясно?

Николь ответила ему недовольным взглядом.

– Я задал вам вопрос, агент.

– Я поняла. – И после затянувшейся паузы: – Сэр.

– Инспектор Бовуар, принимайте руководство.

– Отлично, – ответил Бовуар, вылезая из машины.

Мэтью Крофт ждал у сетчатой двери. Они сняли свои мокрые куртки, и он провел их в кухню. Ярко-красный и желтый цвета. Цветастая столовая посуда в буфете. Чистые белые занавески с цветочками по кромке. Гамаш посмотрел через стол на Крофта, который занимался тем, что выравнивал солонки и перечницы. Его умные глаза не находили покоя, и он словно ожидал чего-то. Прислушивался. Все это было почти неуловимо, спрятано под дружелюбным внешним видом. Но оно было – Гамаш в этом не сомневался.

– У меня есть лук на веранде. Он сейчас промок, но, если хотите, я покажу вам, как из него стреляют.

Крофт обращался к Гамашу, но ответил ему Бовуар, и Крофт оторвал взгляд от старшего инспектора и перевел на Бовуара.

– Это будет очень полезно, но сначала я хочу задать вам несколько вопросов. Несколько обстоятельств, которые нужно прояснить.

– Да, пожалуйста.

– Расскажите мне о Джейн Нил и о ваших с ней отношениях.

– Мы не были так уж близки. Я иногда заходил к ней с визитом. Все было тихо, спокойно. Она ведь когда-то была моей учительницей – тогда у нас тут была школа.

– Какой она была учительницей?

– Удивительной. Она могла так на вас посмотреть, что вам казалось, будто вы единственный человек на земле. Вы меня понимаете?

Бовуар понимал. Такой же способностью обладал и Арман Гамаш. Большинство людей, разговаривая с вами, оглядывают комнату, кивают другим, машут. Но Гамаш – никогда. Когда он смотрел на вас, вы были центром мироздания. Однако Бовуар знал, что его шеф одновременно умудряется подмечать все, что происходит вокруг. Просто он умел не показывать этого.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Работаю в Сен-Реми, в дорожном департаменте.

– И чем там занимаетесь?

– Я глава дорожно-ремонтной службы. Отправляю бригады на работы, определяю наиболее проблемные участки. Иногда просто объезжаю дороги – смотрю, какие нуждаются в ремонте. Не хочу, чтобы сигналом к ремонту становились дорожные аварии.

Это случается слишком часто. Обычно смерть приходит ночью, забирает человека во сне, останавливает его сердце или будит его

нестерпимой головной болью, ведет в ванную, а потом набрасывается и заливает его мозг кровью. Она поджидает его на улочках и станциях метро. После захода солнца облаченные в белое ангелы-хранители выключают свет, и смерть приглашается в обработанную бактерицидами палату.

Но за городом смерть приходит без приглашения днем. Она забирает рыбаков прямо из лодок. Хватает за щиколотки купающихся ребят. Зимой она сбрасывает их вниз по склону, слишком крутому для их неопытности, сталкивает их лыжи на поворотах. Она подстерегает на берегу, где снег еще не успел срастись с ледком, а их горящие глаза не видят этого, где вода еще выплескивается на берег, а отчаянный саночник не вписывается в поворот. Смерть стоит в лесу с луком и стрелами на рассвете и в сумерках. Она скидывает машины с дороги среди бела дня, когда колеса вдруг пробуксовывают на льду или на снегу. Или на ярких осенних листьях.

Мэтью Крофта всегда вызывали на дорожные происшествия. Иногда он приезжал первым. Когда он высвобождал тело из покореженного металла, его скорбное сердце и мысли воспаряли к поэзии. И он читал про себя стихи, заученные из книг, которые ему давала мисс Нил. А его любимыми были стихи Рут Зардо.

В спокойные дни он нередко навещал мисс Нил, сидел у нее в саду на деревянном стуле, смотрел на речку за газоном, усыпанным флоксами, и заучивал стихи, чтобы потом с их помощью отваживать ночные кошмары. Он заучивал стихи, а мисс Нил готовила розовый лимонад или обрывала завядшие многолетники. По какой-то причине Мэтью был не готов говорить об этом полиции, не хотел так глубоко впускать их в свою жизнь.

Он остановился на полуслове, чуть напрягся. Мгновение спустя это услышал и Гамаш. Сюзанна открыла дверь из подвала и появилась в кухне.

Выглядела Сюзанна Крофт совсем неважно. На собрании в церкви у нее был напряженный вид, но он не шел ни в какое сравнение с тем, что видел Гамаш сейчас. Кожа у нее была почти прозрачная, кроме тех мест, где высыпали прыщи. А из-за тонкой пленочки пота блестела, как у рептилии. Гамаш пожал ей руку, холодную как лед. Он почувствовал, что Сюзанна охвачена ужасом. Испугана до безумия. Гамаш взглянул на Крофта – тот теперь даже не пытался скрыть собственный страх. Он смотрел на жену, как смотрят на призрака, привидение, явившееся с особо жутким и личным посланием.

Через мгновение лицо Мэтью Крофта вернулось к норме, и лишь бледность кожи говорила о том, что под ней не все в порядке. Гамаш предложил миссис Крофт сесть на его место, но Мэтью схватил табуретку, а жене уступил свой стул. Никто не произнес ни слова. Гамаш посылал

Бовуару невидимые сигналы молчать. Пусть тишина станет невыносимой. Эту женщину обуял какой-то страх, но она, кажется, готова была освободиться от него.

– Вам дать стаканчик воды? – спросила Николь у Сюзанны Крофт.

– Нет, спасибо. Позвольте, я приготовлю чай.

С этими словами миссис Крофт вскочила со стула, и ход вещей был нарушен. Гамаш в недоумении уставился на Николь. Если она хотела саботировать ход следствия и поставить под угрозу свою карьеру, то ничего лучше и придумать не могла.

– Позвольте, я вам помогу, – сказала Николь, вскакивая и хватая чайник.

Когда Николь заговорила, на лице Бовуара появилось свирепое выражение, но затем его сменила обычная маска рассудительности.

«Глупая, глупая женщина», – молча бранился он, хотя на его лице при этом гуляла благожелательная улыбка. Он украдкой кинул взгляд на Гамаша и с удовлетворением увидел, что его босс тоже смотрит на Николь, но без злобы. К изумлению Бовуара, в глазах Гамаша он заметил снисходительность. Неужели шеф никогда не научится? Какого черта он все время хочет помогать таким глупцам?

– Чем вы занимаетесь, миссис Крофт? Вы работаете?

Теперь, когда молчание было нарушено, Бовуар решил, что может взять разговор в свои руки. Он еще не успел закончить вопрос, а уже понял, что это звучит оскорбительно. Из вопроса напрашивался вывод, что материнство – не работа. Но тут уже ничего не поделаешь.

– Я три дня в неделю работаю в копировальной конторе в Сен-Реми. Помогает сводить концы с концами.

Бовуар почувствовал раскаяние. Неужели он обратил свою неприязнь к Николь на миссис Крофт? Он оглядел комнату и увидел, что весь уют здесь создан всякими самоделками, даже пластиковая обивка стульев была прибита неумелой рукой и в некоторых местах отходила. Эти люди умели довольствоваться малым.

– У вас, насколько я знаю, двое детей, – сказал Бовуар, отбросив мимолетное замешательство.

– Да, – подтвердил Мэтью.

– Как их зовут?

– Филипп и Диана.

– Хорошие имена, – произнес он в сгустившейся тишине. – Сколько им?

– Ему четырнадцать, ей восемь.

– И где они?

Вопрос повис в воздухе, словно земля перестала вращаться. Бовуар неумолимо приближался к этому вопросу, и Крофты все время знали об этом. У него не было намерения застать их врасплох, но не из деликатности к их родительским чувствам, а потому, что он хотел, чтобы они издалека видели: этот вопрос неизбежно будет задан – и ждали его, ждали. Пока их нервы не натянутся так, что будут готовы порваться. Пока они оба не будут желать и страшиться этого вопроса.

– Их здесь нет, – сказала Сюзанна, вцепившись в чашку.

Бовуар ждал, не сводя с нее глаз.

– А когда у вас предполагается праздничный обед?

От такой неожиданной смены темы у Сюзанны Крофт даже челюсть отвисла, словно Бовуар перешел на китайский.

– Простите?

– Одна из приятнейших вещей в моем доме – запах индейки, который два дня висит в воздухе. А на следующий день мы с женой готовим суп, и это тоже трудно не заметить.

Он глубоко вздохнул и медленно, очень медленно прошелся взглядом по пустому кухонному столу.

– Мы планировали устроить праздничный обед вчера, в воскресенье, – сказал Мэтью, – но потом узнали о смерти мисс Нил и решили отложить.

– Навсегда? – недоуменно спросил Бовуар.

Гамашу показалось, что его подчиненный переигрывает, но Крофтам было не до таких тонкостей.

– Так где Диана, миссис Крофт?

– У подружки. Ее зовут Нина Левек.

– А Филипп?

– Его здесь нет, я вам уже сказал. Уехал. Не знаю, когда вернется.

«Так-так, – подумал Бовуар, – шутки кончились».

– Миссис Крофт, мы хотим выйти с вашим мужем на минутку, чтобы посмотреть на луки и стрелы. А пока нас не будет, я бы просил вас подумать вот о чем. Нам нужно поговорить с Филиппом. Мы знаем, что он участвовал в нехорошем происшествии в Трех Соснах с разбрасыванием помета и что мисс Нил опознала его.

– Не он один, – с вызовом сказала она.

– А два дня спустя ее убили. Нам нужно поговорить с ним.

– Он не имеет к этому никакого отношения.

– Я готов понять, что вы в это верите. И возможно, вы правы. Но вот думали ли вы, что он способен напасть на этих двух мужчин из Трех

Сосен? Знаете ли вы вашего сына, миссис Крофт?

Он ударил по больному месту, но в этом и состояла его цель. Не потому, что у него были какие-то особые подозрения касательно семьи Крофт, а потому, что он знал: каждая семья, в которой есть мальчик-подросток, боится, что с ними под одной крышей живет чужой.

– Если мы не сможем поговорить с вашим сыном перед уходом, то выпишем ордер, по которому он будет доставлен в полицейское отделение в Сен-Реми. До окончания сегодняшнего дня мы так или иначе поговорим с ним – здесь или там.

Старший инспектор Гамаш, наблюдая за этим, понял, что им нужно попасть в подвал. Эти люди прятали что-то или кого-то. И прятали в подвале. Гамаш подумал, что это странно. Он мог поклясться, что на собрании в церкви Мэтью Крофт был спокоен и естествен. Расстроена чем-то была Сюзанна Крофт. Теперь они оба были не в себе. Что же случилось?

– Мистер Крофт, мы можем сейчас взглянуть на ваши луки и стрелы? – спросил Бовуар.

– Как вы смеете… – Голос Крофта зазвенел от гнева.

– Тут дело не в том, что я смею или нет. – Бовуар впился в него взглядом. – На сегодняшнем собрании старший инспектор Гамаш предупреждал, что всем и каждому будут заданы неприятные вопросы. Такова цена, которую вы заплатите за обнаружение убийцы мисс Нил. Я понимаю ваши чувства. Вы не хотите, чтобы вашим детям была нанесена психологическая травма. Но, откровенно говоря, я думаю, травма уже нанесена. Я предоставляю вам выбор. Мы можем поговорить с вашим сыном здесь. А можем – в полицейском отделении в Сен-Реми.

Бовуар замолчал. Он молчал довольно долго, мысленно побуждая Николь предложить печенье. Наконец он продолжил:

– Когда происходит убийство, правила обыденной жизни приостанавливаются. Вы двое и ваша семья – среди первых пострадавших. Я не испытываю иллюзий насчет того, что мы делаем, но мы делаем это по возможности безболезненно, – (Мэтью Крофт с отвращением фыркнул), – поэтому я и предлагаю вам выбор. А сейчас давайте посмотрим луки и стрелы.

Мэтью Крофт глубоко вздохнул:

– Сюда.

Он повел их из кухни на веранду.

– Миссис Крофт, – сказал Гамаш, повернувшись в дверях в тот момент, когда Сюзанна Крофт направилась к подвальной двери, – пожалуйста, присоединитесь к нам.

Плечи Сюзанны Крофт поникли.

– Вот. – Мэтью Крофт изо всех сил старался держаться в цивилизованных рамках. – Это рекурсивный лук, это композитный, а это стрелы.

– Кроме этих двух, у вас нет других луков? – спросил Бовуар.

Он взял стрелы и увидел, что это спортивная разновидность.

– Других нет, – без колебаний ответил Крофт.

Вид луков точно соответствовал описаниям, которые Бовуар слышал прежде. Они с Гамашем по очереди осмотрели оба лука. Луки были тяжелые. Даже простой рекурсивный.

– Вы можете натянуть тетиву на рекурсивный? – спросил Бовуар.

Мэтью взял лук, потом длинную тетиву с петлями на обоих концах, накинул петлю на одно плечо лука, зажал его между ног и принялся сгибать, пока не удалось дотянуться второй петлей до выемки на другом плече. Гамашу было ясно, что это требует немалых усилий. И теперь он видел перед собой лук Робин Гуда.

– Позвольте?

Крофт протянул лук Гамашу, и старший инспектор заметил на оружии пыль. Но грязи на нем не было. Затем Гамаш взял композитный лук и обнаружил паутину между тетивой и деревом. Этим луком некоторое время не пользовались. К тому же оружие оказалось тяжелее, чем он предполагал. Он обратился к миссис Крофт:

– Вы ходите на охоту или занимаетесь спортивной стрельбой?

– Иногда спортивной.

– Каким луком вы пользуетесь?

Немного поколебавшись, Сюзанна Крофт указала на рекурсивный лук.

– Вы могли бы снять с него тетиву?

– Это еще зачем? – вмешался Мэтью Крофт.

– Я бы хотел посмотреть, как это делает ваша жена. – Гамаш повернулся к Сюзанне. – Пожалуйста.

Сюзанна Крофт взяла лук, обхватила его плечо голенями, согнула и сняла тетиву. Она явно делала это много раз. И тут Гамашу пришла в голову еще одна мысль.

– А надеть тетиву вы бы могли?

Сюзанна пожала плечами, снова обхватила плечо лука ногами, нажала на верхнюю часть – безрезультатно. Тогда она налегла на верхнее плечо всем телом и с огромным усилием дотянулась петлей тетивы до нужного места. Не говоря ни слова, она протянула лук Гамашу.

– Спасибо, – озадаченно сказал он.

У него родилось было одно подозрение, но, похоже, оно не оправдывалось.

– Вы не возражаете, если мы сделаем несколько выстрелов? – спросил Бовуар.

– Бога ради.

Надев куртки, они впятером вышли под моросящий дождичек. К счастью, сильный дождь перестал. Мэтью установил круглую мишень, изготовленную из мешка, набитого сеном, с нарисованными на нем красными кругами. Он взял лук, положил в выемку спортивную стрелу и натянул тетиву. Несколько секунд он целился, потом выпустил стрелу. Она попала во второй круг. Крофт предложил лук Гамашу, но тот с легкой улыбкой передал его Бовуару. Инспектор взял оружие с удовольствием. Ему давно хотелось попробовать, он даже воображал в своих мечтах, как стрела за стрелой попадает в яблочко и в конце концов Канадская олимпийская сборная приглашает его принять участие в играх. Этот так называемый спорт представлялся ему легкой забавой, в особенности еще и потому, что Бовуар был хорошим снайпером – из пистолета стрелял без промаха.

Но неприятности начались почти сразу же. Ему не удалось толком натянуть тетиву – это требовало бульших усилий, чем он предполагал. Кроме того, стрела, которую он держал двумя пальцами, начала плясать по луку, отказываясь оставаться в выемке в середине. Наконец он приготовился к выстрелу, отпустил стрелу – и та отклонилась от мишени на добрую милю. В цель попала тетива. Через долю секунды после того, как он ее отпустил, она с такой силой ударила Бовуара по локтю, что ему показалось, будто у него оторвало руку. Он вскрикнул и опустил лук, даже боясь посмотреть на руку. Боль обожгла его.

– Что случилось, мистер Крофт? – выкрикнул Гамаш, бросаясь к Бовуару.

Крофт не то чтобы смеялся, но явно получал удовольствие от ситуации.

– Не беспокойтесь, старший инспектор. У него на руке будет синяк. Такое случается с начинающими. Тетива попала по локтю. Как вы сказали, мы все должны быть готовы к неприятностям.

Крофт посмотрел на него суровым взглядом, и Гамаш вспомнил, что именно ему первому предлагал лук Крофт. Так что этот синяк предназначался ему.

– Как ты?

Поглаживая руку, Бовуар напряг глаза, пытаясь обнаружить стрелу. Если только он не попал в стрелу Крофта, то его ушла далеко в молоко. Это

было еще больнее синяка.

– Ничего страшного, сэр. Это скорее удивление, чем боль.

– Ты уверен?

– Да.

Гамаш обратился к Крофту:

– Вы можете показать мне, как нужно стрелять, чтобы не покалечить руку?

– Возможно. Вы готовы рискнуть?

Гамаш пристально посмотрел на Крофта, отказываясь участвовать в этой игре.

– Хорошо. Возьмите лук вот так. – Крофт встал рядом с Гамашем и поднял руку, а Гамаш взял лук. – Теперь согните руку, чтобы локоть был чуть в стороне. Вот так, – кивнул Крофт. – Тетива пройдет рядом с вашим локтем, но не заденет его. Он станет гораздо менее вероятной целью. Скорее всего.

Гамаш ухмыльнулся. Если тетива ударит его – значит ударит. По крайней мере, он, в отличие от Бовуара, будет готов.

– Что еще мне нужно делать?

– Правой рукой вы кладете стрелу в эту выемку, а ее хвостовик упираете в тетиву. Хорошо. Теперь вы готовы натягивать тетиву. Чего вы не должны делать, так это слишком долго задерживать тетиву перед выстрелом. Через секунду вы поймете почему. Нужно встать прямо. Вот так.

Он повернул Гамаша боком к мишени. Левая рука старшего инспектора начала затекать от тяжести лука.

– Вот здесь прицел.

Крофт показал на крохотную булавку вроде тех, какие Гамаш вынимал из своих рубашек после химчистки.

– Нужно, чтобы мушка совместилась с яблочком. Потом одним плавным движением натягиваете тетиву, снова прицеливаетесь и стреляете.

Крофт отошел в сторону. Гамаш опустил руку, чтобы дать отдых руке, вздохнул, повторил в уме все этапы стрельбы и перешел к делу. Он спокойно поднял левую руку и, прежде чем наложить стрелу, согнул руку в локте, как учили. Затем поместил стрелу в выемку, упер хвостовик в тетиву, совместил мушку с яблочком и одним плавным движением натянул тетиву. Вот только движение получилось не очень плавным. Как будто он занимался перетягиванием каната с «Монреаль Канадиенс» и они тащили тетиву в другом направлении. Правая рука у него слегка подрагивала, но ему удалось натянуть тетиву до конца, почти до самого своего носа, а

потом он ее отпустил. К этому времени ему было уже все равно, что станет с его локтем, лишь бы поскорее отделаться от этой чертовой штуки. Стрела полетела как бешеная, уйдя в сторону от цели на расстояние не меньшее, чем стрела Бовуара. Но и по локтю тетивой ему не попало. Она со звоном вернулась на место, даже не коснувшись руки Гамаша.

– Вы хороший учитель, мистер Крофт.

– Ну, вы меня переоцениваете. Посмотрите, куда ушла ваша стрела.

– Я ее не вижу. Надеюсь, она не потерялась.

– Не потерялась. Они почти никогда не теряются. У меня ни одной не пропало.

– Миссис Крофт, – сказал Гамаш. – Ваша очередь.

– Я воздержусь.

– Прошу вас, миссис Крофт.

Старший инспектор всучил ей лук. Он был рад, что ему удалось выстрелить. Это навело его на одну мысль.

– Я давно не стреляла.

– Понимаю, – сказал Гамаш. – Постарайтесь.

Сюзанна Крофт заняла положение для стрельбы, вставила стрелу, ухватила тетиву, стала натягивать ее, но в какой-то момент разрыдалась и упала на землю, переполняемая эмоциями, не имевшими ни малейшего отношения к ее несостоявшемуся выстрелу. Мэтью Крофт мгновенно оказался рядом с ней, прижал ее к себе. Гамаш тут же взял Бовуара под руку, отвел его на несколько шагов и произнес возбужденным шепотом:

– Нам нужно попасть в подвал. Предложи им сделку: мы не заберем Филиппа в полицию, если они сейчас отведут нас в подвал.

– Но мы должны поговорить с Филиппом.

– Я согласен. Но и то и другое не получится, а в подвал мы сможем попасть, если уступим в чем-то важном для них. Они хотят защитить сына. Мы не сможем и поговорить с ним, и попасть в подвал, так что я думаю, это наилучший выход.

Бовуар задумался, глядя на Крофта, утешающего жену. Старший инспектор был прав. С Филиппом можно и подождать. А с тем, что в подвале, вероятно, нельзя. После этой демонстрации стало понятно, что миссис Крофт умеет обращаться с луком, но из этого лука она никогда не стреляла. Где-то должен быть другой лук, тот, к которому она привыкла. И тот, к которому, вероятно, привык Филипп. Возможно, он обнаружится в подвале. Нос Бовуара уловил запах дымка, выходящего из трубы. Он понадеялся, что еще не поздно.

Питер и Клара выгуливали Люси на тропинке через лесок по другую от их дома сторону Белла-Беллы. Перейдя через мост, они отпустили собаку. Люси потрусила вдоль тропинки, не проявляя никакого интереса к обилию новых запахов. Дождь перестал, но трава и земля были пропитаны водой.

– Я слышал прогноз – обещают ясную погоду, – сказал Питер, пиная носком камушек.

– Но холодает, – заметила Клара. – А впереди сильные морозы. Нужно заняться садом. – Она обхватила себя руками, защищаясь от холода. – Я хочу тебя спросить. Вообще-то, мне нужен твой совет. Ты знаешь… я о том, что я говорила с Йоландой.

– За ланчем? Да. И зачем ты это сделала?

– Затем, что она была племянницей Джейн.

– Да нет, я по-настоящему хочу знать. Зачем?

«Черт тебя побери, Питер. Ты и в самом деле хорошо меня знаешь».

– Я хотела… проявить вежливость…

– Но ты знала, чем это кончится. Зачем ты нарываешься на ситуацию, которая ничего хорошего для тебя не сулит? Я с ума схожу, когда вижу, как ты это делаешь. А ты все время это делаешь. Эта какая-то форма безумия.

– Ты называешь это безумием, а я – оптимизмом.

– Ожидать от человека, что он сделает что-то, чего не делал раньше, – это у тебя называется оптимизмом? Каждый раз, когда ты подходишь к Йоланде, она ведет себя с тобой как настоящая стерва. Каждый раз. Но ты продолжаешь это делать. Почему?

– Ты это все к чему?

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, что я чувствую, видя от раза к разу, как ты это делаешь? Причем сам я ничего не могу предпринять, разве что собрать осколки. Прекрати ждать, что люди будут делать то, чего они никогда не делали. Йоланда – злобная, отвратительная, мелочная тварь. Прими это и держись от нее подальше. А если ты приближаешься к ней, то будь готова к последствиям.

– Это несправедливо. Похоже, ты думаешь, что я идиотка, которая понятия не имеет о том, что произойдет. Я прекрасно знала, что она сделает. И все равно пошла на это. Потому что мне нужно узнать кое-что.

– Узнать что?

– Мне нужно было услышать смех Андре.

– Его смех? Зачем?

– Вот об этом я и хотела с тобой поговорить. Помнишь, Джейн рассказывала об ужасном смехе, который она слышала, когда мальчишки

кидались пометом в Оливье и Габри?

Питер кивнул.

– Такой же смех я слышала сегодня утром на собрании в церкви. Это был смех Андре. Вот почему мне нужно было подойти к их столу – чтобы еще раз услышать этот смех. И он смеялся. Вот что можно точно сказать о Йоланде и Андре: они предсказуемы.

– Но, Клара, Андре – взрослый мужчина. Он не был одним из тех мальчишек в масках.

Клара молча ждала. Обычно Питер не был таким тупым, так что наблюдать за ним было забавно. Постепенно морщины на его нахмуренном лбу разгладились.

– Это был сын Андре – Бернар.

– Ну наконец-то!

– Джейн перепутала. Это были не Филипп, Гас и Клод. Одного из них там не было. А был Бернар.

– Сказать об этом старшему инспектору Гамашу? Или он сочтет, что я хочу оклеветать Йоланду? – спросила Клара.

– Какая разница? Гамаш должен об этом знать.

– Хорошо. Я сегодня пойду в бистро во время его «приема».

Клара подняла палку и бросила в надежде, что Люси побежит за ней. Собака не побежала.

Крофты приняли условия сделки. Впрочем, выбора у них не было, и вот Гамаш, Бовуар, Николь и Крофты направились вниз по узким ступенькам. Подвал был хорошо организован и не имел путаных лабиринтов, по каким Гамашу нередко доводилось пробираться. Когда он сказал об этом, Крофт ответил:

– Содержать подвал в порядке – одна из обязанностей Филиппа. Мы несколько лет делали это вместе, но в день его четырнадцатилетия я сказал ему: все, теперь будешь делать это сам. – Почувствовав, что его слова могут быть не так поняты, Крофт добавил: – Но это был не единственный подарок ему ко дню рождения.

В течение двадцати минут Гамаш и Бовуар тщательно обыскивали подвал. И наконец среди лыж, теннисных ракеток и хоккейной оснастки за вратарскими перчатками, висящими на стене, они обнаружили колчан. Бовуар осторожно снял его с крюка при помощи теннисной ракетки и заглянул внутрь. И увидел пять старых деревянных охотничьих стрел. Но вот чего он не увидел в колчане, так это паутины. Этот колчан недавно доставали.

– Это чей, мистер Крофт?
– Моего отца.
– Здесь только пять стрел. Это обычно?
– Таким он мне достался в наследство. Вероятно, отец одну потерял.
– Но вы говорили, что это случается крайне редко. Что охотники почти никогда не теряют стрел.
– Верно. Но между «почти никогда» и «никогда» есть разница.
– Вы позволите? – вмешался Гамаш.
Бовуар протянул ему теннисную ракетку с висящим на ней колчаном. Гамаш поднес ракетку с колчаном почти к носу, заглянул внутрь и попытался увидеть круглое кожаное донышко старого колчана.
– У вас есть фонарик?
Мэтью снял с крючка ярко-желтый фонарик и протянул Гамашу. Тот включил фонарик и увидел шестую лунку, оставленную кончиком стрелы на донышке. Показал Бовуару.
– Тут до недавнего времени было шесть стрел, – сказал Бовуар.
– До недавнего времени? С чего вы это взяли, инспектор?
Слыша, как Мэтью Крофт пытается сохранить спокойствие в голосе, Гамаш проникся к нему сочувствием. Крофт держался из последних сил. У него даже руки начали дрожать от напряжения и голос срывался.
– Я разбираюсь в кожах, мистер Крофт, – солгал Бовуар. – Это тонкая телячья кожа, ее используют за ее податливость и в то же время износостойкость. Эти стрелы – а я полагаю, что это охотничьи стрелы, – Крофт при этом пожал плечами, – они могут размещаться наконечниками вниз в колчане с кожаным донышком, при этом наконечники не тупятся, но и кожу не прорезают. И вот что важно, мистер Крофт, кожа не сохраняет форму того, что в ней находится. Она настолько эластична, что спустя время возвращается в свое прежнее состояние. В этом донышке шесть отметин от стрел, но стрел только пять. Как такое возможно?
Крофт хранил молчание, плотно сомкнув губы.
Бовуар протянул теннисную ракетку и колчан Николь, чтобы она держала их, пока они с Гамашем будут продолжать поиск. Теперь Крофт присоединился к жене, и вместе они наблюдали за действиями полицейских, не зная, чем все это для них кончится. Следующие полчаса Гамаш и Бовуар дюйм за дюймом обыскивали подвал. Они уже почти сдались, когда Бовуар подошел к печке. Он заглянул внутрь и сразу же увидел рекурсивный лук, а рядом с ним топор.

Гамаш запросил и быстро получил ордер на обыск, и дом Крофтов

обыскали от чердака до сарая и птичника. Филиппа нашли в его спальне с наушниками от «Дискмана» на голове. Бовуар проверил пепел в зольнике и нашел металлический наконечник от стрелы, тронутый огнем, но все еще цельный. И тут ноги под Мэтью Крофтом подогнулись, и он опустился на бетонный пол тем местом, о котором в стихах не говорится. На этот раз поэзия его не спасла.

Бовуар отправил находки в криминалистическую лабораторию в Монреале. И теперь члены команды уселись кружком в пожарном депо.

– Что будем делать с Крофтами? – спросила Лакост, отхлебнув четверной кофе из «Тима Хортона».

– Пока ничего, – ответил Гамаш, надкусывая шоколадный пончик. – Нужно дождаться результатов экспертизы.

– Результаты будут завтра, – сказал Бовуар.

– Я говорю о Мэтью Крофте. Не стоит ли его задержать? – спросила Лакост, приглаживая свои блестящие каштановые волосы запястьем, чтобы в них не попала шоколадная глазурь.

– Инспектор Бовуар, что скажете?

– Вы меня знаете. Я всегда считаю, что лучше подстраховаться.

Гамаш вспомнил карикатурку, которую он вырезал из «Монреаль газетт» много лет назад. «Присяжные сочли вас невиновным, но я, чтобы подстраховаться, даю вам пять лет». Он смотрел на нее каждый день и посмеивался, понимая глубинную правду этого. Какая-то его часть тоже хотела подстраховаться, даже за счет свободы других людей.

– Чем мы рискуем, оставляя Мэтью Крофта на свободе? – Гамаш оглядел присутствующих.

– Не исключено, что в доме есть и другие улики, – сказала Лакост. – И он может их уничтожить до завтрашнего дня.

– Верно. Но разве миссис Крофт не могла с легкостью уничтожить их еще раньше? Ведь это она бросила стрелу в печь и собиралась порубить топором лук. Она в этом призналась. Если уж кого и задерживать, то именно ее, за уничтожение улик. Я скажу вам, о чем я думаю.

Гамаш взял бумажную салфетку и вытер руки, потом подался вперед, положив локти на стол. Все остальные, кроме Николь, сделали то же самое, отчего возникло впечатление, что здесь заседает какое-то очень тайное общество.

– Допустим, что стрелой из колчана с этим наконечником была убита Джейн Нил. Так?

Все кивнули. Насколько это касалось их, они в успехе не сомневались.

– Но кто из них сделал это? Мэтью Крофт? Что скажете, инспектор

Бовуар?

Бовуар всей душой хотел, чтобы виновным был Мэтью Крофт. Но, черт побери, тут концы с концами не сходились.

– Нет, он был слишком раскован на собрании. Запаниковал уже позднее. Будь он убийцей, он бы раньше начал хитрить. Он плохо умеет прятать свои чувства.

Гамаш согласился:

– Оставим мистера Крофта. Как насчет Сюзанны Крофт?

– Да, она могла это сделать. Во время собрания она явно знала о луке и стреле и стрелу уничтожила. И собиралась порубить лук, да не успела. Но тут опять концы с концами не сходятся.

– Если бы она убила Джейн Нил, то давно уничтожила бы и стрелу, и лук, – подключилась к разговору Николь. – Она сразу отправилась бы домой и все бы сожгла. Зачем дожидаться того момента, когда появится полиция?

– Вы правы, – сказал удивленный и довольный Гамаш. – Продолжайте.

– Допустим, что это Филипп. Ему четырнадцать, верно? Это старый лук. Он не такой мощный, как новые. Не требует при стрельбе больших усилий. Мальчишка берет старый деревянный лук и старые деревянные стрелы и отправляется на охоту. Но по ошибке убивает мисс Нил. Подбирает стрелу и бежит домой. Но мать все узнает…

– Как? – спросил Гамаш.

– Как? – Этот вопрос заставил Николь задуматься. – Может быть, у него была кровь на одежде. Или на руках. В конечном счете она все выудила из него. Должно быть, перед самым собранием. Ей нужно было присутствовать, чтобы узнать, что есть у полиции, но Филиппа она оставила дома. Это объясняет ее возрастающее волнение на собрании.

– В этой гипотезе есть какие-нибудь изъяны? – обратился Бовуар к команде, пытаясь прогнать из голоса нотку надежды.

Но хотя он надеялся, что изъяны найдутся, гипотеза была катастрофически логична. Он старался не смотреть на Николь, однако глаза его не послушались. И конечно, она с едва заметной улыбкой глядела на него. Она неторопливо, вальяжно откинулась на спинку стула.

– Отлично, Николь. – Гамаш поднялся и кивнул ей.

«Ах, как хочется поскорее рассказать об этом отцу», – подумала она.

– Таким образом, семейство Крофт сегодня остается дома, а когда получим результаты экспертизы, то посмотрим, – сказал Гамаш.

Заседание закончилось. Все предполагали, что завтра можно будет сворачивать следствие. Но Арман Гамаш знал, что никогда не следует

полагаться на одну гипотезу. Он хотел, чтобы следствие не прекращалось. Просто чтобы подстраховаться.

Часовая стрелка приближалась к пяти – пора было отправляться в бистро. Но прежде он хотел сделать кое-что.

Глава седьмая

Гамаш прошел по бистро, кивнув Габри, который накрывал столики. Ряд коммерческих заведений располагался здесь единым блоком, и можно было обойти их все, не выходя на улицу. В задней части бистро Гамаш нашел дверь, ведущую в соседний магазин. «Книги Мирны, новые и старые».

Здесь он увидел потрепанный экземпляр книги под названием «Бытие». Он читал эту книгу, когда она впервые вышла из печати несколько лет назад.

Гамаш перевернул ее и посмотрел на заднюю сторону обложки с отзывами и короткой биографией автора, знаменитого врача и генетика из Университета Макгилла, доктора Винсента Жильбера. У доктора Жильбера на фотографии был довольно суровый вид для человека, который пишет о сострадании. Книга была посвящена его совместной работе с братом Альбером Майу в Лапорте, и речь в ней шла в основном о людях с синдромом Дауна. В целом это были размышления автора о том, чему он научился, наблюдая за такими людьми. О том, что он узнал о них, о природе человечества и о себе самом. Это был выдающийся труд о высокомерии, смирении и, в первую очередь, умении прощать.

Вдоль стен магазина стояли стеллажи, пронумерованные и заполненные в определенном порядке книгами, по большей части на английском, но и на французском тоже. Мирне удалось придать своему владению вид скорее не магазина, а библиотеки в культурном и уютном загородном доме. Она поставила два кресла-качалки рядом с камином и диван напротив. Гамаш сел в одно из кресел и принялся листать книгу, вспоминая ее мудрость.

– Вот хорошая книга, – сказала Мирна, садясь на противоположное кресло. Она принесла груду старых книг и пачку ценников. – Мы не знакомы. Меня зовут Мирна Ландерс. Я видела вас на собрании.

Гамаш поднялся и, улыбаясь, пожал ей руку:

– Я вас тоже видел.

Мирна рассмеялась:

– Меня трудно не заметить. Единственная черная в Трех Соснах, и вовсе не с осиной талией.

– В этом смысле мы с вами похожи, – улыбнулся Гамаш, погладив живот.

Мирна выбрала книгу из стопки:

– Вы это читали?

В руках у нее был потрепанный экземпляр книги брата Альбера «Утрата». Гамаш отрицательно покачал головой, понимая, что это, вероятно, не самое приятное чтение. Мирна перевернула книгу в своих громадных руках, словно лаская ее.

– Он выдвигает теорию, согласно которой жизнь – это утрата, – сказала она, немного помолчав. – Утрата родителей, утрата любви, утрата работы. Поэтому мы должны отыскать в нашей жизни более высокий смысл, чем эти люди и явления. Иначе мы потеряем и себя.

– И что вы об этом думаете?

– Полагаю, он прав. Я работала психотерапевтом в Монреале, но несколько лет назад переехала сюда. Большинство людей приходили ко мне из-за кризиса в их жизни, а большинство кризисов связано с утратами. Утрата брака или важных отношений. Утрата чувства безопасности. Работы, дома, родителя. Что-то заставляет их просить о помощи и заглядывать в собственную душу. И катализатором этого часто являются перемены и утраты.

– А это одно и то же?

– Для некоторых людей, не умеющих адаптироваться, видимо, да.

– Утрата власти?

– Да, это громадная утрата. Большинство из нас не возражает против перемен, если мы сами являемся их инициаторами. Но перемены, навязанные нам кем-то другим, могут ввести человека в прострацию. Я думаю, брат Альбер попал в самую точку. Жизнь – это утрата. Но, как подчеркивается в книге, утрата дает нам свободу. Если мы смиримся с тем, что нет ничего постоянного и перемены неизбежны, если мы научимся перестраиваться, то мы станем счастливее.

– И что привело вас в Три Сосны? Утрата?

– Это несправедливо, старший инспектор. Вы меня поймали. Да. Но не совсем обычная утрата, потому что мне, конечно же, всегда приходилось быть особенной и не похожей на других. – Мирна откинула назад голову и рассмеялась. – Я утратила сочувствие ко многим из своих пациентов. Двадцать пять лет я выслушивала их жалобы и наконец сломалась. Как-то утром я проснулась, совершенно выбитая из колеи после общения с сорокатрехлетним пациентом, который вел себя как шестнадцатилетний подросток. Каждую неделю он приходил с одними и теми же жалобами: «Тот-то меня обидел. Жизнь полна несправедливостей. Это не моя вина». Три года я предлагала ему и то и се, а он за три года и пальцем не

пошевелил. И вот, слушая его в тот день, я внезапно поняла: он не меняется, потому что не хочет. У него нет желания меняться. И мы еще двадцать лет будем толочь эту воду в ступе. В тот день мне стало ясно, что большинство моих пациентов такие же, как он.

– Но все же некоторые из них пытались что-то сделать.

– Да, были и такие. Но им довольно быстро становилось лучше. Потому что они очень старались и искренне желали перемен. Другие же говорили, что хотят излечиться, но я думаю, что… правда, эта мысль не популярна среди психотерапевтов… – Она наклонилась вперед и заговорщицки прошептала: – Но я думаю, что многие люди любят свои проблемы. Это дает им всевозможные предлоги, чтобы не расти и смиряться со своей жизнью. – Она снова откинулась на спинку кресла и глубоко вздохнула. – Жизнь – это перемены. Если вы не растете и не развиваетесь, то топчетесь на месте, тогда как остальной мир быстро уходит вперед. Большинство этих людей остаются незрелыми. Они живут «тихой» жизнью, пребывают в ожидании.

– В ожидании чего?

– В ожидании того, что кто-то их спасет. Спасет или хотя бы защитит от большого страшного мира. Но дело в том, что никто не может их спасти, потому что это их проблемы, а значит, и решение должно быть принято ими. Только они сами могут себя спасти.

– «Не звезды, милый Брут, а сами мы виновны в том, что сделались рабами»[36].

Мирна оживленно подалась вперед:

– Именно. Виноваты мы сами. И только мы. И дело не в судьбе, не в генетике, не в невезении и определенно не в маме с папой. Все дело в нас и в наших выборах. Но… Но… – Ее глаза засверкали, от возбуждения она почти дрожала. – Самое важное и впечатляющее состоит в том, что и решение зависит только от нас. Только мы можем изменить нашу жизнь, развернуть ее в обратную сторону. А потому все те годы, что мы ждем, пока кто-то сделает это за нас, можно считать потерянными. Мне нравилось говорить об этом с Тиммер. Вот была яркая женщина. Мне ее не хватает. – Мирна опять откинулась назад. – Большинство людей с расстроенной психикой не понимают этого. Наша вина, но и решение тоже наше. И в этом спасение.

– Но для таких людей это равносильно признанию, что с ними что-то не так. Разве большинство неудачников не винят других в своих несчастьях? Вот почему эта строка из «Юлия Цезаря» так пугает, кажется такой суровой. Кто из нас готов признать, что проблема в нас самих?

– Вы все правильно поняли.

– Вы говорили о Тиммер Хадли. Какой она была?

– Я познакомилась с ней незадолго до ее смерти. Пока она была здорова, мы с ней не общались. Тиммер была умной женщиной во всех смыслах этого слова. Всегда хорошо одетая, аккуратная, даже изящная. Она мне нравилась.

– Вы приходили за ней ухаживать?

– Да. Я была у Тиммер за день до ее смерти. Взяла книгу, чтобы почитать ей, но она хотела посмотреть старые фотографии, так что я достала ее альбом, и мы вместе пролистали его. Там была фотография Джейн чуть ли не столетней давности. На этой фотографии ей лет шестнадцать или семнадцать. Она там с родителями. Тиммер не любила семейство Нил. Она говорила, что они бесчувственные, карьеристы.

Мирна внезапно замолчала, будто хотела сказать что-то, но передумала.

– Продолжайте, – подбодрил ее Гамаш.

– Это все, – покачала головой Мирна.

– Ну-ну, я же знаю, что она сказала вам еще что-то.

– Я не могу вам это повторить. Тиммер сидела на морфии, и я уверена, что она не сказала бы ничего подобного, будь она в здравом уме. И потом, это не имеет никакого отношения к смерти Джейн. Это случилось больше шестидесяти лет назад.

– Понимаете, убийство – штука такая, оно может вызревать десятилетиями. Что-то случается, а много лет спустя это неизбежно приводит к убийству. Дурное семя дает всходы. Это похоже на старые фильмы ужасов, в которых монстр никогда не бежит, а просто идет за своей жертвой, не размышляя и не испытывая жалости. Убийства в каком-то смысле такие же. Их начало теряется в глубине времен.

– И все же я не передам вам слова Тиммер.

Гамаш знал, что может ее переубедить. Но зачем? Если результаты экспертизы покажут, что Крофты невиновны, то он вернется к Мирне с этим вопросом. А так она права. Он не должен это знать, но, Господь свидетель, как же ему хотелось это узнать.

– Вот что я вам скажу. Я не буду настаивать. Но может быть, через несколько дней я приду к вам с этим вопросом, и тогда вы должны будете мне сказать.

– Хорошо. Если спросите еще раз – я скажу.

– У меня есть другой вопрос. Что вы думаете о мальчишках, которые швырялись пометом?

– В детстве мы все совершаем глупые, жестокие вещи. Я помню, как-то раз взяла и заперла у себя в доме соседскую собаку, а потом сказала маленькой девочке – хозяйке собаки, что ее пса увезли отловщики бездомных собак и усыпили. Я до сих просыпаюсь по ночам и вижу ее лицо. Лет десять назад я пыталась ее найти и извиниться, но оказалось, что она погибла в автокатастрофе.

– Вы должны простить себя сами, – сказал Гамаш, поднимая «Бытие».

– Конечно вы правы. Но возможно, я не хочу это делать. Не хочу это терять. Мой маленький личный ад. Жуткий, но зато мой собственный. Временами я бываю упрямой. А местами толстой. – Она рассмеялась, стряхивая невидимые крошки со своей кофты.

– Оскар Уайльд говорил, что единственный грех – это глупость.

– И что вы об этом думаете? – Глаза у Мирны загорелись – она была рада перевести разговор на него.

Гамаш немного подумал.

– Я совершал ошибки, которые позволяли убийцам забирать новые жизни. И каждая из этих ошибок с расстояния кажется глупой. Скоропалительный вывод, ложное допущение, за которое ты цепляешься изо всех сил. Каждый мой неправильный выбор дорого обходится обществу.

– И вы учитесь на своих ошибках?

– Да, учитель, надеюсь, что учусь.

– Большего от себя и требовать нельзя, первоклассник. Предлагаю вам сделку. Вы прощаете себя, а я – себя.

Десять минут спустя Арман Гамаш сидел за столиком в бистро у окна, из которого была видна деревня. У Мирны он купил одну книгу, но не «Бытие» и не «Утрату». Она была немного удивлена, когда он положил эту книгу к ее кассовому аппарату. Теперь он сидел и читал. Перед ним стоял бокал «Чинзано» и тарелочка с солеными сушками, и он время от времени опускал книгу и смотрел на деревню и в лес за ней. Тучи рассеивались, и на невысоких холмах, окружающих деревню, появились светлые пятна – прорвавшиеся лучи предвечернего солнца. Раз или два он принимался листать страницы в поисках иллюстраций. Найдя то, что нужно, отмечал эту страницу закладкой и продолжал читать. Приятное времяпрепровождение.

Вид папки на столе вернул его к реальности.

– Результаты вскрытия. – Коронер Шарон Харрис села за его столик и заказала выпивку.

Гамаш отложил книгу и взял в руки папку. Почитав несколько минут,

он задал вопрос:

– Если бы стрела не попала в сердце, она бы все равно умерла?

– Если бы стрела прошла рядом с сердцем, то да. Но, – доктор Харрис наклонилась и перегнула страницу своего отчета, чтобы видеть ее снизу вверх, – стрела попала прямо в сердце. Видите? Тот, кто это сделал, вероятно, отличный стрелок. Это не просто удачный выстрел.

– И тем не менее боюсь, что вывод следствия будет именно такой – случайный выстрел. Несчастный случай на охоте. Не первый в истории Квебека.

– Вы правы, каждый сезон происходят несчастные случаи с огнестрельным оружием. Но с луками? Нужно быть хорошим охотником, чтобы попасть в сердце, а хорошие охотники не часто ошибаются, принимая человека за зверя. Лучники не ошибаются. Они не похожи на обычных шалопаев.

– Вы что хотите сказать, доктор?

– Я хочу сказать, что если мисс Нил погибла в результате несчастного случая, то у убийцы очень плохая карма. Ни разу за все время работы я не сталкивалась с ситуацией, когда хороший охотник-лучник совершил бы такую ошибку.

– Вы хотите сказать, что если это сделал хороший лучник, то он сделал это преднамеренно?

– Я утверждаю, что это дело рук хорошего лучника и что хороший лучник не совершает таких ошибок. А вы на основании моих утверждений сделали свой вывод.

Она дружелюбно улыбнулась, потом кивнула, приветствуя людей за соседним столиком. Гамаш вспомнил, что она живет поблизости.

– У вас ведь дом в Клегхорн-Холте, верно? Это недалеко отсюда?

– Минут двадцать езды в сторону монастыря. Я неплохо знаю Три Сосны по «Путешествиям по миру искусств». Ведь здесь живут Питер и Клара Морроу, верно? Вон там. – Она показала в окно на их дом красного кирпича.

– Верно. Вы с ними знакомы?

– Только с их искусством. Он член Королевской канадской академии, довольно известный художник. У него такие удивительные полотна. Очень сильные. На первый взгляд похожи на абстрактные, но на самом деле полная их противоположность, гиперреализм. Он берет какой-нибудь предмет, скажем вот этот бокал «Чинзано», – она взяла его, – и приближает к себе. – Она приближала бокал к себе, пока ее ресницы не коснулись его поверхности. – Потом берет микроскоп и увеличивает его еще больше. Вот

это он и изображает. – Она поставила бокал на стол. – Необыкновенные работы. На одну картину у него, вероятно, уходит целая вечность. Не знаю, откуда у него столько терпения.

– А Клара Морроу?

– У меня есть одна ее работа. По-моему, она великолепна. Но ее искусство совсем не похоже на искусство ее мужа. У нее такое феминистское искусство, много женских ню и аллюзий с богинями. Она написала замечательную серию «Дочери Софии».

– Три грации – Вера, Надежда, Любовь?

– Очень впечатляет, старший инспектор. У меня как раз картина из этой серии. «Надежда».

– Вы знаете Бена Хадли?

– Владельца мельницы? Да так, шапочно. Сталкивались на всяких мероприятиях. Уильямсбургская выставка проводит ежегодную встречу садоводов, часто на землях, принадлежащих его матери, и он всегда там присутствует. Вероятно, теперь эти земли принадлежат ему.

– Он никогда не был женат?

– Нет. Ему под пятьдесят, а живет один. Может быть, теперь женится.

– Почему вы так думаете?

– Просто это обычное дело. Между матерью и сыном не должна стоять ни одна женщина, хотя я не думаю, что Бен Хадли пылал к матери особой любовью. Если он и говорил о ней, то обязательно в связи со своим очередным унижением. Он рассказывал ужасные истории, но как будто и не замечал этого. Я этим всегда восхищалась.

– А чем он занимается?

– Бен Хадли? Не знаю. У меня всегда было впечатление, что ничем. Дурное влияние матери: сделала из него тряпку. Очень печально.

– Трагично.

Гамаш представил себе этого высокого, неторопливого, приятного человека профессорского типа, все время слегка сконфуженного. Шарон Харрис взяла книгу, которую он читал, и изучила текст на задней стороне обложки:

– Неплохая идея.

Она явно была поражена. Похоже, она читала Гамашу лекцию о том, что он уже и без того знал. И вероятно, это происходило не в первый раз. Она ушла, и Гамаш вернулся к книге. Он постоянно возвращался к помеченным страницам и разглядывал иллюстрации. Это было возможно. Вполне возможно. Он расплатился за выпивку, надел свою камуфляжную куртку и вышел из теплого зала в холодный влажный вечер и

надвигающуюся темноту.

Клара уставилась на стоящий перед ней ящик, словно приказывая ему заговорить. Что-то подсказало ей, что она должна соорудить большой деревянный ящик. Вот она и смастерила его. А теперь сидела в студии, пытаясь вспомнить, почему она вдруг решила, что это такая хорошая идея. Более того, с чего она решила, что это художественная идея. Да и вообще, что это за идея такая, черт побери!

Она ждала, что ящик заговорит с ней. Скажет что-нибудь. Что угодно. Пусть хоть глупость. Хотя совершенно непонятно, почему Клара думала, что если ящик заговорит, то сможет сказать что-то, кроме глупости. Да и кто слушает, что говорят ящики?

Искусство Клары было интуитивным, что, конечно, не отменяло ее мастерства и опыта. Некоторое время она училась в лучшем канадском колледже искусств, но принятое в колледже слишком узкое определение «искусства» заставило ее отказаться от учебы. Из центра Торонто – в центр Трех Сосен. Это случилось уже не одно десятилетие назад, а ей так пока и не удалось зажечь мир искусства. Впрочем, в ожидании речей от ящиков могла быть своя причина. Клара очистила мозги от всех мыслей и открыла их для вдохновения. Перед ее мысленным взором возник круассан, потом ее сад, где нужно было поработать, потом у нее завязался небольшой спор с Мирной относительно цен, которые Мирна наверняка предложит за некоторые из старых книг Клары. А ящик тем временем продолжал хранить молчание.

В студии становилось холодно, и Клара забеспокоилась, не зябко ли Питеру в его студии по другую сторону коридора. Она не без укола зависти подумала: работа так увлекает Питера, что он и не замечает холода. Казалось, он никогда не страдал от неопределенности, которая могла обескуражить Клару, ввести ее в полный ступор. Он продолжал ровным шагом двигаться вперед, создавая мучительно детализированные работы, которые в Монреале продавались за тысячи долларов. На одну картину у него уходили месяцы – эта работа требовала бесконечного терпения и точности. Клара как-то раз подарила ему на день рождения роликовую малярную кисть с пожеланием работать быстрее. Но он, похоже, не оценил ее шутку. Возможно, потому, что в этой шутке была доля правды. Они постоянно были на мели. Даже теперь, когда осенний холод проникал в дом через щели в оконных рамах, Клара решила не включать обогреватель. Вместо этого она натянула на себя еще один свитер, но даже и он был старый и обтрепанный. Ей хотелось иметь новенькое хрустящее

постельное белье, одну бутылку известной марки у них в кухне и достаточно дров на зиму, чтобы жить и не волноваться. «Волнения – они так угнетают», – думала она, натягивая еще один свитер и садясь перед большим безмолвным ящиком.

Клара снова очистила разум и широко открыла его. И вдруг – о чудо! Идея появилась. Полностью сформировалась. Цельная, безупречная и тревожная. Несколько секунд – и Клара выскочила за дверь и, тяжело дыша, двинулась по рю Дю-Мулен. Подойдя к дому Тиммер, она инстинктивно отвела глаза в сторону и перешла на другую сторону. Когда этот дом остался позади, она вернулась на прежнюю сторону улицы, прошагала мимо здания бывшей школы, все еще огороженного желтой полицейской лентой. Затем она вошла в лес, и тут ее обуяли сомнения, не глупость ли она совершает. Уже начало темнеть. А темнота – это время, когда смерть подстерегает людей в лесу. Не в форме призрака, надеялась Клара, а в еще более жутком обличье. Люди с оружием, превращающим людей в призраков. Охотники, которые крадутся в лес в темноте. Один из них убил Джейн. Клара замедлила шаг. Возможно, это была не самая блестящая идея. Вообще-то, это была идея ящика, поэтому, если ее убьют, вину можно возложить на него. Клара услышала движение впереди. И замерла.

В лесу было темнее, чем предполагал Гамаш. Он вошел в него незнакомой тропкой, и ему пришлось потратить несколько секунд, чтобы сориентироваться. На тот случай, если он потеряется, у него был телефон, но он знал, что связь в лесу ненадежна. Тем не менее с телефоном было спокойнее. Он медленно описал круг и увидел слабый желтый отблеск. Полицейская лента, огородившая место, где умерла Джейн. Он направился туда. В лесу все еще было влажно после дождя, и вскоре ноги у него промокли. У самой ленты он снова остановился и прислушался. Он знал, что в это время охотники отправляются на промысел, и оставалось только надеяться, что это не его время. Надеяться – и быть очень-очень осторожным. Гамаш потратил десять минут, но все же нашел, что искал. Он улыбнулся и пошел к дереву. Сколько раз его мать выговаривала ему за то, что он смотрит под ноги, а не перед собой? Что ж, она опять оказалась права. Когда в первый раз осматривали это место, он искал на земле, а то, что он искал, находилось не внизу. Оно было в кронах деревьев.

Ящик.

Гамаш остановился у дерева и посмотрел на сооружение в двадцати футах над своей головой. К стволу были прибиты деревянные планки-

ступеньки; гвозди давно проржавели и просочились глубоко в дерево оранжевой сукровицей. Гамаш подумал о своем теплом месте у окна в бистро, о янтарном «Чинзано» в бокале, об огне в камине… и начал карабкаться по ступеням. Он поднялся на одну ступеньку, и, когда его дрожащая рука ухватилась за следующую планку, он вспомнил кое-что еще. Он боялся высоты. Как же он об этом забыл? Или надеялся, что на сей раз будет иначе? Он уцепился за тонкие, ненадежные, скрипучие ступеньки, посмотрел на деревянную платформу в тысяче футов наверху и замер от ужаса.

«Откуда этот шум – спереди или сзади?» – спросила себя Клара. Это напомнило ей звук сирен в городе, – казалось, они выли повсюду. И вот опять. Она остановилась и оглянулась. Лес сзади был преимущественно сосновый, и темные иглы делали его колючим и черным. Впереди, в стороне красного заката, лес был скорее смешанный, разбавленный кленами и вишней. Клара инстинктивно двинулась к свету, не зная, то ли ей шуметь погромче, как весной, чтобы отпугнуть медведей, то ли двигаться как можно бесшумнее. Она подумала, что это зависит от того, с чем она может встретиться в лесу: с медведем, оленем, охотником или призраком. Жаль, что с ней не было ящика, чтобы проконсультироваться. Или Питера. Да, Питер почти всегда был лучше ящика.

Гамаш заставил свои руки переместиться на следующую ступеньку. Он не забывал дышать и даже напевал себе под нос какую-то мелодию собственного сочинения. Чтобы прогнать страх. Его целью было темное пятно наверху. Вдох. Перехват. Ступенька. Наконец он добрался до места назначения и просунул голову в квадратную прорезь в полу ящика. Все было, как описано в книге. Скрадок – место, где охотник поджидает добычу. «Нужно быть сумасшедшим или пьяным, чтобы сидеть здесь», – подумал Гамаш. Он протиснулся через прорезь наверх и вздохнул с облегчением, но через минуту облегчение перешло в ужас. Он опустился на колени и прижался к стволу дерева, обнял его. Хрупкий ящик располагался на высоте двадцати футов и выступал на пять футов, висел в воздухе на старой хлипкой балке, которая одна отделяла Гамаша от небытия. Гамаш вцепился руками в кору, чувствуя, как дерево впивается в его кожу, и радуясь тому, что можно сосредоточиться на боли. Причина его липкого страха и предательского холодка в сердце состояла не в том, что он оступится и упадет. И даже не в том, что шаткая конструкция рухнет вместе с ним. А в том, что он выбросится вниз. Ужас перед головокружением. Его

словно тащило к краю и за него, будто к ногам привязали какой-то груз. Без посторонней помощи и в отсутствие всякой опасности извне он просто убьет сам себя. Он представил себе все это, и от ужаса у него перехватило дыхание. На мгновение он прижался к дереву и закрыл глаза, заставляя себя дышать глубоко, размеренно, начиная от самой диафрагмы.

Это помогло. Страх медленно отступил, уверенность в том, что он выбросится вниз, уменьшилась. Гамаш открыл глаза и сразу увидел то, за чем пришел. То, о чем прочел в бистро в старой книге, купленной им у Мирны. «Большая охотничья книга для мальчиков». Именно оттуда он узнал про скрадки, в которых прячутся охотники, поджидая оленя с оружием наготове. Но не это позвало Гамаша от тепла и уюта в лес. Он пришел в поисках того, о чем еще упоминалось в книге. И со своего места увидел это не очень далеко от себя.

Неожиданно он услышал звук. Явно человеческий. Хватит ли ему мужества посмотреть вниз? Хватит ли мужества отпустить ствол, подползти к краю и выглянуть? И вот опять. Какой-то напев. Знакомая мелодия. Что это такое? Он с опаской отпустил ствол и на животе дюйм за дюймом пополз к краю.

Увидел макушку знакомой головы. Вернее, знакомую копну волос.

Клара решила, что нужно быть готовой к худшему сценарию, но тут поняла, что не знает, какой из них худший. Медведь, охотник или призрак? Медведь наводил ее на мысли о Винни Пухе и слонопотаме. И она начала напевать себе под нос. Мелодию, которую всегда напевала Джейн.

– «Что нам делать с пьяным моряком?»[37] – окликнул ее сверху Гамаш.

Клара замерла. Неужели это Господь Бог? Но Господь Бог точно знает, что делать с пьяным моряком. И потом, Клара не верила, что Господь встретит ее какими-нибудь иными словами, кроме: «Какого черта ты себе думала?»

Она подняла голову и увидела ящик. Говорящий ящик. Колени у нее начали подгибаться. Значит, ящики все же говорят.

– Клара, это Арман Гамаш. Я здесь, наверху, в скрадке.

Даже с такой высоты и в темноте он заметил ее замешательство. Но теперь на ее лице появилась улыбка.

– Скрадок? Я и забыла, что он там есть. Можно, я к вам?

Не дожидаясь ответа, она начала подниматься, словно не ведающий о смерти шестилетний ребенок. Гамаш испытал противоречивые чувства: с одной стороны – удивление, а с другой – страх. Если к нему поднимется

еще один человек, каким бы невесомым он ни был, вся конструкция может обрушиться.

– Ух ты, какая красота! – Клара вылезла на скрадок. – Вот это вид. Хорошо, что на небе прояснилось. Говорят, завтра ожидается солнечный день. А почему вы здесь?

– А вы почему?

– Не могла сосредоточиться на работе и вдруг решила прийти сюда. Нет, не сюда, а туда, где умерла Джейн. Я чувствую себя в долгу перед Джейн.

– Трудно продолжать жить и не чувствовать себя виноватым.

– Наверное. – Она повернулась и посмотрела на него. – А вы почему здесь?

– Я пришел в поисках вот этого… – Гамаш показал в нужную сторону, стараясь держаться как можно увереннее.

Перед его глазами заплясали белые мушки – знакомая прелюдия к головокружению. Он заставил себя посмотреть за край. Чем скорее это кончится, тем лучше.

– Чего «этого»?

Клара вгляделась в лес за тем местом, где была убита Джейн, и Гамаш почувствовал, как в нем нарастает раздражение. Неужели она не видит? Или это была иллюзия? Солнце отбрасывало длинные тени, проливая зыбкий свет, который задержался на опушке, и тогда Клара увидела.

– Прогалина в лесу. Вы ее имели в виду?

– Это оленья тропа, – сказал Гамаш, отступая от края и опираясь рукой о ствол дерева у себя за спиной. – Протоптана оленями за много лет. Они как поезда в Швейцарии. Очень предсказуемы. Из поколения в поколение ходят одной тропой. Поэтому-то здесь и соорудили скрадок. – Он почти забыл о своей панике. – Чтобы выследить оленя и пристрелить. Но тропа практически невидима. Наши опытные криминалисты обыскивали вчера окрестности, и никто ее не заметил. Никто не знал, что в лесу протоптана узенькая тропка. И я не знал. Но вам, наверное, было известно, что она там есть.

– Я знала, что она там есть, но совершенно про нее забыла, – ответила Клара. – Питер приводил меня сюда много лет назад. Прямо к этому скрадку. Но вы правы. Только местные могли знать, где тут можно встретить оленя. И вы думаете, что в Джейн стреляли отсюда?

– Нет, этим скрадком много лет никто не пользовался. Я прикажу Бовуару проверить, но у меня нет сомнений. Убийца стрелял в нее из леса. Он сидел там либо потому, что поджидал оленя, либо…

– Либо поджидал Джейн. Какой невероятный вид. – Клара повернулась спиной к оленьей тропке и посмотрела в противоположном направлении. – Отсюда виден дом Тиммер.

Гамаш, удивленный резкой переменой темы, тоже повернулся. Осторожно. Медленно. Да, отсюда была видна черепичная крыша викторианского особняка. Надежный и по-своему красивый дом с красными стенами и огромными окнами.

– Ужас. – Клару передернуло, и она двинулась к ступенькам. – Отвратительное место. И чтобы у вас не осталось сомнений… – она повернулась и стала спускаться по ступенькам, глядя на Гамаша из тени, падающей на ее лицо, – я поняла, что вы хотели сказать. Джейн убил кто-то из местных. Но есть и кое-что еще.

– «Когда мои грехи простишь, ошибку совершишь. Ведь есть и кое-что еще», – процитировал Гамаш. – Это Джон Донн. «Гимн Богу Отцу».

Голова у него слегка кружилась при мысли о том, что его приключение благополучно близится к концу.

Клара все еще наполовину высовывалась из прорези в полу.

– Я это еще со школы помню. Но если откровенно, то стихи Рут Зардо больше подходят:

Я все храню в себе;
гнию и разлагаюсь изнутри;
хотя не так уж я плоха – добра, нежна.
«А ну-ка, прочь с дороги, хрен моржовый».
Ой, извините…

– Вы говорите, это Рут Зардо? – ошарашенно спросил Гамаш.

Клара процитировала одно из его любимых стихотворений. Он присел на корточки и продолжил:

…просто с языка случайно сорвалось, я буду
стараться, вот увидите, я буду. Вы не заставите
меня болтать напрасно. Я просто отойду подальше,
туда, где вам меня и в жизни не найти,
где не обидеть, не заставить
говорить.

– Вы хотите сказать, это написала Рут Зардо? Постойте-ка…

Он вспомнил кабинет нотариуса, где побывал сегодня, и странное волнение, охватившее его, когда он услышал фамилии душеприказчиков Джейн. Рут Зардо, урожденная Кемп. Значит, Рут Зардо – это поэтесса Рут Кемп, удостоенная премии генерал-губернатора. Талантливая писательница, которая дала определение великой канадской двойственности: «Доброта и ярость». Которая сумела выразить невыразимое. Рут Зардо.

– А почему это стихотворение Зардо пришло вам на ум сейчас, в связи с тем, что мы видели?

– Потому что, насколько мне известно, в Трех Соснах живут хорошие люди. Но эта оленья тропка наводит на мысль, что кто-то из нас гниет изнутри. Тот, кто убил Джейн, знал, что целится в человека, но хотел, чтобы все выглядело как несчастный случай на охоте, словно кто-то поджидал оленя на тропе и ненароком застрелил Джейн. Однако проблема в том, что, стреляя из лука, ты должен находиться достаточно близко от цели. Настолько близко, что ты не можешь не знать, во что стреляешь.

Гамаш кивнул. В конечном счете она все поняла. Какая ирония судьбы: скрадок не дал скрыть истину.

Вернувшись в бистро, Гамаш заказал горячий сидр и пошел вымыть руки. Он подержал замерзшие руки под теплой водой, вытащил кусочки коры из порезов. Потом присоединился к Кларе – сел рядом с ней в кресло у камина. Она попивала пиво и листала «Большую охотничью книгу для мальчиков». Наконец положила ее на стол и подвинула к Гамашу:

– Очень умно с вашей стороны. Я совершенно забыла о скрадках, тропинках и тому подобных вещах.

Гамаш огляделся. Питер говорил с официанткой, а Бен смотрел в их сторону. Вернее, не в их сторону – он смотрел на Клару. А поймав взгляд Гамаша, быстро отвел глаза и снова уставился на Питера.

– Мне нужно кое-что вам сообщить, – сказала Клара.

– Надеюсь, это не прогноз погоды, – усмехнулся Гамаш.

Клара смущенно посмотрела на него.

– Я вас слушаю, – подбодрил ее Гамаш. – Это связано со скрадком и оленьей тропой?

– Нет, об этом я еще должна подумать. Это было так неожиданно, и я даже не почувствовала головокружения.

Она дружелюбно улыбнулась Гамашу, и ему оставалось только надеяться, что он не покраснел. Он-то думал, что ему удалось скрыть свое

состояние. Ну что ж, теперь еще один человек знает, что он далек от совершенства.

– Так что вы хотели сказать?

– Это насчет Андре Маленфана. Мужа Йоланды. За ланчем я подошла к Йоланде выразить соболезнования, и я слышала, как он смеялся надо мной. Это такой необычный звук. Какой-то пустой и пронзительный. Противный. Джейн говорила, что так же смеялся один из мальчишек, которые кидались пометом.

Гамаш принял эту информацию к сведению, глядя в огонь и прихлебывая сидр. Горячая сладковатая жидкость согревала грудь, теплом разливалась по стенкам желудка.

– Вы думаете, что одним из этих мальчишек был его сын Бернар?

– Именно. Бернар был одним из этих мальчишек.

– Мы говорили с Гасом и Клодом. Оба они отрицают, что вообще там были. И неудивительно.

– Филипп извинился, но это, возможно, ничего не значит. Все мальчишки боятся Берни. Я думаю, Филипп и в убийстве признался бы, лишь бы не связываться с этим типом. Берни их всех запугал.

– А может быть, Филиппа там вообще не было?

– Может-то оно может. Только это маловероятно. Но я абсолютно уверена, что Бернар Маленфан кидался пометом в Оливье и Габри. И получал от этого удовольствие.

– Бернар Маленфан – внучатый племянник Джейн Нил, – медленно проговорил Гамаш, обдумывая варианты.

– Да, – подтвердила Клара и взяла горсть орешков к пиву. – Но они не были близки. Не знаю даже, когда Джейн в последний раз видела Йоланду. Они рассорились.

– А что случилось?

– Я толком не знаю, – поколебавшись, сказала Клара. – Мне лишь известно, что это как-то было связано с домом. С домом Джейн. Он принадлежал ее родителям, и там вышел какой-то спор. Джейн говорила, что прежде они были близки с Йоландой, та девчонкой сюда часто приезжала. Они играли в пьяницу и в криббидж. Была еще и другая игра – с дамой червей. Каждый вечер Джейн клала эту карту на кухонный стол и говорила Йоланде, чтобы та ее запомнила, потому что к утру карта изменится.

– И она менялась?

– В том-то и дело, что менялась. Каждое утро Йоланда спускалась в кухню в уверенности, что карта поменялась. И там лежала дама червей, вот

только рисунок был другой.

– Но карта и в самом деле была другой? То есть Джейн сама меняла ее?

– Нет. Просто Джейн была уверена, что ребенок не в состоянии запомнить все детали. И более того, она верила, что любой ребенок склонен верить в волшебство. Так грустно.

– Что? – спросил Гамаш.

– Что Йоланда изменилась. Интересно, во что она верит сейчас.

Гамаш вспомнил свой разговор с Мирной и подумал, что, может быть, Джейн отправляла юной Йоланде другое послание. Перемены происходят, но бояться их не следует.

– А когда Джейн виделась с Бернаром? Она бы теперь его узнала?

– Она, вероятно, довольно часто встречалась с ним в прошлом году. Но на расстоянии. Бернар и другие ребята из округи садятся в школьный автобус в Трех Соснах.

– Где именно?

– У здания старой школы. Так что автобусу не нужно проезжать через всю деревню. Некоторые родители привозят туда детей довольно рано, как им удобно, и детям приходится ждать. И иногда они забредают в деревню.

– А если холодно или дождь?

– Большинство родителей дожидаются автобуса, сидя с детьми в машине. Но некоторые просто высаживают детей и уезжают. Тиммер Хадли приглашала этих детей к себе, и они ждали автобуса у нее.

– Очень мило с ее стороны, – сказал Гамаш.

Клара с удивлением посмотрела на него:

– Правда? Наверное, так и есть, если подумать. Но я подозреваю, что для этого была другая причина. Она боялась, что ее привлекут к ответственности, если ребенок замерзнет или еще что-то случится. Что касается меня, то я бы скорее замерзла до смерти, чем вошла в этот дом.

– Почему?

– Тиммер Хадли была ужасной женщиной. Вы посмотрите на беднягу Бена. – Клара кивнула в сторону Бена Хадли.

Гамаш взглянул туда и успел заметить, что Бен опять смотрит на них.

– Она его искалечила. Отвратительная, властная женщина. Даже Питер ее побаивался. В школьные каникулы он часто бывал у Бена. Чтобы составить ему компанию и защитить от этой женщины в ее чудовищном доме. Стоит ли удивляться, что я его люблю?

Гамаш даже не сразу понял, кого имеет в виду Клара – Питера или Бена.

– Питер – самый замечательный человек в мире, и если даже он ненавидел и боялся Тиммер, значит для этого были основания.

– Как он познакомился с Беном?

– В монастыре. В частной мужской школе близ Ленноксвилла. Бена отправили туда, когда ему было семь. Столько же, сколько и Питеру. Два самых маленьких мальчика в школе.

– А чем была так нехороша Тиммер? – Гамаш нахмурился, представив себе двух испуганных мальчиков.

– Прежде всего, она отправила мальчишку, который не помнил себя от страха, в школу-интернат. Бедняга Бен был совершенно не готов к тому, что его ждало. Вы когда-нибудь учились в школе-интернате, инспектор?

– Нет. Никогда.

– Вам повезло. Там процветает дарвинизм в самом его изощренном виде. Вы либо приспосабливаетесь, либо вымираете. Вы узнаете, что для выживания вам нужны такие качества, как хитрость, коварство, грубость, умение лгать. Либо так, либо вас вообще не должно быть видно. Но даже и этого не хватает надолго.

Питер очень четко нарисовал Кларе картину жизни в интернате. И вот теперь она видела, как медленно-медленно поворачивается дверная ручка. И дверь в незапираемую спальню медленно-медленно открывается. И старшеклассники входят на цыпочках, чтобы нагнать страху на тех, кто поменьше. Питер в конце концов понял, что чудовище обитает вовсе не под кроватью. Сердце у Клары разрывалось каждый раз, когда она думала об этих мальчиках. Она посмотрела на этих двух взрослых, уже седеющих мужчин – они о чем-то разговаривали, почти соприкасаясь головами. И ей захотелось подбежать к ним, защитить от всего плохого.

– Матфей, десять, тридцать шесть.

Клара повернулась к Гамашу, который смотрел на нее с такой нежностью, что она почувствовала себя одновременно и ранимой и защищенной. Дверь спальни закрылась.

– Что-что?

– Цитата из Библии. Мой первый начальник, инспектор Комо, часто цитировал эти строки. Евангелие от Матфея, глава десятая, стих тридцать шестой.

– Я никогда не прощу Тиммер Хадли того, что она сделала с Беном, – тихо сказала Клара.

– Но ведь и Питер был там, – так же тихо возразил Гамаш. – Его отправили туда родители.

– Верно. Его мать тоже та еще штучка. Но он был лучше подготовлен.

И все равно для него это было кошмаром. И потом, там были змеи. Как-то на каникулах Бен и Питер играли в подвале в ковбоев и увидели змеиное гнездо. Бен говорил, они были в подвале повсюду. И мыши тоже. Но мыши тут у всех. А вот змей ни у кого нет.

– И змеи до сих пор там обитают?

– Не знаю.

Каждый раз, приходя в дом Хадли, Клара видела змей – они лежали свернувшись в темных углах, заползали под стулья, свешивались с потолочных балок. Возможно, это была игра воображения. А может, и нет. В конце концов Клара перестала ходить в этот дом. Только в последние недели перед смертью Тиммер она преодолела себя – там нужны были помощники. Но и тогда она ходила туда только с Питером и никогда не заглядывала в ванную. Она знала, что змеи лежат свернувшись под бачком унитаза. И никогда, ни при каких обстоятельствах не спускалась в подвал. Никогда не приближалась к этой двери в кухне, за которой слышалось скольжение и шуршание и откуда доносился запах болота.

Клара перешла на виски, и теперь они вдвоем с Гамашем смотрели в окно на викторианские башни, видимые за деревьями на холме.

– Тем не менее Тиммер и Джейн были лучшими подругами, – сказал Гамаш.

– Верно. Но Джейн со всеми уживалась.

– Кроме своей племянницы Йоланды.

– Ну, в этом нет ничего удивительного. С Йоландой не может ужиться даже сама Йоланда.

– Вы знаете, почему Джейн в своем доме никого не пускала дальше кухни?

– Понятия не имею, – ответила Клара. – Но она пригласила нас на коктейль в гостиную в день вернисажа в Уильямсбурге. Хотела отпраздновать «Ярмарочный день».

– Когда она это сделала? – спросил Гамаш, подавшись вперед.

– В пятницу. За обедом. Когда узнала, что жюри приняло ее картину.

– Постойте, – сказал Гамаш, ставя локти на столик так, словно собирался проползти по столу и забраться Кларе в голову. – Вы сейчас сказали, что в пятницу вечером она всех пригласила к себе в дом. Впервые в жизни. А на следующее утро ее убили.

– Да. Она приглашала к себе на обеды тысячу раз. Но не дальше кухни. А на этот раз подчеркнула, что обед будет в гостиной. Это важно?

– Не знаю. А когда открывается выставка?

– Через две недели.

Они посидели молча, думая о выставке. Потом Клара посмотрела на часы:

– Мне пора. Ждем гостей к обеду.

Гамаш поднялся вместе с ней, и она улыбнулась ему:

– Спасибо, что нашли скрадок.

Он слегка поклонился ей, проводил взглядом ее фигуру – Клара шла, кивая и приветственно помахивая людям. Она остановилась у столика, за которым сидели Питер и Бен. Поцеловала Питера в макушку, двое мужчин одновременно поднялись, и все втроем, словно семья, вышли из бистро.

Гамаш взял со столика «Большую охотничью книгу для мальчиков», открыл обложку. Внутри крупными круглыми буквами неуверенным почерком было написано: «Б. Маленфан».

Придя в гостиницу, Гамаш столкнулся с Габри и Оливье, которые собирались к Морроу на обед в складчину.

– В духовке для вас пастуший пирог, – сказал Габри от дверей.

Поднявшись по лестнице, Гамаш постучал в дверь агента Николь и предложил ей встретиться внизу через двадцать минут. Николь согласилась. Еще он сказал, что поедят они сегодня прямо здесь, в гостинице, так что одеться она может по-домашнему. Она кивнула, поблагодарила его и, закрыв дверь, вернулась к тому, чем занималась последние полчаса: отчаянно пыталась понять, что ей надеть. Она позаимствовала у своей сестры Анжелины кое-какую одежду и теперь не могла решить, какой выбор будет идеальным. По какой одежде сразу станет понятно: вот она, будущий старший инспектор, умная, властная, спорить с которой не рекомендуется? Какая одежда скажет: «Будь похожей на меня»? Какая подходит лучше всего?

Гамаш поднялся еще на один лестничный пролет, открыл дверь в свой номер и почувствовал, как его потянуло к медной кровати с высоким пуховым одеялом и подушками. Ему хотелось упасть на нее, закрыть глаза и уснуть, забыться. Обстановка в номере была простая: стены успокаивающего белого цвета, комод темного вишневого дерева. На одной стене – старый портрет, написанный маслом. На полу – подвыцветший, но привлекательный коврик. Атмосфера тепла и уюта – Гамашу даже трудно было этому противиться. Он помедлил, стоя посреди комнаты, но через несколько мгновений решительно направился в ванную. Душ освежил его, потом он оделся по-домашнему и позвонил Рейн-Мари, собрал свои записки и через двадцать минут спустился в гостиную.

Иветт Николь появилась полчаса спустя. Она решила надеть самое

сильнодействующее из имеющихся у нее одеяний. Гамаш не оторвался от чтения, когда она вошла.

– У нас проблема. – Он поднял голову от блокнота и посмотрел на Николь, которая сидела напротив него, положив ногу на ногу и скрестив руки на груди: не женщина, а сплошные кресты. – Вообще-то, проблема у вас. Но поскольку она влияет на ход расследования, то становится и моей проблемой.

– Правда, сэр? И что же это за проблема?

– У вас хорошие мозги, агент.

– Разве это проблема?

– Да, именно проблема. Вы самоуверенны и смотрите на всех свысока.

Эти слова, сказанные мягким голосом, были для нее как пощечина. Никто прежде не отваживался говорить с ней так.

– Я начал с того, что у вас хорошая голова. Сегодня днем на заседании вы продемонстрировали неплохие дедуктивные способности.

Николь села прямее и немного успокоилась, однако оставалась начеку.

– Но одной хорошей головы недостаточно, – продолжал Гамаш. – Ею нужно правильно пользоваться. А вы этого не делаете. Вы смотрите, но не видите. Вы слушаете, но не слышите.

Николь была абсолютно уверена, что видела эти слова на кофейной кружке в службе дорожного движения. Бедняга Гамаш: руководствовался философией, умещавшейся на кружке.

– Я вижу и слышу достаточно хорошо, чтобы раскрыть дело.

– Возможно. Мы еще посмотрим. Как я уже сказал, вы это неплохо проделали, и у вас хорошая голова. Но что-то отсутствует. Вы наверняка замечали это. Вы никогда не ощущали себя потерянной, как будто люди вокруг говорят на иностранном языке, как будто вокруг происходит что-то понятное всем, кроме вас?

Николь понадеялась, что шок, который она испытала, не отразился на ее лице. Откуда ему это известно?

– Единственное, чего я не могу понять, сэр, – это как можно устраивать мне головомойку за то, что я раскрыла дело.

– Вам не хватает дисциплины, – гнул свою линию Гамаш, пытаясь достучаться до нее. – Вот, например, что я сказал вам перед тем, как мы вошли в дом Крофта?

– Я не помню. – Наконец до нее стало доходить, что, возможно, ей грозят крупные неприятности.

– Я просил вас слушать и не говорить. Но вы заговорили с миссис Крофт, когда она появилась в кухне.

– Ну, кто-то ведь должен был проявить к ней сочувствие. Вы обвинили меня в том, что я лишена доброты. Но это неправда. – «Господи боже, только бы не расплакаться», – подумала Николь, чувствуя, как слезы подступают к глазам. Она сжала руки в кулаки, держа их на коленях. – Я добрая.

– Разве у нас шла об этом речь? Мы расследуем убийство. Вы должны делать то, что вам говорят. Нет отдельных правил для вас и каких-то других правил для всех остальных. Вам ясно? Если вам велят помалкивать и вести записи, то вы должны делать то, что велено. – Последние слова были произнесены медленно, отчетливо, холодно. Гамаш спросил себя, понимает ли она сама, что она интриганка. Вряд ли. – Сегодня утром я назвал вам три фразы из четырех, которые ведут к мудрости.

– Вы назвали мне все четыре. – Николь всерьез усомнилась в его психическом здоровье.

Он строго посмотрел на нее, без злости, но и явно без теплоты:

– Повторите их для меня, пожалуйста.

– «Я не знаю». «Мне нужна помощь». «Прошу прощения». И «я забыла».

– «Я забыла»? С чего вы это взяли?

– Вы сами сказали это сегодня утром. Вы сказали: «Я забыл».

– И вы серьезно хотите мне сказать, что слова «я забыл» могут быть путем к мудрости? Я ведь просто сказал вам, что забыл последнюю рекомендацию. Да, я уверен, что сказал: «Я забыл». Но вспомните контекст. Вот идеальный пример, показывающий, в чем недостаток вашей хорошей головы. Вы ею не пользуетесь. Вы не думаете. Недостаточно просто слышать слова.

«Ну вот, – подумала Николь. – Бла-бла-бла. Вы должны слушать».

– Вы должны слушать. Слова, они ведь не просто падают в некий стерильный контейнер, чтобы потом механически повторять их, не понимая смысла. Когда миссис Крофт сказала, что в подвале ничего нет, вы обратили внимание, как она это говорит, с какой интонацией, что этому предшествовало, что говорил язык ее тела, ее руки, ее глаза? Вам известны предыдущие расследования, в которых подозреваемый говорил такие же слова?

– Это мое первое расследование, – победно проговорила Николь.

– И почему, вы думаете, я сказал вам, чтобы вы помалкивали и вели запись? Потому что у вас нет опыта. Можете догадаться, как звучит последняя фраза из четырех?

Николь совершенно замкнулась.

– «Я ошибался», – произнес Гамаш.

Он подозревал, что его слова не доходят до нее, но он должен был попытаться. Все то, о чем он говорил теперь Николь, он услышал, будучи двадцатипятилетним новичком в отделе по расследованию убийств. Инспектор Комо усадил его перед собой, за один урок выложил все, что требовалось, и больше никогда к этому не возвращался. Это был громадный подарок, которым Гамаш пользовался каждый день. Слушая Комо, он понял, что этот подарок нельзя хранить при себе – нужно делиться им с другими. И потом, став инспектором, он начал передавать эти мудрости следующему поколению. Гамаш знал, что на нем лежит ответственность только за попытку. А уж как люди распорядятся его подарком – это их дело. Он должен был сказать Николь еще об одном.

– Сегодня утром я просил вас подумать о том, как вы усваиваете знания. И что вы надумали?

– Я не знаю.

Строки из знаменитого стихотворения Рут Зардо снова пришли ему в голову:

– «Я просто отойду от вас подальше, где вам меня и в жизни не найти, где не обидеть, не заставить говорить».

– Что? – переспросила Николь.

Это было так несправедливо. Она старалась изо всех сил. Всюду следовала за ним. Даже осталась в деревне ради расследования. И раскрыла это треклятое преступление. И что получила за это? Да ничего. Должно быть, Гамаш теряет хватку и ее успех в расследовании показал ему, как глупо он выглядит. «Именно так, – подумала она, когда ее усталые настороженные глаза увидели этот остров. – Он мне завидует. Я ни в чем не виновата». Ее ноги почувствовали песчаное дно, и она в мгновение ока выбралась из этого мертвого моря. Чьи-то руки хватали ее за щиколотки, тянули назад. Но она выбралась на свой остров целая и невредимая.

– Мы учимся на своих ошибках, агент Николь.

«Да мели ты что угодно!»

Глава восьмая

– Ну красота, – сказала Рут в гостиной дома Морроу, глядя на открывшуюся дверь из прихожей. – Деревенский люд.

– Bonjour, mes amours[38], – воскликнул Габри и, пританцовывая, вошел в комнату. – И тебе bonjour, Рут.

– Мы раскупили все, что было в магазине здоровой пищи. – Оливье пробрался в кухню и выложил на стол пастушьи пироги и два бумажных пакета.

– Я ошиблась, – сказала Рут. – Это всего лишь две старые кошёлки.

– Сучка, – сказал Габри.

– Шлюха, – прорычала Рут. – Что там в пакетах?

– Для тебя, моя маленькая мочалка…

Габри ухватил пакеты и, словно безумный фокусник, театральным жестом перевернул их. Из пакетов посыпались чипсы, баночки с солеными орешками, шоколад ручной работы из кондитерской мадам Марьель в Сен-Реми. Тут были также всевозможные лакричные и жевательные конфеты, сыр, пирожные буше. Упаковка печенья «Лун Мунс» упала на пол и подпрыгнула, как мячик.

– Класс! – воскликнула Клара. Она опустилась на колени и сграбастала эти забавные знаменитые печенюшки с желтоватым кремом. – Мое. Все мое.

– Я думала, что ты шоколадоголик, – сказала Мирна, хватая замечательную, вкуснейшую конфету с желе, любовно приготовленную мадам Марьель.

– Во время шторма заходишь в первый попавшийся порт. – Клара разорвала целлофановую обертку, выудила изнутри одну печенину и сунула в рот, причем во рту исчезла только половина, остальная часть каким-то невероятным образом оказалась на лице и в волосах. – Сто лет не пробовала. Вкуснотища!

– И они тебе идут, – сказал Габри, глядя на Клару, у которой на лице как будто пекарня взорвалась.

– Я тоже принесла пакеты, – сказала Рут, показывая на стол.

Там стоял Питер спиной к гостям. Спина у него была напряжена до степени, несвойственной даже Питеру. Его мать, увидев его сейчас, гордилась бы как физической, так и эмоциональной осанкой сына.

– Кому чего? – Питер обратил свою рубленую фразу к стенке.

Невидимые ему гости переглянулись у него за спиной. Габри выгреб остатки печенья из волос Клары и кивком показал в сторону Питера. Клара пожала плечами и тут же поняла, что предает мужа. Одним легким движением она дистанцировалась от бестактного поведения Питера, хотя сама и была виною его бестактности. Перед приходом гостей она рассказала ему о своем приключении с Гамашем. Оживленно, возбужденно болтала она о своем ящике, о походе в лес, о захватывающем подъеме по дереву до скрадка. Но за стеной слов она не почувствовала его растущего спокойствия. Не обратила внимания на его молчание, его отстраненность, а когда заметила, то было уже поздно: он удалился на свой ледяной остров. Она ненавидела это место. Он стоял там и взирал на мир, судил и излучал сарказм.

«Ты и твой герой разгадали загадку смерти Джейн?»

«Я думала, ты будешь доволен», – наполовину солгала Клара. Она об этом вообще не думала, а если бы подумала, то смогла бы предугадать его реакцию. Но поскольку он уже удобно расположился на своем арктическом острове, она отступила на свой, вооруженная праведным негодованием и подогретая убежденностью в своей правоте. Она подбросила в этот огонь свои дрова («Я права, а ты бесчувственный ублюдок») и почувствовала себя довольной и в безопасности.

«Почему ты не сказала мне? – спросил он. – Почему не позвала меня с собой?»

И вот, пожалуйста. Простой вопрос. Питер всегда обладал этой способностью – отбрасывать в сторону всякое дерьмо и брать быка за рога. К сожалению, сегодня это было ее дерьмо. Он задал тот вопрос, который сама она боялась задать. Почему она этого не сделала? Внезапно ее убежище, ее остров, территория которого всегда была безопасно высокой, стал уходить под воду.

В этот момент начали прибывать гости. И вот теперь Рут сделала удивительное заявление: она, мол, тоже принесла что-то к общему столу. «Видимо, смерть Джейн потрясла ее до мозга костей», – подумала Клара. На столе стояла скорбь Рут. Джин «Танкерей», вермут «Мартини и Росси» и виски «Гленфиддик». Целое состояние, вложенное в алкоголь, а с состояниями у Рут дела обстояли неважно. Большая поэзия не приносит доходов. Клара даже и вспомнить не могла, когда Рут в последний раз приносила выпивку. Но сегодня старушка съездила в винный магазин в Уильямсбурге и привезла эти бутылки, а потом тащила их через весь деревенский луг до дома Клары и Питера.

– Остановись, – сказала Рут, замахнувшись тростью на Питера,

который хотел было отвинтить крышечку с бутылки джина. – Это мое. Не прикасайся. У тебя что, нет выпивки для гостей?

Она оттолкнула Питера и засунула бутылки обратно в пакет. Прижав пакет к груди, она направилась в прихожую и положила его на пол под своей матерчатой курткой – так мать укладывает в кроватку любимое дитя.

– Налей мне виски, – сказала Рут из прихожей.

Почему-то Кларе было легче иметь дело с такой вот Рут, а не со щедрой. Теперь перед ней был дьявол, которого она знала.

– Ты сказала, что хочешь продать кое-какие книги? – напомнила Мирна, входя в гостиную с бокалом красного вина в одной руке и горстью орешков в другой.

Клара пошла следом, чтобы быть подальше от красноречивой спины Питера.

– Детективы. Мне хочется прикупить еще, но сначала я должна избавиться от старых книг.

Две женщины медленно двинулись вдоль стеллажей, занимавших всю стену напротив камина от пола до потолка. Время от времени Мирна вытаскивала книги одну за другой. У Клары были специфические вкусы. В большинстве это были английские книги, и все на тему сельского уюта, с разными вариациями. Мирна могла часами с удовольствием просматривать книги. Она чувствовала, что если бы ей позволили внимательно взглянуть на библиотеку какого-нибудь человека, а потом увидеть, какие овощи он покупает, то она могла бы довольно точно определить его характер.

Она не в первый раз стояла перед этим стеллажом. Каждые несколько месяцев бережливая пара Морроу продавала кое-какие книги, а вместо них покупала другие, тоже старые и тоже в магазине Мирны. Она просматривала названия. Шпионские романы, книги по садоводству, биографии, художественная литература, но в основном детективы. Книги были расставлены кое-как. Поначалу Клара пыталась поддерживать какой-то порядок, и книги по искусству стояли по алфавиту, хотя одна из них попала не на свое место. Мирна машинально переставила книгу туда, где ей полагалось быть. Мирна догадывалась, кто является нарушителем порядка в этом случае, но остальное уступало под напором повседневной безалаберности.

– Ну вот.

Они добрались до конца стеллажа, и Мирна посмотрела на отобранные книги. Из кухни доносился манящий запах пищи. Мысли Клары последовали за ее носом, и она опять увидела Питера, его выпрямленную гневом спину. Ну почему она сразу не рассказала ему про скрадок и оленью

тропинку!

– Я дам тебе по доллару за каждую, – сказала Мирна.

– А просто обменять их на другие можно?

Это был знакомый и повторяющийся танец. Две женщины исполняли его довольно часто. К ним подошла Рут и стала читать задник книги Майкла Иннеса[39].

– Из меня бы вышел хороший детектив. – В наступившей гробовой тишине Рут пояснила свою мысль: – В отличие от тебя, Клара, я вижу людей такими, какие они есть. Я вижу их пороки, их злость, их мелочность.

– Ты сама их создаешь, Рут, – сказала Клара.

– Это верно. – Рут разразилась смехом и неожиданно заключила Клару в удивительно крепкие объятия. – Я наглая, и меня никто не любит…

– Я ничего такого не слышала, – сказала Мирна.

– Это невозможно отрицать. Это мои лучшие качества. Все остальное – показуха. Вообще-то, настоящая тайна в том, почему так мало людей совершают убийства. Вероятно, быть человеком ужасно. Я слышала в винном магазине, что великий тупица Гамаш и в самом деле провел обыск у Крофтов. Смешно.

Они вернулись в кухню, где обед уже стоял на столе в кастрюльках, над которыми поднимался парок. Каждый мог обслуживать сам себя. Бен налил Кларе стакан красного вина и сел рядом с ней.

– О чем вы там говорили?

– Я толком и не знаю. – Клара улыбнулась, глядя в доброе лицо Бена. – Рут сказала, что Гамаш провел обыск в доме Крофта. Это правда?

– Он разве не сказал тебе сегодня?

Питер, сидевший за столом чуть дальше, фыркнул.

– Ну да, он поднял большой шум, – сказал Оливье, стараясь не замечать, как Питер с размаху шлепает еду себе на тарелку. – Перевернул все вверх дном и явно что-то накопал.

– Но ведь они не собираются арестовывать Мэтью, правда? – спросила Клара, чья вилка застыла на полпути ко рту.

– Мог ли Мэтью убить Джейн? – спросил Бен, передавая мясо в соусе чили.

Он обращался с этим вопросом ко всем присутствующим, но по привычке повернулся к Питеру.

– Я в это не верю, – сказал Оливье, когда стало ясно, что Питер не ответит.

– Почему? – Бен по-прежнему смотрел на Питера. – Несчастные случаи происходят.

– Это верно, – снизошел Питер. – Хотя мне кажется, будь это он, он бы признался.

– Но это не какая-то заурядная ошибка. По-моему, в таком случае естественно бежать куда подальше.

– Да? – протянула Мирна.

– Я так думаю, – сказал Бен. – Ну, то есть я не знаю, как бы я реагировал, если бы я случайно попал камнем кому-нибудь по голове и убил его и этого никто бы не увидел. Могу ли я с уверенностью сказать, что побежал бы признаваться? Не поймите меня неправильно, я очень надеюсь, что вызвал бы помощь и принял то, что заслужил. Но могу ли я сейчас утверждать это? Нет. Пока такого не случилось – не могу.

– Никуда бы ты не убежал, – тихо произнес Питер.

Бен почувствовал, как у него перехватило горло. От добрых слов в его адрес он всегда смущался и ему хотелось плакать.

– Мы опять возвращаемся к тому, о чем ты говорила в пятницу вечером, Клара, – сказала Мирна. – Вспоминаю твою цитату: совесть и трусость в сущности одно и то же.

– Вообще-то, это Оскар Уайльд сказал. Он был гораздо циничнее меня. Думаю, это справедливо для некоторых людей, но, к счастью, не для большинства. Я уверена, у большинства людей есть очень неплохой нравственный компас. – Клара услышала, как слева от нее фыркнула Рут. – Иногда нужно какое-то время, чтобы прийти в себя, в особенности после шока. Когда я пытаюсь смотреть на это с колокольни Гамаша, мне все кажется логичным. Мэтью – опытный охотник-лучник. Он знал, что в этом лесу встречаются олени. Он мог это сделать и обладал необходимыми знаниями.

– Но почему не признаться? – пожелала узнать Мирна. – Да, Бен, я с тобой полностью согласна. Поначалу Мэтью вполне мог убежать, но разве он не признался бы спустя какое-то время? Я бы не смогла жить с такой тайной.

– Тебе нужно научиться получше хранить тайны, – посоветовал Габри.

– Вероятно, это все же был кто-то чужой, – сказал Бен. – Господь свидетель, в лесу сейчас полно чужаков. Все эти охотники из Торонто, Бостона и Монреаля – они палят тут, как маньяки.

– Но откуда охотнику из Торонто знать, какое выбрать место? – спросила у него Клара.

– Что ты имеешь в виду? Они отправляются в лес и затаиваются где-нибудь. Никаких особых тайн тут нет. Из-за этого в лесу сейчас столько идиотов.

– Но в этом случае охотник точно знал, где ему нужно стоять. Сегодня я побывала в оленьем скрадке, в том, который за школой. Где была убита Джейн. И конечно, прямо на него выходит оленья тропка. Потому-то там и оборудовали скрадок…

– Да, и сделал это отец Мэтью Крофта, – сказал Бен.

– Правда? – Эта новость поразила Клару. – Я не знала. А вы? – спросила она у остальных.

– О чем ты спрашиваешь? Я не слушала, – признала Рут.

– Хороший детектив, – пробормотала Мирна.

– Этот скрадок построил отец Мэтью, – сказала Клара, обращаясь к самой себе. – Но в любом случае Гамаш уверен, что им давно никто не пользовался…

– Охотники-лучники обычно не пользуются скрадками, – невыразительно произнес Питер. – В отличие от тех, кто охотится с огнестрельным оружием.

– И что ты хочешь этим сказать? – спросила Рут, которой уже стало скучно.

– Посторонний, заезжий охотник не знал бы, что там можно встретить оленя. – Клара сделала паузу, чтобы смысл ее слов дошел до каждого.

– То есть Джейн убил кто-то из местных? – спросил Оливье.

До этого момента все они считали, что убийца – заезжий охотник, скрывшийся с места убийства. Теперь выяснялось, что это, вероятно, не так.

– Значит, это все же мог быть Мэтью Крофт, – сказал Бен.

– Не думаю, – возразила Клара. – Те самые аргументы, что говорят о вине Мэтью, говорят и в его защиту. Хороший лучник не убил бы человека случайно. Вряд ли опытный стрелок мог совершить такую ошибку. Охотник-лучник, стоящий на оленьей тропе, был бы слишком близко к этому месту. Он бы знал, кто идет в его сторону – олень или…

– Или Джейн, ты хочешь сказать. – Обычно скрипучий голос Рут был теперь тверд, как Канадский щит[40].

Клара кивнула.

– Мерзавец, – сказала Рут.

Габри взял ее за руку, и она впервые не вырвала ее.

По другую сторону стола Питер положил нож и вилку и уставился на Клару. Она не могла толком разобрать выражение его лица, но восхищения на нем явно не было.

– В одном можно не сомневаться, – сказала она. – Тот, кто убил Джейн, был хорошим охотником-лучником. Плохой лучник не смог бы так

выстрелить.

– Здесь, к несчастью, много хороших лучников, – заметил Бен. – Благодаря нашему клубу.

– Преднамеренное убийство, – сказал Габри.

– Преднамеренное, – подтвердила Клара.

– Но кому понадобилось убивать Джейн? – спросила Мирна.

– Ведь убийство обычно совершается с целью получить какую-то выгоду, – сказал Габри. – Деньги, власть.

– Выгоду – да. Или он пытается защитить что-то, что боится потерять, – сказала Мирна. Она слушала этот разговор, считая его отчаянной попыткой скорбящих друзей отвлечься от утраты, предавшись интеллектуальной игре. Теперь она и сама вовлеклась в это. – Если под угрозу поставлено что-то ценное для тебя, например твоя семья, твое наследство, работа, дом…

– Мы поняли, – оборвала ее Рут.

– Ты можешь убедить себя в том, что убийство оправданно.

– Значит, если это сделал Мэтью Крофт, то он сделал это преднамеренно, – сказал Бен.

Сюзанна Крофт посмотрела на свою обеденную тарелку, в которой мини-равиоли остыли и образовали вязкие комки в лужице густого холодного соуса. На краю тарелки лежал кусочек хлеба, положенный туда скорее в надежде, чем из убеждения. В надежде, что тошнота в желудке пройдет и она сможет откусить немного.

Но ломтик хлеба оставался нетронутый.

Напротив нее Мэтью выложил свои равиоли четырьмя квадратиками, между которыми по тарелке проходила дорожка. Соус по обеим сторонам образовал прудики. Бо́льшую часть обеда съели дети, а родители доедали остатки. Сознание говорило, что это благородный материнский инстинкт. Но в глубине души Сюзанна знала, что, когда она раскладывает порции, ею скорее руководит личное стремление к мученичеству. Непрописанный, но подразумеваемый контракт с семьей. Ее обязанности.

Филипп сидел на своем обычном месте рядом с Мэтью. Его тарелка была чиста, он проглотил все равиоли и собрал подливку корочкой хлеба. Сюзанна хотела было поменять его пустую тарелку на свою, нетронутую, но что-то остановило ее руку. Она посмотрела на Филиппа: наушники от «Дискмана» на голове, глаза закрыты, губы вытянуты, на лице то дерзкое выражение, которое он носил последние шесть месяцев. И тут она решила, что контракт более не действует. И еще почувствовала, что сын ей

неприятен. Она его любит, да. Ну, наверное. Но он ей неприятен.

В последние несколько месяцев Мэтью и Сюзанне постоянно приходилось сражаться с Филиппом из-за этих наушников. Мэтью уговаривал его снять их на английском, а Сюзанна – на языке своей матери, на французском. Филипп был двуязычным, воспитывался на двух культурах, но оставался в равной мере глух к обоим языкам.

«Мы семья, – сказал как-то Мэтью. – „ЭнСинк“ – плохая приправа к обеду».

«Кто? – оскорбился Филипп. – Это же Эминем!» Словно это имело какое-то значение. При этом Филипп кинул на Мэтью взгляд, в котором читалась не злость или дерзость, а презрение. Так он смотрел на… что? Не на холодильник. С холодильником, кроватью, телевизором, компьютером он вроде бы находился в хороших отношениях. Нет, он смотрел на отца так, будто тот был «ЭнСинк». Вышедший из употребления. Отправленный на свалку. Ничто.

Тогда Филипп в конечном счете снял наушники в обмен на еду. Но сегодня все было иначе. Сегодня мать и отец были даже рады тому, что он подключился к своему «Дискману» и как бы отсутствует. Он жадно съел свою порцию, будто ничего лучше в жизни не пробовал. Сюзанну это бесило. Она каждый вечер трудилась, чтобы накормить их вкусным домашним обедом. А сегодня ее хватило только на то, чтобы открыть две банки из неприкосновенного запаса и разогреть их содержимое. И Филипп проглотил это, словно какой-то деликатес. Она смотрел на сына и думала, уж не специально ли он это сделал, чтобы оскорбить ее.

Мэтью наклонился над своей тарелкой, совершенствуя геометрию равиольной дорожки. Каждой выпуклости квадрата должна была соответствовать впадина с другой стороны. Иначе? Иначе Вселенная взорвется огнем, и их плоть сгорит, превратится в пепел, и он за миллисекунду до собственной мучительной смерти увидит, как на его глазах погибнет вся семья. Много чего подстерегало их на этой равиольной дорожке.

Он поднял глаза и увидел, что жена смотрит на него, загипнотизированная точностью его движений. Споткнувшись на запятой в десятичной дроби. Он вдруг вспомнил эту строку. Она ему всегда нравилась. С того самого момента, как он ее прочел у мисс Нил. Строку из Рождественской оратории Одена. Мисс Нил познакомила его с Оденом – сама им всю жизнь восторгалась. Любила даже это его корявое и довольно странное произведение. И понимала. Мэтью же с трудом продрался сквозь него из уважения к мисс Нил. Ему оратория совсем не понравилась. Кроме

этой единственной строки. Он не знал, что выделяло ее из множества других строк этого эпического сочинения. Он даже не знал, что она значит. До этой минуты. Он тоже споткнулся на запятой десятичной дроби. Его мир дошел до этого мгновения. Поднять глаза означало встретить катастрофу. А он не был готов к этому.

Мэтью знал, что несет ему завтрашний день. Он давно знал, что это надвигается на него. Неминуемо надвигается. Без всякой надежды на спасение ждал он, когда оно наступит. И вот оно пришло. Уже стояло почти на пороге. Он посмотрел на сына, на своего маленького мальчика, который так изменился за последние месяцы. Поначалу они думали, что это наркотики. Его злость. Ухудшающиеся отметки. Отрицание всего, что он любил прежде: футбола, кино перед сном и «ЭнСинк». И родителей. В особенности отца – Мэтью это чувствовал. По какой-то причине злость Филиппа была направлена на него. Мэтью не мог понять, что скрывается за этим выражением эйфории. Может быть, Филипп догадывался о том, что случится, и радовался этому?

Мэтью успел выровнять равиоли, а потом его мир взорвался.

При каждом звонке телефона в оперативном штабе воцарялась тишина. А телефон звонил часто. Отзванивались агенты. Отвечали на запросы владельцы лавочек, соседи, чиновники.

Здание старого вокзала Национальной канадской железной дороги идеально подходило для их нужд. Люди Гамаша с разрешения добровольной пожарной команды освободили середину того, что прежде было залом ожидания. Сверкающие полированные деревянные панели на четверть от пола закрывали стену, увешанную плакатами с пожарными правилами и изображениями прежних лауреатов литературной премии генерал-губернатора – намек на главу добровольной пожарной команды. Полицейские удалили все это, аккуратно свернули в рулоны и развесили на стене графики, карты и список подозреваемых. Теперь помещение было похоже на обычный оперативный штаб в старом и великолепном вокзальном здании. Это место было как будто специально создано для ожидания. Сколько сотен и тысяч людей сидели здесь в ожидании поезда, который увезет их или привезет их близких! И вот теперь мужчины и женщины снова сидели здесь в ожидании. На этот раз в ожидании данных экспертизы из криминалистической лаборатории в Монреале. Экспертизы, которая поставит точку в этом деле. Которая уничтожит Крофтов. Гамаш поднялся, сделал вид, что потягивается, и принялся ходить по кабинету. Он часто ходил так в нетерпеливом ожидании – заложив руки за спину,

опустив голову, глядя под ноги. Пока остальные делали вид, что работают на телефонах, собирают информацию, старший инспектор Гамаш медленно, размеренными шагами ходил между ними. Неспешно, невозмутимо, неумолимо.

Этим утром Гамаш поднялся еще до восхода. Его маленький походный будильник показывал 5:55. Старшему инспектору всегда доставляло удовольствие смотреть на это цифровое табло, когда на нем выскакивали одинаковые цифры. Полчаса спустя, одевшись как можно теплее, он на цыпочках спустился по лестнице к входной двери гостиницы, но не успел ее открыть, как услышал шум с кухни.

– Bonjour, M. l’Inspecteur, – сказал Габри, появляясь в темно-фиолетовом халате и пушистых тапочках, с термосом в руке. – Я подумал, что перед уходом вам неплохо выпить cafй au lait.

Гамаш был готов его расцеловать.

– И съесть парочку круассанов. – Габри, державший одну руку за спиной, теперь предъявил ее Гамашу вместе с пакетиком.

Гамаш был готов жениться на нем:

– Merci, infiniment, patron.

Несколько минут спустя он сидел на подернутой ледком деревянной скамье в центре деревенского луга. Он полчаса оставался там, созерцая тихое, мирное темное утро и светлеющее небо. Чернота сменилась темно-синим цветом, потом к нему примешался золотой оттенок. Наконец-то метеорологи дали точный прогноз. Забрезжил рассвет – яркий, хрустящий, ясный и холодный. В окнах стал зажигаться свет. Это были несколько спокойных минут, а Гамаш ценил каждое спокойное мгновение. Он налил себе крепкий густой кофе из термоса в маленькую металлическую чашку, вытащил из пакета все еще теплый рассыпчатый круассан.

Гамаш прихлебывал кофе и жевал круассан. Но главным образом наблюдал.

Без десяти семь зажегся свет в доме Бена Хадли. Несколько минут спустя Дейзи проковыляла по двору, виляя хвостом. Гамаш знал, что большинство собак, даже умирая, лизнут хозяина или будут вилять хвостом при виде его. В окно он видел, как ходит по дому Бен, как готовит себе завтрак.

Гамаш ждал.

В деревне началось движение, и к семи тридцати большинство домов ожило. Морроу выпустили из дома Люси, и она обошла территорию при доме, принюхалась. Подняла голову, медленно повернулась и пошла, а

потом побежала по тропинке через лесок к своему дому. К мамочке. Гамаш проводил взглядом золотистый хвост, исчезнувший среди деревьев. У него кольнуло сердце. Вскоре появилась Клара и позвала Люси. В ответ Люси тявкнула один раз, и Клара вошла в лесок, а несколько минут спустя появилась вместе с Люси – голова у собаки была опущена, хвост неподвижен.

Клара плохо спала прошедшую ночь, через каждый час просыпалась, обуреваемая тяжелым чувством, которое в последние дни не отпускало ее. Утрата. Тот крик в ушах, который не давал ей покоя прежде, превратился в непреходящий стон в глубинах ее души. Они с Питером снова поговорили за мытьем посуды, пока остальные сидели в гостиной, обсуждая вероятность преднамеренного убийства Джейн.

– Извини, – сказала Клара с полотенцем в руке, забирая теплые влажные тарелки у Питера. – Я должна была рассказать тебе о моем разговоре с Гамашем.

– Почему же не рассказала?

– Не знаю.

– Это нехорошо, Клара. Может быть, ты мне не доверяешь?

Он повернулся к ней, его голубые с ледком глаза смотрели проницательно и холодно. Она знала, *что* должна сказать ему: как сильно она его любит, верит ему, нуждается в нем. Но что-то удерживало ее. И вот опять. Молчание между ними. Что-то не высказанное словами. «Может быть, так оно и начинается?» – подумала Клара. Трещины между супругами заполняются не уютом и близостью, но множеством слов, которые не были произнесены и которые были произнесены.

Опять ее любимый закрылся. Окаменел. Стал неподвижен и холоден.

В этот момент к ним и вошел Бен, застав их за действом более приватным, чем секс. Их злость и боль были как на выставке. Бен запнулся, остановился, забормотал что-то и наконец вышел, как ребенок, застукавший родителей в постели.

Вечером, когда все ушли, Клара сказала Питеру то, что он давно хотел услышать. Сказала, как верит ему, как его любит. Как она сожалеет, как благодарна ему за терпение, которое он проявил, когда она была в отчаянии после смерти Джейн. Она попросила у него прощения. И он простил ее. Прижал ее к себе, и они лежали так, пока их дыхание не выровнялось, пока они не стали дышать глубоко и как один организм.

И все же что-то осталось недосказанным.

На следующее утро Клара поднялась рано, выпустила Люси,

приготовила Питеру оладьи, кленовый сироп и бекон. Неожиданный запах канадского бекона, свежего кофе и дымкб разбудил Питера. Он проснулся и принял решение позабыть о прошлых обидах. Вчерашний день лишний раз показал Питеру, насколько опасно проявлять свои чувства. Он принял душ, надел чистое, посмотрел на себя в зеркало и спустился в кухню.

– Как ты думаешь, когда Йоланда переедет? – спросила у него Клара во время завтрака.

– Наверное, когда будет оглашено завещание. Через несколько дней. Может, через неделю.

– Не могу поверить, что Джейн оставила дом Йоланде. Хотя бы только потому, что ей было известно, как я ненавижу ее племянницу.

– Возможно, ты тут ни при чем, Клара.

Опа. «И возможно, ты все еще злишься», – подумала Клара.

– Я наблюдала за Йоландой последние два дня. Она привозит вещи в дом Джейн.

Питер пожал плечами. Он уже начал уставать от необходимости все время утешать Клару.

– Разве Джейн не написала новое завещание? – попробовала она еще раз.

– Что-то я такого не помню.

Питер хорошо знал Клару: она использовала перемирие, чтобы попытаться отвлечь его от обид и перетянуть на свою сторону. Он отказывался подыгрывать ей.

– Нет, ты вспомни, – сказала Клара. – Когда Тиммер поставили диагноз и стало известно, что она неизлечима, они вроде бы разговаривали между собой о том, что нужно переписать завещания. Я точно знаю, что Джейн и Тиммер ездили к этому нотариусу в Уильямсбург. Как ее зовут? Ты же знаешь. У нее еще ребенок недавно родился. Она занималась со мной в одном фитнес-классе.

– Если Джейн составила новое завещание, то полиция об этом узнает. Это их работа.

Гамаш поднялся со скамьи. Он увидел то, что ему нужно было увидеть. То, о чем он догадывался. Это, конечно, было не окончательно, но наводило на размышления. Как обычно наводит на размышления ложь. Теперь, пока дневная текучка не затянула его в водоворот дел, он хотел еще раз увидеть скрадок. Но пожалуй, не подниматься в него. Гамаш пересек деревенский луг. Его ботинки оставляли следы в хваченной морозцем траве. Он поднялся по холму, прошел мимо прежней школы и свернул в

лес. И опять остановился под этим деревом. Его первый – и он надеялся, единственный – подъем в скрадок ясно показал, что убийца им не пользовался. И все же…

– Бах! Вы убиты.

Гамаш развернулся, но сразу же узнал голос.

– Ты как кот на мягких лапках, Жан Ги. Придется мне надеть на тебя коровий колокольчик.

– Что, опять?

Бовуар не часто позволял себе пошутить над боссом. В последнее время он начал беспокоиться: вот пошутит он над шефом, а у того случится инфаркт – и что тогда? Придется признать, что шутка не удалась. Он волновался за старшего инспектора, хотя его рациональный ум, который обычно брал верх над чувствами, знал, что это глупо. Старший инспектор слегка оброс жирком, и ему перевалило за пятьдесят пять, но такое происходило со многими, и все они обходились без помощи Бовуара. С другой стороны, у Гамаша была такая напряженная работа, что и слона могла свалить. И работал он, не щадя себя. Но по большому счету чувства Жана Ги Бовуара были необъяснимы. Он просто не хотел потерять старшего инспектора. Гамаш похлопал его по плечу и предложил остаток кофе из термоса, но Бовуар уже съел завтрак в гостинице.

– Бранч, ты хочешь сказать.

– Ммм. Яйца «Бенедикт», круассаны, джем домашнего приготовления. – Бовуар посмотрел на смятый бумажный пакетик в руке Гамаша. – Просто ужас. Вам повезло – вы этого избежали. Николь все еще там. Она спустилась после меня и села за другой столик. Странная девица.

– Женщина, Жан Ги.

Бовуар усмехнулся. Он ненавидел политкорректность Гамаша. Гамаш улыбнулся:

– Дело не в этом. Неужели ты не понимаешь? Она хочет, чтобы все мы смотрели на нее как на девицу, на ребенка, к которому нужно относиться деликатно.

– Если так, то она избалованный ребенок. У меня от нее мурашки по коже.

– Ты смотри будь с ней поосторожнее – она к тебе еще в печенку залезет. Она злобная интриганка. Относись к ней как к любому другому агенту. Она от этого с катушек съедет.

– Почему она вообще у нас? От нее никакой пользы.

– Вчера она предложила довольно здравые рассуждения, которые убедили нас в том, что Филипп Крофт – убийца.

– Это верно. Но она опасный человек.

– Опасный, Жан Ги?

– Не в физическом смысле. Нет, она не возьмет пистолет и не перестреляет нас всех. Скорее всего.

– Не всех. Надеюсь, кто-нибудь из нас успеет прикончить ее, прежде чем она покончит со всеми нами, – улыбнулся Гамаш.

– А я надеюсь, что это сделаю я. Она опасна, потому что сеет распри.

– Да. Это резонно. Я об этом думал. Когда она заехала за мной утром в воскресенье, то произвела на меня хорошее впечатление. Вела себя уважительно, предусмотрительно, на задаваемые вопросы отвечала обстоятельно, но без всякой навязчивости или потребности произвести впечатление. Я подумал, что у нас в команде появился победитель.

– Она купила вам кофе и пончик?

– Не пончик, а булочку. Я чуть ли не присвоил ей тут же сержанта.

– Именно так и я стал инспектором. Одного эклера мне хватило, чтобы сделать карьеру. Но с Николь что-то произошло между временем ее появления и вчерашним днем, – согласился Бовуар.

– Мне приходит в голову только одно: она встретилась с другими членами команды, и тут начал проявляться ее характер. С некоторыми это случается. Они хороши, когда вокруг никого нет. Этакие спортсмены-одиночники. Блестящие ребята. Но включи их в команду – и от них никакого толку. Я думаю, в этом суть Николь. Она начинает конкурировать там, где нужно сотрудничать.

– Мне кажется, ей отчаянно хочется проявить себя, она ищет вашего одобрения. И в то же время любой совет и критику – любую критику – воспринимает как катастрофу.

– Значит, у нее была катастрофическая ночь.

Гамаш рассказал Бовуару о своем разговоре с Николь.

– Увольте ее, сэр. Вы сделали все, что смогли. Вы собираетесь забраться туда? – Бовуар начал карабкаться по лестнице к скрадку. – Вот здорово. Настоящий домик на дереве.

Гамаш редко видел Бовуара таким оживленным. Но у него не возникло ни малейшего желания видеть это оживление вблизи.

– Я там уже побывал. Ты заметил оленью тропку?

Предыдущим вечером он рассказал Бовуару о скрадке и попросил подняться туда – посмотреть, не обнаружится ли чего-нибудь. Но он никак не ждал, что инспектор появится здесь в такую рань.

– Mais oui[41]. Отсюда все прекрасно видно. Но мне вчера вечером кое-что пришло в голову, – сказал Бовуар и посмотрел на него сверху.

«Вот черт, – подумал Гамаш, – похоже, мне тоже нужно подняться». Он ухватился за скользкие планки и принялся ползти наверх. Забравшись в скрадок, он прижался спиной к стволу дерева и ухватился за перильца.

– Дурь.

– Что-о-о? – На мгновение Гамашу показалось, что Бовуар догадался о его маленькой тайне и называет его…

– Мария и Хуан. Марихуана. Здесь собирают не только тыквы. Сейчас тут время сбора урожая дури. Возможно, Джейн Нил обнаружила тайное поле одного из таких фермеров, и за это ее и убили. Она часто гуляла по лесу, верно? Все знают, это многомиллиардная отрасль, и в ней иногда убивают.

– Это верно. – Гипотеза показалась Гамашу любопытной, если бы не одно «но». – Впрочем, по большей части этим занимаются банды байкеров – «Ангелы ада» или «Машина рока».

– Да. И здесь территория «Ангелов ада». Они убийцы. Может быть, нам перевести Николь на наркотики?

– Думай, Бовуар. Джейн Нил была убита стрелой, изготовленной сорок лет назад. Ты когда в последний раз видел байкера с луком и стрелами?

Это был веский аргумент, который не пришел Бовуару в голову раньше. Он был рад, что поделился этим соображением с шефом здесь, в высотном уединении, а не в оперативном штабе в присутствии агентов. Гамаш, вцепившийся в перильца, размышлял о том, как ему спускаться, если вдруг возникнет острая нужда. Бовуар пролез в вырез и двинулся вниз. Гамаш произнес безмолвную молитву, подошел к вырезу и, спустив ноги, не почувствовал ничего, кроме пустоты. Внезапно твердая рука ухватила его за щиколотку и навела подошву на первую ступеньку.

– Даже вам иногда требуется помощь.

Бовуар несколько секунд смотрел на шефа, а потом принялся быстро спускаться.

– Ну, давайте выслушаем ваши доклады, – такими словами Бовуар призвал к порядку полицейских, собравшихся на летучку. – Лакост, ты первая.

– Мэтью Крофт. Тридцать восемь лет, – сказала она, вытаскивая авторучку изо рта. – Глава дорожного департамента округа Сен-Реми. Я говорила с главой округа, и он не скупился на похвалы в адрес Крофта. Откровенно говоря, я не слышала таких похвал после моей собственной аттестации.

Штаб взорвался смехом. Жан Ги Бовуар, который проводил аттестации

в отделе, был известен своей строгостью.

– Но один уволенный рабочий подал жалобу. Написал, что Крофт его избил.

– И кто этот рабочий?

– Андре Маленфан.

По комнате пронесся гул понимания.

– Крофт победил без труда. Претензии отклонены. Но прежде Маленфан обратился в местные газеты. Отвратительный тип этот Маленфан. Далее Сюзанна Беланжер. Ей тоже тридцать восемь. Замужем за Крофтом вот уже пятнадцать лет. Работает на неполной ставке в Сен-Реми. Так, что еще? – Лакост просмотрела свои записи в поисках еще каких-нибудь достойных оглашения сведений об этой тихой, ничем не примечательной женщине.

– И ни одного ареста? – спросила Николь.

– Только за убийство старушки в прошлом году.

Николь скорчила кислую гримасу.

– А что Филипп?

– Четырнадцать лет, учится в девятом классе. До прошлого Рождества был хорошим учеником. Потом что-то случилось. Отметки стали ухудшаться, изменилось его поведение. Я говорила со школьным психологом. Она понятия не имеет, что произошло с парнем. Может, наркотики. Может, проблемы дома. Она говорит, что многие мальчишки в четырнадцать лет отбиваются от рук. Но ее эта ситуация, кажется, не очень волнует.

– Спортом он каким-нибудь занимается? – спросил Гамаш.

– Баскетбол и хоккей, хотя на этот триместр в баскетбольную секцию не записался.

– А секция лучников у них есть?

– Да, сэр. Но он в ней никогда не состоял.

– Хорошо, – сказал Бовуар. – Николь, что там с завещанием?

Иветт Николь сверилась со своими записями. Или сделала вид, что сверилась. Она совершенно об этом забыла. Ну, не совсем совершенно. Вспомнила вчера в конце дня, но она к тому времени уже раскрыла это дело, так что проверка завещания представлялась ей пустой тратой времени. Кроме того, она понятия не имела, как выяснить, существует ли другое завещание, и у нее не было ни малейшего желания демонстрировать свое невежество перед так называемыми коллегами, которые пока демонстрировали свою полную несостоятельность.

– То завещание, что у Стикли, было последним, – сказала Николь,

глядя в глаза Бовуару.

После этого отчеты продолжились. Напряжение в штабе нарастало, потому что единственный телефон, звонка по которому они ждали, молчал, – телефон в крупной руке Гамаша.

Судя по собранным сведениям, Джейн Нил была беззаветно предана делу и пользовалась уважением. Судьба учеников настолько беспокоила ее, что она время от времени проявляла к ним строгость. Ее финансовое состояние не вызывало тревоги. Она была церковным старостой в Святом Томасе, активно участвовала в Обществе женщин англиканского вероисповедания, организовывала распродажи всяких безделушек, устраивала встречи. Также была большим любителем бриджа и садоводства.

В то воскресное утро соседи ничего не видели и не слышали.

«На западном фронте без перемен», – подумал Гамаш, слушая описание этой тихой жизни. Мысли его иногда принимали наивный оборот, и он удивлялся, почему смерть такой хорошей души осталась почти незамеченной. Не зазвонили колокола в церкви. Не запищали мыши, не затрубили олени. Земля не вздрогнула. А должна была бы. Будь он Богом, это непременно случилось бы. А вместо этого в докладе всего лишь строка: «Соседи ничего не заметили».

Агенты закончили отчитываться, и команда вернулась к бумажной работе и телефонным разговорам. Арман Гамаш начал расхаживать по комнате. Позвонила Клара Морроу – сообщила Гамашу, что скрадок в лесу был построен отцом Мэтью Крофта. Любопытный факт, наводящий на размышления.

В десять пятнадцать зазвонил телефон в его руке. Звонили из лаборатории.

Глава девятая

Мэтью Крофт до конца жизни не забудет, где он находился, когда к его дому подъехали полицейские машины. Часы в кухне показывали одиннадцать часов три минуты. Он думал, они приедут раньше. Ждал их с семи утра.

Каждую осень в сезон консервирования мать Сюзанны Марта приходила с пакетом, полным старых семейных рецептов. В течение следующих двух дней обе женщины без устали закатывали консервы, и Марта неизменно спрашивала: «Сколько нужно огурцу, чтобы замариноваться?».

Поначалу он пытался ответить на этот вопрос, как будто она искренне хотела знать ответ. Но с годами он понял, что ответа на этот вопрос нет. В какой момент наступают изменения? Иногда они происходят неожиданно. Наступают в нашей жизни моменты, когда мы вдруг видим: ага, вот оно. Но часто перемены происходят постепенно, эволюционно. Когда все в их доме пошло наперекосяк? Ответа на этот вопрос тоже не было.

– Доброе утро, мистер Крофт.

Старший инспектор Гамаш казался спокойным, невозмутимым. Рядом с Гамашем стоял Жан Ги Бовуар, за ним – женщина-полицейский, а еще чуть дальше – человек, которого Мэтью видел впервые. Средних лет, в костюме и при галстуке, волосы тронуты сединой и подстрижены на консервативный манер. Гамаш проследил за направлением взгляда Крофта.

– Это Клод Гиметт. Из попечительской службы провинции. Мы получили результаты экспертизы по луку и стрелам. Вы позволите нам войти?

Крофт отступил, и они вошли в его дом. Он бессознательно провел их в кухню.

– Было бы хорошо, если бы ваша жена тоже присутствовала.

Крофт кивнул и отправился наверх. Сюзанна сидела на кровати. Она одевалась целое утро – по одной вещи зараз, после чего в изнеможении плюхалась на кровать и некоторое время набиралась сил. Наконец, около часа назад, она оделась полностью. Если тело еще как-то слушалось ее, то выражение ужаса на лице не поддавалось уговорам.

Она попыталась было молиться, но забыла все слова. Повторяла лишь две навязчивые строчки, которые почему-то всплыли в памяти:

Грустный мальчик-пастушок, ты подуй в свой рожок,
Прогони овечек с поля, дам тебе я пирожок.

Она читала эти стишки Филиппу, когда он был маленьким. Но теперь остальные строки забыла. А ей казалось важным вспомнить, хотя это и не была молитва. Нет, это было нечто большее. Доказательство того, что она хорошая мать. Доказательство того, что она любит своих детей. «Доказательство того, – шептал тоненький девчоночий голосок в ее голове, – что это не твоя вина». Но она не могла вспомнить остальных строк этого детского стишка. А значит, это все-таки была и ее вина.

– Они приехали, – сказал Мэтью, остановившись в дверях. – Просят, чтобы ты спустилась.

Когда она появилась вместе с Мэтью, Гамаш встал и взял ее за руку. Она села на предложенный ей стул, словно перестала быть хозяйкой в собственном доме. В собственной кухне.

– Мы получили результаты экспертизы, – сразу приступил к делу Гамаш. Было бы жестоко мучить их лишней болтовней. – На луке, что мы нашли в вашем подвале, оказалась кровь Джейн Нил. Еще ее кровь обнаружилась на некоторых предметах одежды Филиппа. Наконечник стрелы совпадает с характером раны. Перья, найденные в ране, того же типа и возраста, что и перья в старом колчане. Мы полагаем, что ваш сын случайно убил Джейн Нил.

Вот и все.

– Что теперь с ним будет? – спросил Мэтью, всю воинственность которого как рукой сняло.

– Я бы хотел поговорить с ним, – сказал месье Гиметт. – Моя работа в том, чтобы представлять его интересы. Я приехал с полицией, но я на них не работаю. Департамент попечительства Квебека не зависит от полиции. Напротив, я буду работать на Филиппа.

– Понятно, – сказал Мэтью. – Его посадят?

– Пока ехали к вам, мы говорили со старшим инспектором Гамашем. Он не собирается предъявлять Филиппу обвинение в преднамеренном убийстве.

– И что же с ним будет? – снова спросил Мэтью.

– Его отвезут в полицейское отделение в Сен-Реми и предъявят обвинение в неумышленном убийстве.

Мэтью нахмурил брови. Если бы знать, что жизнь может так обернуться, то и он сам в детстве вел бы себя иначе. Сколько раз его

детское озорство могло привести к таким же печальным последствиям. А его сын, как и он в свое время, рос озорником.

– Но он же всего лишь мальчишка, – проговорила Сюзанна, чувствуя, что должна что-то сказать в защиту сына.

– Ему четырнадцать. Возраст достаточный, чтобы научиться отличать добро от зла, – тихим, но твердым голосом сказал Гамаш. – Он должен знать, что если он совершает зло, пусть и неумышленно, то должен отвечать за это. Филипп был среди тех мальчишек, что кидались пометом в месье Дюбо и месье Брюле?

Перемена темы привела Мэтью в чувство.

– Да. Он пришел домой и хвастался этим.

Мэтью помнил, как смотрел на своего сына в кухне и не мог понять: откуда взялся этот чужой ему человек.

– Но вы уверены? Я знаю, что мисс Нил назвала три имени, среди них был и Филипп, но, возможно, кого-то из них она приняла за другого.

– Правда? – воскликнула Сюзанна, на миг проникшись надеждой, но тут же поняла, что это ничуть не смягчает вину сына.

Несколько дней назад она пришла в ужас оттого, что ее сын сделал такую гадость и был уличен. Но теперь тот проступок казался мелочью рядом с обвинением, которое ему предъявляли.

– Я могу его увидеть? – спросил месье Гиметт. – Мы со старшим инспектором должны поговорить с ним.

Мэтью молчал в нерешительности.

– Помните, мистер Крофт: я не работаю на полицию.

Но у Крофта не было выбора, и он это знал. Он повел их наверх, постучал в закрытую дверь. Ответа не последовало. Он постучал еще раз. И опять никакого ответа. Он взялся было за ручку двери, но потом все же постучал еще раз, громко позвав сына. Гамаш с интересом наблюдал за ним. Наконец он сам повернул ручку, открыл дверь и вошел в комнату Филиппа.

Филипп лежал спиной к двери и мотал головой. Даже с расстояния Гамаш слышал визг музыки из наушников. На Филиппе была дневная одежда – мешковатый свитер и мешковатые брюки. На стенах висели плакаты рок– и рэп-групп, состоящих из дерзких, высокомерных юнцов. Обои, на которых были изображены маленькие хоккеисты в форме «Канадиенс», почти исчезли за всеми этими плакатами.

Гиметт тронул Филиппа за плечо. Филипп повернулся, его глаза распахнулись, и он посмотрел на них с такой ненавистью, будто готов был наброситься с кулаками. Потом это выражение исчезло. Филипп уже не в

первый раз выбрал не ту мишень.

– Ну, вам чего?

– Филипп, меня зовут Клод Гиметт, я из департамента попечительства, а это старший инспектор Гамаш из Квебекской полиции.

Гамаш предполагал встретить испуганного мальчика, и он знал, что страх может проявляться по-разному. Одной из форм страха была агрессивность. Если человек озлоблен, то он наверняка испуган. Самоуверенность, слезы, внешнее спокойствие, но бегающие глаза и трясущиеся руки. Что-то почти всегда выдавало страх. Но Филипп Крофт, похоже, вовсе не был испуган. Он, похоже… торжествовал.

– Ну?

– Мы хотим узнать о смерти Джейн Нил.

– Да, я об этом слышал. А я-то тут при чем?

– Мы думаем, что это сделал ты, Филипп.

– Я? С чего вы взяли?

– Ее кровь обнаружена на луке в вашем подвале. Вместе с отпечатками твоих пальцев. Ее кровь также нашли на твоей одежде.

– Да?

– На твоем велосипеде тоже кровь. Кровь мисс Нил.

У Филиппа был удовлетворенный взгляд.

– Я этого не делал.

– А как тогда ты объяснишь все это? – спросил Гамаш.

– А как это объясняете вы?

Гамаш сел:

– Тебе рассказать? Вот что, по-моему, случилось. В то воскресное утро ты рано ушел из дома. Почему-то решил взять с собой старый лук и стрелы и поехал в лес на велосипеде. Мы знаем, на том месте охотился твой дед. Он даже скрадок там построил на старом клене. Верно?

Филипп продолжал смотреть на него. Или сквозь него, как показалось Гамашу.

– А потом что-то случилось. Либо у тебя рука дрогнула и ты выстрелил случайно. Либо ты стрелял намеренно, думая, что перед тобой олень. В любом случае последствия были катастрофическими. Что случилось после, Филипп?

Гамаш ждал. Как и месье Гиметт. Но Филипп был само безразличие, он смотрел на них пустыми глазами, будто ему говорили о ком-то другом, а не о нем. Наконец он поднял брови и улыбнулся:

– Продолжайте. Это становится интересно. Значит, старушка окочурилась, а я должен посыпать себе голову пеплом от горя? Только не

забывайте, что меня там не было.

– А я забыл, – сказал Гамаш. – Тогда позволь мне продолжить. Ты умный парень. – (Тут Филипп нахмурился. Он явно не любил покровительственного к себе отношения.) – Мог бы сказать, что она уже была мертва. Ты принялся искать стрелу, нашел ее – отсюда и кровь на твоих руках и одежде. После этого ты вернулся домой, спрятал стрелу и лук в подвале. Но твоя мать заметила пятна на одежде и спросила, откуда они. Ты, вероятно, сочинил какую-то историю. Но она нашла в подвале стрелу с луком. А когда узнала о смерти Джейн Нил, то все поняла. Стрелу она сожгла, но лук не сумела – он слишком велик и не влезает в топку.

– Послушайте. Я знаю, что вы старый, поэтому повторю для вас еще раз. Медленно. Меня там не было. Я этого не делал. Comprends?[42]

– Тогда кто это сделал? – спросил Гиметт.

– Давайте подумаем, кто мог это сделать. Кто в этом доме умелый охотник?

– Ты хочешь сказать, что это твой отец убил мисс Нил? – спросил Гиметт.

– Вы что, оба идиоты? Конечно это он.

– А как насчет крови на твоем велосипеде? На твоей одежде? – ошеломленно спросил Гиметт.

– Слушайте, я вам скажу, что случилось. Вам, наверное, лучше записать.

Гамаш не шелохнулся, он продолжал спокойно смотреть на Филиппа.

– Мой отец пришел домой расстроенный. У него все перчатки были в крови. Я пошел посмотреть, не могу ли чем помочь. А он, как только меня увидел, тут же вцепился в мои руки, чтобы не упасть. Он дал мне окровавленную стрелу с луком и попросил спрятать в подвале. Тут у меня начали закрадываться подозрения.

– И что же ты начал подозревать? – спросил Гиметт.

– Мой отец после охоты всегда чистил оружие. Так что это наводило на размышления. И в пикапе у него не было убитого оленя. Ну, и тут мне стало ясно, что он кого-то убил.

Гиметт и Гамаш переглянулись.

– В подвале убираюсь я, – продолжал Филипп. – И потому, когда он попросил положить туда окровавленное оружие, я начал спрашивать себя, не подставляет ли он меня. Но все равно отнес все это в подвал. И тут он начал орать на меня: «Безмозглый мальчишка, убери свой долбаный велосипед с дороги». И я, не помыв руки, схватился за велосипед. Вот откуда там пятна крови.

– Покажи-ка мне свою левую руку, – сказал Гамаш.

– Я не советую тебе это делать, – предупредил мальчика Гиметт.

Филипп пожал плечами и засучил рукав, обнажив жуткий багровый синяк – копию того, что появился у Бовуара.

– Откуда он у тебя? – спросил Гамаш.

– Откуда синяки у большинства ребят?

– Ты упал? – подсказал Гиметт.

Филипп закатил глаза:

– А больше вам ничего в голову не приходит?

– Это сделал с тобой твой отец? – печально спросил Гиметт.

– Понятное дело.

– Нет. Он не мог это сделать. – Мэтью замолчал, словно из него вдруг вынули какой-то внутренний стержень.

Зато Сюзанна обрела голос. Они, вероятно, чего-то не поняли, ошиблись.

– Не мог Филипп это сказать!

– Мы знаем, что мы слышали, миссис Крофт. Филипп говорит, что отец бьет его и он из страха помог Мэтью скрыть следы преступления. Вот откуда на нем появились следы крови, вот откуда появились его отпечатки пальцев на луке. Он утверждает, что это его отец убил Джейн Нил.

Клод Гиметт объяснял это уже во второй раз и знал, что, возможно, придется сделать это еще в третий и в четвертый.

Изумленный Бовуар поймал взгляд Гамаша и увидел в нем то, что редко видел в глазах шефа. Гнев. Гамаш оторвал взгляд от Бовуара и посмотрел на Крофта. Мэтью слишком поздно понял свою ошибку. Ему казалось, то, что грозит уничтожить его дом и семью, надвигается издалека. И он даже не догадывался, что оно все время было в его доме.

– Он прав, – сказал Крофт. – Я убил Джейн Нил.

Гамаш закрыл глаза.

– Нет, Мэтью, прошу тебя. Нет. Не делай этого. – Сюзанна посмотрела на остальных и вцепилась в руку Гамаша. – Остановите его. Он лжет.

– Я думаю, она права, мистер Крофт. Я по-прежнему считаю, что это Филипп убил мисс Нил.

– Вы ошибаетесь. Это сделал я. Все было так, как сказал Филипп.

– Включая и побои?

Мэтью опустил глаза и ничего не сказал.

– Вы проедете с нами в полицейское отделение в Сен-Реми? – спросил Гамаш.

Бовуар, как и все остальные, отметил, что это просьба, а не приказ. И явно не напоминает арест.

– Да, – ответил Крофт почти что с облегчением.

– Я еду с тобой, – сказала Сюзанна, вскакивая со своего места.

– А как же Филипп? – спросил Клод Гиметт.

Сюзанна подавила готовый вырваться вопрос: «А что Филипп?» Вместо этого она два раза глубоко вдохнула.

Гамаш подошел к ней и мягко, спокойно проговорил:

– Ему всего четырнадцать, и хотя он пытается не показывать этого, но ему нужна мать.

Она неуверенно посмотрела на него и кивнула, боясь заговорить еще раз.

Гамаш знал, что не только страх имеет много обличий, но и мужество.

Гамаш, Бовуар и Крофт сидели в маленькой выбеленной комнате для допросов полицейского отделения в Сен-Реми. На металлическом столике между ними стояла тарелка сэндвичей с ветчиной и несколько банок лимонада. Крофт ни к чему не притронулся. Как и Гамаш. Бовуар был больше не в силах терпеть и медленно – словно это не его желудок производил тонкие жалобные всхлипы – взял половинку сэндвича и неторопливо вонзил в нее зубы.

– Скажите нам, что случилось в прошлое воскресенье утром, – сказал Гамаш.

– Я, как всегда, встал рано. По воскресеньям я даю Сюзанне отоспаться. Выложил в кухне завтрак для ребят и ушел. Поохотиться с луком.

– Вы нам сказали, что больше не охотитесь, – сказал Бовуар.

– Я солгал.

– А почему вы отправились в лес за школой?

– Не знаю. Наверное, потому, что мой отец всегда там охотился.

– Ваш отец курил сигареты без фильтра и владел молочной фермой. А вы – нет, – сказал Гамаш. – Вы доказали, что не раб отцовских привычек. Так что причина должна быть иной.

– Никакой другой нет. Был День благодарения, и я вспоминал отца. Я взял его старый рекурсивный лук и его старые стрелы и отправился на его старый охотничий участок. Чтобы почувствовать близость с ним. Все, точка.

– И что случилось?

– Услышал звук. Кто-то двигался между деревьев, как олень. Медленно

и осторожно. Чуть ли не на цыпочках. Именно так и ходят олени. И тогда я натянул лук и, как только увидел движение, выстрелил. С оленями нужно действовать без промедления: если спугнешь, он тут же убежит.

– Но оказалось, что это не олень.

– Да. Это была мисс Нил.

– Как она упала?

Крофт поднялся, раздвинул ноги, развел в стороны руки. Широко раскрыл глаза.

– Что вы сделали?

– Подбежал к ней. Но сразу же увидел, что она мертва. Ну, я и запаниковал. Принялся искать стрелу. Нашел. И побежал к машине. Бросил все в кузов и поехал домой.

– А что случилось потом?

Из опыта Бовуар знал, что допрос – это умение спросить «что случилось?», а потом слушать. Самое главное – уметь слушать.

– Не знаю.

– Что вы имеете в виду?

– Я не помню ничего, после того как сел в машину и поехал домой. Но разве этого мало? Я убил мисс Нил. Ничего другого вам и знать не нужно.

– Почему вы не пришли с повинной?

– Не думал, что вы дознаетесь. Понимаете, в лесу много охотников, я надеялся, что вы не выйдете на меня. А когда вы пришли, то не захотел уничтожать старый отцовский лук. Это для меня важно – память. Пока лук в доме, словно и отец еще жив. А когда я понял, что его нужно уничтожить, было уже слишком поздно.

– Вы бьете сына?

Крофт поморщился, как от боли, но ничего не ответил.

– Сегодня утром я сидел у вас в кухне и говорил, что в убийстве мисс Нил мы подозреваем Филиппа. – Гамаш наклонился вперед, так что его голова оказалась над сэндвичами, но глаза были устремлены только на Крофта. – Почему вы не признались тогда?

– Я был ошеломлен.

– Бросьте, мистер Крофт. Вы ждали нас. Вы знали, какими будут результаты экспертизы. А теперь вы хотите нас убедить, что готовы были позволить нам арестовать вашего сына за преступление, которое совершили сами? Не думаю, что вы на это способны.

– Вы и не представляете, на что я способен.

– Вероятно, да. Я хочу сказать: если вы способны избивать сына, то вы на все способны.

Крылья носа у Крофта затрепетали, губы сжались. Гамаш подумал, что если бы Крофт и в самом деле был склонен к насилию, то в этот момент вполне мог бы наброситься на него.

Они оставили Крофта в комнате.

– Что скажешь, Жан Ги? – спросил Гамаш, когда они оказались в уединении кабинета, принадлежащего начальнику отделения.

– Не знаю, что и подумать, сэр. Неужели Крофт сделал это? Филипп все довольно складно рассказал. Такое возможно.

– Мы не нашли ни капли крови Джейн Нил в его машине. Или в машине миссис Крофт. Его отпечатков пальцев нет нигде…

– Верно. Но Филипп сказал, что на нем были перчатки, – вставил Бовуар.

– В перчатках стрелять из лука невозможно.

– Он мог надеть их после выстрела, когда увидел, что сделал.

– Значит, ему хватило присутствия духа на то, чтобы надеть перчатки, но не на то, чтобы вызвать полицию и явиться с повинной. Нет. На бумаге это, может, и будет выглядеть убедительно, но не в жизни.

– Не согласен, сэр. Вы всегда учили меня, что невозможно узнать, что происходит за закрытыми дверями. Что на самом деле происходит в доме Крофтов? Да, Мэтью Крофт производит впечатление мыслящего и разумного человека, но сколько раз обнаруживалось, что именно так и выглядят вспыльчивые люди, склонные к насилию. Иначе и быть не может. Это их маска. Вполне возможно, что Мэтью Крофт очень даже склонен к насилию.

Бовуар чувствовал себя глупо, читая Гамашу лекцию о том, что сам узнал от него. Но он решил, что это стоит повторения.

– А как насчет собрания, на котором Крофт предоставил столько полезной информации? – спросил Гамаш.

– Самоуверенность. Он сам говорит – он не думал, что мы его вычислим.

– Извини, Жан Ги, но я этому не верю. Нет никаких физических улик против него. Одни лишь обвинения злобного подростка.

– Он его побил.

– У парня точно такой же синяк, как у тебя.

– Но парень стрелял и раньше. Крофт сказал, что такие травмы бывают только у новичков.

– Верно. Но еще Крофт сказал, что перестал охотиться года два назад, так что с тех пор он, наверное, не брал сына на охоту, – возразил Гамаш. – Это большой срок для мальчишки. Возможно, он забыл, как это делается.

Поверь мне, этот парень в последние два дня сделал один выстрел из лука.

Перед ними стоял вопрос, который не давал им покоя: что делать с Мэтью Крофтом.

– Я позвонил прокурору в Грэнби, – сказал Гамаш. – Они должны прислать кого-нибудь. Должен вот-вот подъехать. Пусть он и решает.

– Она.

Бовуар кивнул на стеклянную дверь, за которой терпеливо стояла женщина средних лет с портфелем в руке. Он поднялся и впустил ее в кабинет, в котором теперь стало тесно.

– Мэтр Брижит Коэн, – объявил Бовуар.

– Бонжур, мэтр Коэн. Уже почти час. Вы успели поесть?

– Только булочку перехватила по дороге. Я сочла это закуской.

Десять минут спустя они сидели в уютном ресторанчике напротив отделения и ждали, когда им принесут ланч. Бовуар вкратце изложил ситуацию мэтру Коэн. Она тут же ухватила самые существенные детали:

– Значит, тот, против кого свидетельствуют все улики, не сознается, а тот, против кого нет ни одной, все берет на себя. На первый взгляд отец берет на себя вину сына. Но поначалу он вроде был готов к тому, что обвинение предъявят сыну.

– Верно.

– Что же заставило его передумать?

– Полагаю, он был поражен и глубоко ранен обвинениями в его адрес со стороны сына. Видимо, он и представить такого не мог. Конечно, наверняка трудно сказать, но у меня такое ощущение, что прежде это была счастливая семья, а недавно все стало разваливаться. Познакомившись с Филиппом, я предполагаю, что причиной бед стал именно он. Я уже сталкивался с такими вещами. Злобный подросток начинает заправлять в доме, потому что родители его боятся.

– Да, я тоже с этим сталкивалась. Но вы не имеете в виду физический страх? – спросила Коэн.

– Нет, эмоциональный. Крофт пошел на признание, потому что ему невыносимо то, что Филипп, вероятно, думает о нем. Это был отчаянный, даже немного безумный поступок с намерением вернуть себе сына. Доказать Филиппу, что отец любит его. И еще был элемент… чего? – Гамаш представил себе лицо Крофта, сидящего напротив него за кухонным столом. – Это нечто вроде самоубийства. Смирение. Я думаю, ему была нестерпима мысль о том, что сын свалил это убийство на него, и поэтому он сдался.

Гамаш посмотрел на своих собеседников и улыбнулся:

– Это все, конечно, гипотезы. Такое у меня сложилось впечатление. Этот сильный человек в конце концов сдался и поднял руки. Он признается в преступлении, которого не совершал. Но таков уж Мэтью Крофт. Он сильный человек. Человек с убеждениями. Я надеюсь, что довольно скоро он начнет жалеть об этом. Судя по тому, что я видел, Филипп очень злобный подросток и приучил свою семью не раздражать его.

Гамаш вспомнил пальцы Крофта на ручке двери, ведущей в комнату сына. Сначала он вроде бы хотел ее открыть, но потом передумал. Гамаш предположил, что Филипп устраивал отцу скандалы, когда тот без разрешения открывал дверь в его комнату, и Крофт хорошо выучил этот урок.

– Но откуда у парня столько злости? – спросил Бовуар.

– Откуда злость у четырнадцатилетних ребят? – возразила Коэн.

– Есть обычная злость, а есть злость, которая распространяется на всех вокруг. Как кислота.

Бовуар рассказал ей о том, как мальчишки закидывали утиным пометом Оливье и Габри.

– Я не психолог, но у меня такое ощущение, что этому парнишке нужна помощь.

– Согласен, – сказал Гамаш. – Но Бовуар задал хороший вопрос. Откуда у парня такая злость? Из-за того, что с ним плохо обращались?

– Возможно, с ним и в самом деле плохо обращались. Однако обычно незаслуженно обиженный ребенок ведет себя хорошо по отношению к обидчику и начинает нападать на другого родителя. А Филипп, кажется, возненавидел обоих, но в первую очередь отца. Это не соответствует стереотипу поведения, но я уверена, таких случаев много. Я лично выступала обвинителем в делах, когда обиженные дети убивали обидчиков-родителей. В конечном счете происходит какой-то поворот. Хотя это не обязательно поворот к убийству.

– Может быть, его унижал кто-то другой, а он вымещал свою злость на других? – предположил Гамаш, вспомнив замечание Клары о Бернаре Маленфане.

Она ведь даже сказала, что Филипп мог бы сознаться в убийстве, лишь бы не подвергаться избиению со стороны Бернара. Он поделился этой мыслью с Коэн.

– Это возможно. Мы начинаем понимать, насколько разрушительными могут быть хулиганы и хулиганство. Если Филипп стал жертвой хулиганства, это наверняка вызвало у него чувство озлобленности, бессилия, беспомощности. И поэтому он стал тираном в собственном доме.

Это знакомая и часто повторяющаяся ситуация. Обиженный становится обидчиком. Но наверняка мы не знаем.

– Это верно. Не знаем. Однако я точно знаю, что против Крофта нет ни одной улики.

– Но у нас есть его признание.

– Признание человека, который не совсем в своем уме. Этого недостаточно. У нас должны быть улики. Иногда наша задача состоит в том, чтобы спасать людей от них самих.

– Что скажете, инспектор Бовуар?

Этот вопрос поставил Бовуара в ситуацию, в которой он не хотел находиться.

– Я думаю, у нас есть основания серьезно рассматривать вероятность уголовного преследования Мэтью Крофта в деле об убийстве Джейн Нил.

Произнося эти слова, Бовуар смотрел на Гамаша. Гамаш кивал.

– У нас есть свидетельские показания Филиппа, – продолжал Бовуар, – которые совпадают со всеми уликами, и у нас есть убедительное побочное свидетельство в пользу того, что Джейн Нил пала от рук умелого лучника, каковым Филипп не является. Крофт точно описал сцену убийства, даже показал нам, как лежала убитая. И он знал про оленью тропку. Всего этого в сочетании с признанием Крофта достаточно для предъявления ему обвинения.

Мэтр Коэн набрала на вилку салат:

– Я просмотрю ваши отчеты и дам ответ сегодня днем.

По пути назад в отделение Бовуар попытался извиниться перед Гамашем за то, что возражал ему.

– Ну-ну, я вовсе не нуждаюсь в покровительстве, – рассмеялся Гамаш, обняв Бовуара за плечи. – Я рад, что ты высказался. Мне обидно, что ты был слишком убедителен. Скорее всего, мэтр Коэн согласится с тобой.

Гамаш был прав. Коэн позвонила из Грэнби в полчетвертого и потребовала, чтобы Гамаш арестовал Крофта по обвинению в неумышленном убийстве, воспрепятствовании следствию и уничтожении вещественных доказательств.

– Господи Иисусе, она и вправду на него напустилась, – сказал Бовуар.

Гамаш кивнул и попросил оставить его на несколько минут одного в кабинете начальника отделения. Удивленный Бовуар вышел. Арман Гамаш позвонил Рейн-Мари, а затем своему боссу, суперинтенданту Бребёфу.

– Да брось, Арман, ты шутишь.

– Нет, суперинтендант. Я серьезно. Я не буду арестовывать Мэтью Крофта.

– Ты не вправе принимать это решение. Не мне тебе рассказывать, как работает система. Мы расследуем и находим улики, вручаем их прокурорам, а они решают, кому предъявить обвинение. Дело ушло из твоих рук. Тебе были даны указания, так исполняй их, ради бога.

– Мэтью Крофт не убивал Джейн Нил. Нет никаких свидетельств в пользу такой гипотезы. Мы имеем обвинения в его адрес со стороны сына, который, вероятно, психически неуравновешен. И еще собственные признания Крофта.

– И что тебе еще нужно?

– Когда ты расследовал те серийные убийства в Броссаре, разве ты арестовывал всех, кто признавался?

– То дело другое, и ты это знаешь.

– Я не знаю, суперинтендант. Те, кто признавались, были запутавшиеся люди, которые действовали по каким-то собственным неясным мотивам. Верно?

– Верно.

Голос Мишеля Бребёфа звучал настороженно. Он не любил спорить с Гамашем, и не только потому, что они были друзьями. Гамаш был человеком вдумчивым и, как знал Бребёф, человеком убежденным. Но он не всегда бывает прав, сказал себе Бребёф.

– Признания Крофта ничтожны. Я думаю, он выбрал себе такое наказание. Он запутался, он уязвлен.

– Бедное дитя.

– Я же не говорю, что это благородно или привлекательно. Но это по-человечески. И мы не должны идти у него на поводу только потому, что он напрашивается на наказание.

– Ну ты и лицемерный мерзавец! Рассказываешь мне о роли полиции в нравственном воспитании общества. Я и без тебя прекрасно знаю, в чем состоит наша работа. Ты хочешь одновременно быть полицейским, судьей и жюри присяжных. Если Крофт невиновен, то его выпустят. Доверься системе, Арман.

– Он даже не дотянет до процесса, если продолжит эти свои смехотворные признания. И даже если его в конечном счете освободят, если его все же освободят, то мы с тобой прекрасно знаем, что происходит с людьми, арестованными за преступление. В особенности за убийство. На них остается пятно на всю жизнь, виновны они или нет. Мы нанесем Мэтью Крофту рану, которая не заживет до конца его дней.

– Ты ошибаешься. Он сам себе наносит эту рану.

– Нет. Он вынуждает нас сделать это. Подстрекает. Но нам

необязательно на это реагировать. Вот что говорю я. Полиция, как и правительство, должна быть выше этого. Если нас провоцируют, это еще не значит, что мы должны действовать.

– Ну и что ты мне хочешь этим сказать, старший инспектор? Что с этого дня ты будешь арестовывать людей, только если будешь уверен в приговоре? Ты и раньше арестовывал невинных людей. В прошлом году – вспомни дело Канье. Ты арестовал дядюшку, а выяснилось, что виноват племянник.

– Да, я ошибался. Но я верил, что виноват дядюшка. Это была ошибка. Совсем другое дело. А тут будет заведомо несправедливый арест человека, в чьей невиновности я убежден. Я не могу это сделать.

Бребёф вздохнул. Он с первой минуты этого разговора знал, что Гамаш не передумает. Но он должен был попробовать. Вот ведь тип!

– Ты понимаешь, к чему ты вынуждаешь меня?

– Понимаю. И готов к этому.

– Значит, в наказание за неподчинение ты пройдешь по управлению полиции в форме сержанта Лакруа.

Мэ Лакруа была дежурным сержантом необъятных размеров, она верховодила за столом при входе в управление, как Будда, сбившийся с пути истинного. В довершение всего она носила форменную юбку на несколько размеров меньше, чем требовалось.

Гамаш рассмеялся, представив себе эту картинку.

– Договорились, Мишель. Но только ты должен будешь снять с нее эту форму. И тогда я ее надену.

– Не волнуйся. Видимо, мне придется отстранить тебя от расследования.

Мишель Бребёф как-то раз уже едва не сделал это после дела Арно. Начальство приказало ему отстранить Гамаша – и тоже за неподчинение. Это дело чуть не поставило точку в карьерах суперинтенданта и старшего инспектора. По мнению Бребёфа, Гамаш и тогда был не прав. Ему и нужно-то было всего лишь промолчать, его начальство вовсе не предлагало выпустить преступников на свободу. Напротив. Но Гамаш пошел против начальства. И теперь Бребёф спрашивал себя, уж не считает ли Гамаш, что дело Арно все еще продолжается.

Бребёф не думал, что Гамаш способен на такое.

– Ты отстранен с этого момента на срок в одну неделю без сохранения содержания. Дисциплинарные слушания пройдут через неделю. Приходи не в юбке.

– Спасибо за подсказку.

– D’accord. Дай мне Бовуара.

Чтобы ошеломить Бовуара, нужно было приложить немало усилий, но его разговор с суперинтендантом именно этим и закончился. Гамаш относился к Бовуару как к сыну, однако его подчиненный никогда не демонстрировал ему своих чувств, разве что уважение младшего к старшему. Этого было достаточно. Но теперь Гамаш видел глубину страданий Бовуара, который был вынужден наконец проявить свои чувства. И это стало подарком Гамашу. Теперь он знал, что он не просто начальник для Бовуара.

– Это правда?

Гамаш кивнул.

– И это моя вина? Все из-за моих дурацких возражений. Какой я идиот! И почему я не держал язык за зубами?

Бовуар расхаживал по маленькому кабинету, как леопард по клетке.

– Дело не в тебе. Ты правильно поступил. Ничего другого ты и не мог. Как и я. Как и суперинтендант Бребёф, если уж на то пошло.

– Я думал, он ваш друг.

– Он и в самом деле мой друг. Слушай, ты не переживай. Я когда звонил суперинтенданту, знал, что он это сделает. Перед этим я поговорил с Рейн-Мари, посоветовался с ней.

Бовуара слегка уязвило то, что старший инспектор посоветовался не с ним, а с женой. Он знал, что это глупо с его стороны, но чувства редко основываются на логике. Поэтому-то он и старался их избегать.

– И когда она сказала: «Звони ему», я сделал это с чистой совестью. Я не могу арестовать Мэтью Крофта.

– Если не можете вы, то не могу и я. Я не буду делать за Бребёфа его грязную работу.

– Он не Бребёф, а суперинтендант Бребёф, и это твой долг. Что там я слышал сегодня утром? Неужели всякую чушь в духе адвоката дьявола? Ты знаешь, как я это не люблю. Нужно говорить то, что думаешь, а не изображать всякие затейливые игры разума. Неужели так все и было? Неужели ты противоречил только из чувства противоречия, играл в эту пустую интеллектуальную игру для взрослых?

– Нет, все было не так. Я верю, что это сделал Мэтью Крофт.

– Тогда арестуй его.

– Это еще не все. – Бовуар посмотрел на Гамаша совсем несчастными глазами. – Суперинтендант Бребёф приказал мне забрать у вас значок и пистолет.

Это потрясло Гамаша. Если бы он продумал ситуацию во всех

подробностях, то не был бы так удивлен, но подобного развития событий он не предвидел. Он почувствовал боль под сердцем. Его самого поразила острота собственной реакции. Он должен разобраться, почему так реагирует, и, к счастью, у него будет для этого достаточно времени по пути домой.

Гамаш взял себя в руки, вытащил из кармана значок и удостоверение, отстегнул кобуру с ремня.

– Извините, – прошептал Бовуар.

Гамаш быстро взял себя в руки, но все же его чувства не ускользнули от Бовуара. Принимая все это от старшего инспектора, Бовуар вспомнил одну из многих истин, которым он научился у Гамаша. Матфей, 10: 36.

Похороны Джейн Нил, старой девы из деревни Три Сосны округа Сен-Реми провинции Квебек, состоялись два дня спустя. Звук колоколов церкви Святой Марии разносился на много миль по долинам и ощущался глубоко в земле, где обитали существа, которых не было бы, не живи на свете Джейн Нил и не будь она тем, кем была.

И теперь люди собрались, чтобы попрощаться с ней. Приехал из Монреаля и Арман Гамаш. Он был рад возможности прервать свою вынужденную бездеятельность. Он протиснулся через толпу перед церковью и очутился внутри, где царил полумрак. Гамашу церковный полумрак всегда казался парадоксом. Его глазам после солнечного света потребовалась минута-другая, чтобы приспособиться. Но даже по прошествии этих минут Гамашу всегда было не по себе в церквях, которые представляли собой либо великолепную гулкую дань не столько Господу Богу, сколько богатству и привилегированности местного сообщества, либо же аскетическую, строгую дань самоограничению и фанатизму.

Гамашу нравились в церквях музыка, красота языка и спокойствие. Но близость к Господу он больше ощущал в своем «вольво». Он увидел Бовуара, помахал и протиснулся к нему.

– Я надеялся, что вы приедете, – сказал Бовуар. – Вам будет интересно узнать, что мы арестовали все семейство Крофтов и всех их домашних животных.

– Ты нашел способ подстраховаться.

– В самую точку, шеф.

Гамаш не видел Бовуара со дня своего отъезда во вторник, но они несколько раз говорили по телефону. Бовуар хотел держать Гамаша в курсе, а Гамаш хотел заверить Бовуара, что ничуть на него не обижен.

Йоланда на нетвердых ногах проследовала за гробом, когда его внесли

в церковь. Рядом с ней шел худющий и склизкий Андре, а следом тащился Бернар, стрелявший глазами по сторонам, словно в поисках следующей жертвы.

Гамаш глубоко сочувствовал Йоланде. Но не за боль, которую она ощущала, а за то, что она не ощущает боли. Он молча молился о том, чтобы для нее настал день, когда ей не нужно будет изображать эмоции (кроме раздражения, которое всегда было при ней), когда она научится действительно переживать. Все лица в церкви были печальны, но Йоланда являла собой самую скорбную фигуру. И определенно самую жалкую.

Служба была короткой и безликой. Священник явно не был знаком с Джейн Нил. Ни один из членов семьи не сказал ни слова, кроме Андре, который прочел прекрасный отрывок из Библии, сделав это с меньшим энтузиазмом, чем если бы он зачитывал телевизионную программку. Служба от начала до конца прошла на французском, хотя сама Джейн была англоязычной. Служба от начала до конца была католической, хотя сама Джейн принадлежала к англиканской церкви. После церкви Йоланда, Андре и Бернар отправились на кладбище – как было объявлено, «на захоронении будут присутствовать только члены семьи», хотя настоящей семьей Джейн были ее друзья.

– Сегодня по-настоящему холодно, – сказала Клара Морроу, которая вдруг появилась рядом с Гамашем. Глаза у нее были заплаканные. – Тыквы ночью замерзнут. – Она попыталась улыбнуться. – У нас в воскресенье в Святом Томасе будет поминальная служба по Джейн. Как раз через неделю после ее смерти. Мы и вас ждем, если вы не против.

Гамаш был не против. Он огляделся, понимая вдруг, что привязался и к этому месту, и к этим людям. Жаль, что один из них – убийца.

Глава десятая

Поминальная служба по Джейн Нил была короткой и доброй, а будь она еще и пышной, то являла бы собой точную копию покойной. И вообще, служба, по существу, представляла собой выступления друзей Джейн, которые вставали один за другим и говорили про нее, говорили по-английски и по-французски. Служба была простой, а ее послание – ясным. Ее смерть была всего лишь мгновением в долгой и полной жизни. Она провела с ними столько лет, сколько и было предназначено свыше. Ни минутой дольше, ни мгновением меньше. Джейн Нил знала, что, когда придет ее час, Господь не станет спрашивать у нее, в скольких комитетах она заседала, или сколько денег заработала, или сколько призов получила. Нет, Он спросит у нее, скольким душам она помогла. И у Джейн был на это ответ.

В конце службы поднялась Рут и спела слабым неуверенным альтом «Что нам делать с пьяным моряком?». Она начала петь эту моряцкую песенку медленно, на манер панихиды, но постепенно ускоряла темп. К Рут присоединился Габри, потом Бен, а в конце пела уже вся церковь, прихлопывая, раскачиваясь и задавая этот музыкальный вопрос: «Что нам делать с пьяным моряком рррано-рррано утром?»

После службы в подвале церкви женщины Общества англиканского вероисповедания накрыли столы, подали запеканку, свежие яблочные и тыквенные пироги, что сопровождалось моряцкой песней, которую тихонько подхватывали за столом то здесь, то там.

– Почему «Пьяный моряк»? – спросил Арман Гамаш, подойдя к Рут, стоявшей у столика с едой.

– Это одна из любимых песен Джейн, – сказала Рут. – Она всегда ее напевала.

– Вы напевали ее в тот день в лесу, – напомнил Гамаш Кларе.

– Это отпугивает медведей. А Джейн узнала эту песню в школе? – спросила Клара у Рут.

В разговор вмешался Оливье:

– Она сказала мне, что выучила эту песню для школы. Чтобы потом научить детей. Верно, Рут?

– Она преподавала все предметы, но поскольку не умела петь или играть на пианино, то не знала, что ей делать на музыкальных уроках. Это было, когда она только начинала, пятьдесят лет назад. И тогда я научила ее

этой песне.

– Не могу сказать, что меня это удивляет, – пробормотала Мирна.

– Это была единственная песня, которой она обучала школьников, – вставил Бен.

– Да, наверное, на ваши рождественские процессии было любопытно посмотреть, – сказал Гамаш, представив себе деву Марию, Иосифа, младенца Иисуса и трех пьяных моряков.

– Это точно, – рассмеялся Бен. – Мы пели разные рождественские песни, но все на мотив «Пьяного моряка». Нужно было видеть выражение лиц родителей, когда на рождественском концерте мисс Нил объявляла «Ночь тиха» и мы начинали петь… – И Бен запел «Ночь тиха, священна ночь, всё, что грех, уходит прочь», но на мотив моряцкой песенки.

Остальные рассмеялись и стали ему подпевать.

– Мне до сих пор трудно правильно петь рождественские песенки, – сказал Бен.

Клара увидела Нелли и Уэйна и помахала им. Нелли оставила Уэйна и по прямой направилась к Бену. Она не успела пройти и полпути, а уже начала говорить:

– Мистер Хадли, я надеялась, что увижу вас здесь. Собираюсь делать у вас уборку на следующей неделе. Вторник вас устроит? – Потом она повернулась к Кларе и сказала шепотком, будто это была государственная тайна: – Я не убиралась там с самой смерти мисс Нил – с Уэйном было неважно.

– А как он теперь? – спросила Клара, вспомнив кашель и кряхтенье Уэйна во время собрания несколькими днями ранее.

– Теперь он начал жаловаться, а это означает, что с ним все в порядке. Так что, мистер Хадли? На весь день не смогу, вы знаете.

– Вторник меня устраивает. – Когда Нелли занялась своим наиболее насущным делом, а оно состояло в поедании всего, что было на столике, Бен обратился к Кларе: – Весь дом зарос грязью. Ты не можешь себе представить, сколько грязи от старого холостяка и собаки.

Очередь к столу с едой ползла потихоньку вперед, и Гамаш заговорил с Рут:

– Я был у нотариуса, выяснял, что там с завещанием мисс Нил, и он упомянул ваше имя. Когда он сказал «урожденная Кемп», у меня в мозгу что-то щелкнуло, но я не понял что.

– Ну и как же вы вычислили? – спросила Рут.

– Мне сказала Клара Морроу.

– Умный мальчик. И таким образом вы догадались, кто я.

– Ну, мне и после этого понадобилось еще какое-то время, но в конце концов я догадался. – Гамаш улыбнулся. – Я очень люблю вашу поэзию.

Гамаш хотел процитировать строки одного из любимых его стихотворений, чувствуя себя как прыщавый подросток, столкнувшийся со звездой экрана, но Рут отступила, пытаясь спастись от магии собственных прекрасных слов, готовых хлынуть на нее.

– Извините, что прерываю, – сказала Клара двум людям, которые явно были до безумия рады видеть ее. – Но вы, кажется, сказали «он»?

– Он? – повторил Гамаш.

– Он. Нотариус.

– Да, мэтр Стикли в Уильямсбурге. Он был нотариусом мисс Нил.

– Вы уверены? Мне казалось, она ездила к нотариусу, у которой только что родился ребенок. Как ее… Соланж… фамилию не помню.

– Соланж Френетт? Из фитнес-класса? – спросила Мирна.

– Да-да. Джейн говорила, что они с Тиммер ездили к этой самой Френетт по поводу завещания.

Гамаш замер, уставившись на Клару:

– Вы уверены?

– Если честно, то не очень. Я вроде запомнила, как Джейн говорила об этом, потому что спросила у нее, как себя чувствует Соланж. Соланж тогда была на третьем месяце. Тошнота по утрам и все такое. Теперь у нее ребеночек уже родился, и она пока в отпуске.

– Я прошу кого-нибудь из вас срочно связаться с мэтром Френетт.

– Я свяжусь, – сказала Клара, которой вдруг захотелось бросить все и нестись домой, чтобы позвонить. Но сначала нужно было сделать кое-что еще.

Обряд был простой, устоявшийся за многие годы. Возглавляла его Мирна, которая «заземлилась», съев полный ланч из запеканки и хлеба. Она объяснила Кларе, что перед обрядом очень важно почувствовать «заземление». Глядя на свою тарелку, Клара подумала, что шансы взлететь у нее минимальны. Она обвела взглядом двадцать или чуть больше собравшихся на деревенском лугу женщин, многим из которых было явно не по себе. Женщины с ферм образовали свободный полукруг шерстяных свитеров, рукавичек и шапочек, и все смотрели на эту громадную черную женщину в ярко-зеленой шапочке. Веселый зеленый друид.

Клара чувствовала себя абсолютно в своей тарелке. Стоя в группе, она закрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула и помолилась о том, чтобы ей была дарована благодать избавления от гнева и страха, которые, словно

черный траурный креп, застилали ее взгляд. Обряд был призван покончить со всем этим, обратить тьму в свет, уничтожить ненависть и страх и призвать доверие и тепло.

– Это обряд праздника и очищения, – объяснила Мирна собравшимся. – Корни его уходят в глубину тысячелетий, но ветви проросли до нашего дня и обнимают каждого, кто этого желает. Если у кого есть вопросы – задавайте.

Вопросов ни у кого не было. У Мирны в сумке было кое-что, и теперь она вытащила оттуда палочку. Вообще, это скорее была толстая прямая ветка, очищенная от коры и заточенная с одной стороны.

– Это молельная палочка. Может быть, кому-то из вас она знакома. – Она замолчала, и наконец раздался чей-то смешок.

– Это не бобровая палочка? – спросила Ханна Парра.

– Именно, – рассмеялась Мирна.

Она пустила палочку по кругу – и лед был сломлен. Женщины, которые прежде поглядывали с опаской, даже с испугом, думая, что столкнутся с колдовством, оттаяли, поняв, что бояться им нечего.

– Я нашла ее у пруда, что рядом с мельницей. Как видите, ее обгрызли бобры.

Любопытные руки брали палочку, рассматривали отметины от зубов, кончик, заточенный теми же зубами, как острие копья.

Клара успела сходить домой и привести Люси, которая теперь спокойно стояла рядом с ней на поводке. Когда молельная палочка вернулась к Мирне, она предложила ее золотистому ретриверу. В первый раз за неделю после смерти Джейн Клара увидела, как Люси махнула хвостом. Один раз. Потом взяла палочку в зубы и замерла. Еще раз неуверенно вильнула хвостом.

Гамаш сидел на скамье посреди луга. Он называл ее «моя скамья» с того утра, когда встречал здесь рассвет. Теперь и его, и скамью грели солнечные лучи – здесь было на несколько драгоценных градусов теплее, чем в тени. И тем не менее выдыхаемый им воздух обращался на морозце в белое облачко. Он наблюдал за женщинами, которые вытянулись в линию. Впереди встала Мирна, за ней – Клара с собакой. Так они обошли весь луг.

– Самое время для бабьего лета, – сказал Бен, усевшись на скамью с таким видом, будто все его кости растворились. – Солнце опускается все ниже.

– Н-да, – согласился Гамаш. – И часто они это проделывают? – Он кивнул на процессию женщин.

– Раза два в год. Я был на последнем обряде. Ничего не понял. – Бен отрицательно покачал головой.

– Может быть, мы бы поняли, если бы они тут время от времени устраивали матч в регби, – сказал Гамаш, который, в общем-то, понимал, что происходит.

Двое мужчин сидели в дружеском молчании, наблюдая за женщинами.

– Давно вы ее любите? – спросил Гамаш, не глядя на Бена.

Бен повернулся на месте и, ошеломленный, уставился на профиль Гамаша:

– Кого?

– Клару. Вы ее давно любите?

Бен глубоко вздохнул, словно человек, который всю жизнь ждал, когда можно будет выдохнуть.

– Мы с ней учились в художественной школе, хотя мы с Питером были на два курса старше Клары. Он в нее сразу же влюбился.

– А вы?

– Мне понадобилось чуть больше времени. Я думаю, я осторожнее Питера. Мне труднее открываться людям. Но Клара – она другая, правда? – Он смотрел на нее с улыбкой на лице.

Мирна подожгла пучок шалфея Джейн, и тот начал дымиться. Обходя луг, женщины останавливались в четырех точках – на севере, юге, западе, востоке. На каждой остановке Мирна давала дымящийся пучок новой женщине, и та ладонью отгоняла сладкий дымок в сторону домов.

Мирна объяснила, что это называется «окуривание». Так изгоняют злых духов и освобождают место для добрых. Гамаш глубоко вздохнул, ощутил ароматную смесь дыма и шалфея. Дым и шалфей, древние, утешительные.

– Неужели это так бросается в глаза? – встревоженно спросил Бен. – Да, я когда-то мечтал о том, что мы соединимся, но то было давно. Я бы никогда не смог так поступить с Питером.

– Нет, это не бросается в глаза.

Бен и Гамаш проводили взглядом женщин, которые прошли по рю Дю-Мулен и скрылись в лесу.

В лесу было холодно и темно, под ногами и на деревьях были мертвые листья, и воздух тоже наполнялся ими: сорванные ветром, они медленно опускались на землю. Приподнятое настроение женщин сменилось беспокойством. Над веселым собранием повисла тень. Даже Мирна казалась подавленной, на ее улыбающемся, дружеском лице появилось

настороженное выражение.

Лес кряхтел. Сотрясался. Кленовые листья дрожали на ветру.

Кларе хотелось уйти. Ей не нравилось это место.

Люси начала рычать, издавая протяжный низкий предупреждающий звук. Шерсть у нее на загривке поднялась, собака медленно опустилась на землю, мышцы напряглись, словно в готовности к прыжку.

– Мы должны встать в круг, – сказала Мирна небрежным тоном.

На самом деле она оглядывала собравшихся, пытаясь сообразить, кого она сможет опередить, если все пустятся наутек. Или она будет среди отставших? Черт бы подрал эту заземляющую запеканку!

Женщины построились маленьким тесным кружком и взялись за руки. Мирна подняла молельную палочку, которую выронила Люси, и вдавила поглубже в землю. Клара почти ожидала, что земля вот-вот взорвется лаем.

– Я принесла эти ленты. – Мирна открыла сумочку, в ней лежал пук переплетшихся разноцветных лент. – Мы просили вас всех принести что-нибудь, что напоминало бы о Джейн.

Мирна достала из кармана крохотную книжицу, потом, покопавшись в сумочке, вытащила оттуда темно-красную ленту. Сначала она обвязала лентой книжицу, а другой конец ленты привязала к палочке.

– Это тебе, Джейн, в благодарность за то, что ты разделяла со мной любовь к письменному слову. Благослови тебя Господь.

Несколько секунд Мирна постояла над палочкой, склонив свою большую голову, потом отошла в сторону и улыбнулась – впервые с того момента, как они оказались в этом месте.

Женщины одна за другой брали ленточки, привязывали к ним то, что принесли с собой, и произносили несколько слов. Некоторые разборчиво, другие – так, чтобы никто не слышал. Некоторые читали молитвы, кто-то объяснял, почему этот предмет связан с Джейн. Ханна привязала старую виниловую пластинку на семьдесят восемь оборотов, Рут – выцветшую фотографию, Сара – ложку, а Нелли – туфельку. Клара вытащила из волос заколку в виде уточки, обвязала ее желтой ленточкой и тоже прикрепила к молельной палочке, которая теперь обрела праздничный вид.

– Это за то, что ты научила меня лучше видеть, – сказала Клара. – Я люблю тебя, Джейн.

Она подняла голову и увидела скрадок, застывший наверху над ними. Скрадок. «Странно, – подумала Клара, – вот скрадок, а ничего не скрыто».

И ей пришла в голову одна мысль. Вдохновение.

– Спасибо, Джейн, – прошептала она и впервые за неделю почувствовала объятие старых рук подруги.

Прежде чем уйти, Клара вытащила из кармана банан и привязала его к палочке для Люси. Но она должна была добавить еще один предмет. Из другого кармана она достала игральную карту. Королеву червей. Привязывая ее к молельной палочке, Клара подумала о Йоланде и о том замечательном подарке, который был ей предложен в детстве, а потом либо забыт, либо отринут. Клара посмотрела на рисунок на карте королевы червей, запоминая его. Она знала, что волшебство не в том, что карта останется неизменной, а в том, что она переменится.

К концу обряда на молельной палочке было множество разноцветных ленточек с разнообразными дарами. Ветер трепал ленточки с подарками вокруг палочки, подарки позвякивали, стукались друг о дружку – настоящая симфония звуков.

Женщины переглянулись и поняли, что их кружок больше не связан страхом, теперь он свободен и открыт. А в центре, на том месте, где в последний раз Джейн была живой, а потом лежала мертвой, множество предметов наигрывали и напевали хвалу женщине, которая была окружена такой любовью.

Клара позволила своему взгляду, свободному от страха, скользнуть по ленточкам, трепещущим на ветру. Она обратила внимание на предмет, привязанный к одной из ленточек. Потом поняла, что этот предмет вовсе не был привязан к ленточке. Он торчал из дерева.

Высоко в стволе одного из кленов она увидела стрелу.

Гамаш как раз садился в машину, собираясь возвращаться в Монреаль, когда из леса выбежала Клара Морроу и помчалась к нему по Дю-Мулен так, словно за ней гнались демоны. Какое-то безумное мгновение Гамаш думал, что обряд породил нечто такое, чего лучше не трогать. В каком-то смысле так оно и было. Женщины и их обряд породили стрелу – ту самую вещь, которую кто-то ни в коем случае не хотел извлекать на свет божий.

Гамаш тут же позвонил Бовуару в Монреаль, а потом последовал в лес за Кларой. Он почти неделю не был там и поразился произошедшим переменам. Сильнее всего изменились деревья. Если неделю назад они были яркими и выразительными благодаря своим разноцветным листьям, то теперь бо́льшая часть листьев опала, на ветках оставалось гораздо меньше, чем лежало на земле. И поэтому стала видна стрела. Когда он стоял здесь неделю назад, стрелу эту никоим образом нельзя было увидеть. Она была скрыта листвой. Но теперь она стала видна.

Другим изменением была палка в земле с пляшущими вокруг нее ленточками. Он понял, что это каким-то образом связано с обрядом. Либо

Бовуар без его присмотра очень быстро съехал с катушек. Гамаш подошел к молельной палочке – она произвела на него впечатление своей яркостью. Он остановился взглядом на некоторых предметах, включая и старую фотографию молодой женщины, пухленькой и близорукой, рядом с которой стоял грубоватый красивый лесоруб. Они держались за руки и улыбались. За ними стояла стройная молодая женщина и смотрела в камеру. На лице ее застыла гримаса горечи.

– Ну и что? Ну, стрела. – Мэтью Крофт перевел взгляд с Бовуара на Гамаша. Они находились в камере Уильямсбургской тюрьмы. – У вас их целых пять штук. И что такого в этой?

– Эта была найдена в стволе клена на высоте двадцати пяти футов три часа назад. На том месте, где была убита Джейн Нил. Эта стрела из наследства вашего отца?

Крофт осмотрел стрелу, четырехлезвийный наконечник и, наконец, критическим взглядом – оперение. Он глубоко вздохнул и тяжело опустился на край кушетки.

– Да, – прошептал он вместе с выдохом; перед глазами у него все плыло. – Это отцовская стрела. Вы сами убедитесь, когда сравните ее с другими из колчана. Но я вам это и сейчас говорю. Мой отец сам делал оперение, у него было такое хобби. Однако он не очень утруждал себя – все его стрелы одинаковы. Найдя один раз то, что его устраивало, он не видел никакой нужды в переменах.

– Это хорошая черта, – заметил Гамаш.

– А теперь вы должны о многом нам рассказать, – сказал Бовуар, садясь на кушетку напротив Крофта.

– Мне нужно подумать.

– Думать тут не о чем, – отрезал Гамаш. – Эту стрелу выпустил ваш сын, так?

Мысли Крофта метались. Он настолько прикипел к своей легенде, что теперь ему было трудно от нее отказаться даже перед лицом очевидной ее несостоятельности.

– А если эту стрелу выпустил он и она застряла в стволе дерева, – продолжил Гамаш, – то он не мог убить Джейн Нил. Он в этом не виноват. Как не виноваты и вы. Эта стрела доказывает, что ее убил кто-то другой. Теперь вы должны сказать нам правду.

Но Крофт все еще медлил, боялся ловушки, боялся расставаться со своей историей.

– Мы ждем, мистер Крофт, – сказал Гамаш голосом, не допускающим

возражений.

Крофт кивнул. Он был слишком ошарашен, чтобы сразу же почувствовать облегчение.

– Ну хорошо. Дело было вот как. У нас с Филиппом вечером перед этим случилась размолвка. Из-за какой-то глупости. Я теперь даже не помню из-за чего. На следующее утро, когда я поднялся, Филиппа уже не было. Я испугался, что он убежал, но он около четверти восьмого прикатил на своем велосипеде. Я решил не торопить события, думал, пусть лучше он сам подойдет ко мне. Это была моя ошибка. Позднее я узнал, что он прямо пошел в подвал с луком и стрелами, потом принял душ и переоделся. Ко мне он так и не приходил – весь день оставался у себя в комнате. Это не было чем-то необычным. Потом Сюзанна стала вести себя как-то очень странно.

– А когда вы узнали про мисс Нил? – спросил Бовуар.

– Тем же вечером. Неделю назад. Ко мне зашел Рор Парра, сказал – несчастный случай на охоте. Когда на следующее утро я пошел на собрание, мне было горько, но не так, будто наступил конец света. А вот Сюзанна не могла сидеть спокойно ни секунды, не могла расслабиться. Но, откровенно говоря, я не очень об этом задумывался. Женщины куда чувствительнее мужчин – это все, что приходило мне в голову.

– А как вы узнали про Филиппа.

– Потом мы вернулись домой. В машине Сюзанна помалкивала, а когда приехали, она мне все и выложила. Она была в ярости, чуть ли не в бешенстве из-за того, что я пригласил вас посмотреть на луки и стрелы. Вот тогда она мне и сказала. Она узнала, потому что одежда Филиппа лежала в корзине для грязного белья и на ней были кровавые пятна. Тогда она спустилась в подвал и нашла там окровавленный лук. Она заставила Филиппа все ей рассказать. Он решил, что это он убил мисс Нил, схватил окровавленную стрелу и убежал, думая, что это его стрела. Он на нее и не посмотрел. И Сюзанна тоже не посмотрела. Я думаю, они и не заметили, что она не похожа на другие. Стрелу Сюзанна сожгла.

– И как вы поступили, узнав все это?

– Сунул одежду в топку, но тут появились вы, и я сказал Сюзанне, чтобы она сожгла лук и все уничтожила.

– Но она этого не сделала.

– Не сделала. Когда я сунул одежду в топку, пламя погасло, так что ей нужно было растапливать топку по новой. Потом она поняла, что лук туда не влезет и его сначала нужно порубить. Было ясно, что бесшумно ей этого не сделать, и она поднялась, чтобы предупредить меня. Но вы не позволили

ей снова спуститься в подвал. А она хотела порубить лук, пока мы будем стрелять на улице.

– Откуда вы узнали, в какой позе лежало тело мисс Нил?

– Филипп мне показал. Я поднялся к нему, чтобы узнать всю правду, выслушать историю от него. Он не желал со мной говорить. Но когда я выходил от него, он встал в эту позу. – Крофта передернуло при этом воспоминании, ему невыносимо было думать, что это сделал его ребенок. – Тогда я не понял, что́ он мне показывает, но позднее, когда вы спросили, как она лежала, тут меня и осенило. Я сделал то, что сделал Филипп. И что теперь все это значит?

– Это значит, что мисс Нил была убита кем-то другим, – сказал Бовуар.

– Это значит, – добавил Гамаш, – что почти наверняка было совершено умышленное убийство.

Бовуар нашел суперинтенданта Мишеля Бребёфа в Монреальском ботаническом саду, где тот раз в месяц по воскресеньям волонтерствовал – сидел в информационной будке. Люди, собравшиеся вокруг в ожидании ответа на вопрос, где находится японский сад, были ошеломлены размахом тех полномочий, которые доверены волонтерам.

– Да, я согласен, это похоже на умышленное убийство, – сказал Бребёф в трубку, кивая и улыбаясь внезапно насторожившимся туристам, которые ждали, когда он освободится. – Я разрешаю вам продолжать расследование по этой категории.

– Вообще-то, сэр, я надеялся, что вести это следствие будет старший инспектор Гамаш. Он ведь был прав: Мэтью Крофт не убивал мисс Нил.

– Вы думаете, инспектор, что дело только в этом? Арман Гамаш был отстранен не потому, что у него было иное мнение, а потому, что он отказался выполнить прямой приказ. И это остается в силе. Кстати, насколько мне помнится, если бы он действовал по своему усмотрению, то арестовал бы четырнадцатилетнего мальчишку.

Один из туристов был настолько ошеломлен, что взял за руку своего сына-тинейджера, и тот даже позволил отцу держать ее целую наносекунду.

– Не то чтобы арестовал… – сказал Бовуар.

– Вы этим ничуть не помогаете делу, инспектор.

– Да, сэр. Но старший инспектор знает и это дело, и всех людей вокруг. Уже почти неделя прошла, и мы упустили все ниточки, поскольку были вынуждены расследовать случившееся как несчастный случай. Он самый подходящий офицер, чтобы возглавить расследование. Вы это знаете, и я знаю.

– И он это знает.

– Без долгих размышлений должен с вами согласиться. Voyons[43], о чем у нас идет речь: о наказании или о получении наилучшего результата?

– Ладно. И передайте Гамашу, что ему повезло с защитником. Мне бы такого.

– Считайте, что он у вас есть.

Бребёф, отключившись, повернулся к ожидающим его туристам, но не увидел ни одного.

– Спасибо, Жан Ги.

Гамаш взял удостоверение, значок и пистолет. Он размышлял над тем, почему ему было так горько расставаться с ними. Много лет назад, когда он только получил удостоверение и пистолет, он чувствовал гордость за то, что его приняли, что он добился успеха в глазах общества, а прежде всего в глазах родителей. А когда ему пришлось расстаться с удостоверением и пистолетом, ему вдруг стало страшно. Он лишался оружия, но хуже того: он лишался одобрения. Теперь это чувство прошло, от него остались лишь отзвуки, призрак того незащищенного молодого человека, каким он был когда-то.

По дороге домой после отстранения Гамаш вспомнил об одной аналогии, проведенной для него кем-то много лет назад. Жить теми жизнями, которыми живем мы, все равно что жить в «длинном доме», как называют свои общинные дома индейцы. Мы входим в него детьми с одного конца, а когда наступает наше время – выходим. А в промежутке двигаемся по этому огромному, длинному помещению. Все, кого мы встречаем, все мысли и действия обитают в этом доме вместе с нами. Пока мы не примиримся с самыми досадными событиями из нашего прошлого, они дают знать о себе на всем протяжении этого длинного дома. А иногда наиболее громкие и самые неприятные из них диктуют нам, что мы должны делать, руководят нашими действиями много лет спустя.

Гамаш не был уверен, что он во всем согласен с этой аналогией, до того момента, когда был вынужден вручить Бовуару свой пистолет. И тогда тот незащищенный молодой человек ожил и прошептал: «Ты без этого ничто. Что скажут люди?» Он понимал, насколько неадекватна такая реакция, но тот молодой человек все равно оставался в длинном доме Гамаша, и это означало, что он перестал держать бразды правления в своих руках.

– И куда теперь? В дом Джейн Нил?

Теперь, когда они официально вели дело как расследование

умышленного убийства, Бовуар умирал от желания попасть в дом убитой. Как и Гамаш.

– Да. Но сначала мы должны сделать небольшую остановку.

– Oui, бllф? – ответил в трубке веселый голос, а затем послышался детский крик.

– Соланж? – спросила Клара.

– Бllф? Бllф?

– Соланж, – проговорила Клара.

– Bonjour? Алло? – Дом Соланж и голова Клары наполнялись детским криком.

– Соланж! – взвизгнула Клара.

– C’est moi-mkme! – прокричала Соланж.

– Это Клара Морроу! – завопила Клара.

– Какая еще умора?

– Клара Морроу!

– Камора?

«Спасибо тебе, Господи, что ты избавил меня от детей», – подумала Клара.

– Клара! – истошно завопила она.

– Клара? Какая Клара? – спросила Соланж совершенно нормальным голосом: адское отродье замолчало – вероятно, присосалось к груди.

– Это Клара Морроу, Соланж. Мы встречались в фитнес-классе. Поздравляю с ребеночком.

– Да, я помню. Как поживаете?

– Я в порядке. Но у меня к вам есть вопрос. Извините, что беспокою в неурочное время, но это связано с вашей нотариальной практикой.

– Не извиняйтесь. Мне каждый день звонят из офиса. Чем могу вам помочь?

– Вы знаете, что Джейн Нил умерла?

– Нет, не знала. Очень жаль.

– Несчастный случай в лесу.

– Ах да, я слышала об этом, когда вернулась. Была на День благодарения у родителей в Монреале, поэтому и упустила. Так это была Джейн Нил?

– Да.

– И полиция ведет расследование?

– Да. Они считают, что ее нотариусом был Норман Стикли из Уильямсбурга. Но мне казалось, что она обращалась к вам.

– Вы могли бы завтра утром приехать ко мне в офис?

– Какое время вас устроит?

– Ну, скажем, в одиннадцать. И пригласите полицию. Я думаю, им будет интересно.

Филиппу Крофту понадобилось несколько минут, чтобы поверить, что это не ловушка. И тогда он признался во всем. Пока он рассказывал, его длинные бледные пальцы вытаскивали ворсинки из тренировочных штанов. Он хотел наказать отца, а потому взял старый лук со стрелами и отправился на охоту. Выстрелил один раз, но этого оказалось достаточно. Вместо оленя, которого, как ему показалось, он убил, он нашел на тропинке распростертое тело Джейн Нил. Мертвое тело. Ему до сих пор мерещатся ее глаза. Они преследуют его.

– Теперь ты можешь отпустить их, – тихо сказал Гамаш. – Это не твой кошмар.

Филипп кивнул, и Гамаш вспомнил Мирну и боль, которую по нашему выбору мы носим в себе. Он захотел обнять Филиппа и сказать, что ему уже никогда не будет четырнадцать. Поддержать его.

Но Гамаш не сделал этого. Он знал, что, несмотря на его добрые намерения, это будет воспринято как агрессия. Оскорбление. Вместо этого он предложил парню свою большую надежную руку. После секундного колебания Филипп потянулся вперед, словно делал это впервые в жизни, и обменялся с Гамашем рукопожатием.

Гамаш и Бовуар вернулись в деревню и у дома Джейн Нил обнаружили агента Лакост, которая противостояла Йоланде. Лакост была отправлена в дом мисс Нил с ордером. Ей удалось выставить Йоланду из дома и запереть дверь, а теперь она изображала дворцовую стражу, не поддающуюся ни на какие провокации.

– Да я тебя засужу! Тебя уволят с волчьим билетом, маленькая сучка! – Увидев Бовуара, Йоланда напустилась на него: – Как вы смеете выкидывать меня из моего собственного дома?

– Агент, вы предъявили мадам Фонтейн ордер?

– Да, сэр.

– Тогда вам известно, – обратился Бовуар к Йоланде, – что мы теперь ведем следствие по делу об умышленном убийстве. Насколько я понимаю, вы ведь хотите знать, кто убил вашу тетушку?

Это был удар ниже пояса, но такое оружие действовало всегда эффективно. Кто мог ответить на такой вопрос «нет»?

– Нет. Мне все равно. Ее это уже не вернет. Если вы скажете, что

вернет, то я впущу вас в мой дом.

– Мы, считайте, уже в нем. И вашего разрешения нам не требуется. А теперь мне нужно поговорить с вами и вашим мужем. Он дома?

– Откуда мне знать?

– Ну тогда мы съездим и посмотрим.

Когда они только подъехали к дому в машине Гамаша и увидели, как Йоланда едва ли не бросается на Лакост, которая стоит словно статуя, Гамаш улыбнулся и сказал:

– Бедная женщина. Когда-нибудь она будет рассказывать эту историю новичкам-первогодкам. Слушай, нам обоим хочется как можно скорее побывать в этом доме, но сначала мне бы хотелось сделать две вещи. Ты допроси Йоланду и постарайся найти Андре. А мне нужно поговорить с Мирной Ландерс.

– Зачем?

Гамаш ему объяснил.

– Мне нужно знать, что сказала вам Тиммер Хадли в тот день, когда вы были у нее.

Мирна заперла дверь в свой книжный магазин и налила им по чашке чая. Потом села в удобное кресло напротив Гамаша.

– Боюсь, вы будете разочарованы. Не думаю, что это теперь имеет какое-то значение для кого-либо. Живого или мертвого.

– Вы будете удивлены.

– Посмотрим.

Она сделала глоток чая и выглянула из окошка в сумерки, а мысли ее вернулись к тому дню несколько месяцев назад. Всего-то несколько месяцев, а казалось, годы прошли. Тиммер Хадли похудела – кожа да кости. Глаза горят, а голова кажется огромной по сравнению с усохшим телом. Мирна пристроилась на краешке ее кровати. Тиммер сидела рядом, завернутая в одеяла и обложенная бутылками с горячей водой. Между ними лежал большой старинный альбом в коричневом переплете. Фотографии из него вываливались – клей, который их держал, давно высох. Вот выпала еще одна – юная Джейн Нил, ее родители и сестра.

Тиммер рассказала Мирне о родителях Джейн, об этих пленниках собственной неуверенности в будущем, собственных страхов. Эти страхи передались сестре Джейн, Айрин, которая стала карьеристкой и пыталась обрести уверенность в завтрашнем дне с помощью денег и одобрения других людей. Но Джейн была другая. И тут началась история, которой и интересовался Гамаш.

«Эта фотография была снята в последний день ярмарки. На следующий день после танца. Видишь, какое счастливое лицо у Джейн», – сказала Тиммер.

И это действительно было видно. Даже на старой зернистой фотографии Джейн светилась, и это было тем более заметно в окружении мрачных лиц ее родителей и сестры.

«Она там вечером обручилась с этим своим молодым человеком, – задумчиво сказала Тиммер. – Как его звали? Андреаш. Он был лесорубом. Подумать только. Не имеет значения. Родителям она ничего не говорила, но план составила. Она решила бежать. Они были такой замечательной парой. Видеть их рядом было чудну, но стоило узнать, как им хорошо вместе, и ваш взгляд менялся. Они любили друг друга. Вот только, – и тут Тиммер нахмурилась, – Рут Кемп пошла к родителям Джейн – прямо там на ярмарке и пошла – и сказала им, что́ задумала Джейн. Она сделала это по секрету, но я услышала. Я была молода, и я до сих пор раскаиваюсь, что не побежала к Джейн, не предупредила ее. И почему я этого не сделала?»

«И что случилось?» – спросила Мирна.

«Они увезли Джейн домой, потребовали, чтобы она прекратила с ним отношения. Поговорили с Кей Томпсон, у которой работал Андреаш, пригрозили забрать у нее лесопилку, если этот лесоруб еще хоть раз взглянет на Джейн. В те времена такое было возможно. Кей была хорошая женщина, добрая женщина, она все ему объяснила, но сердце его было разбито. Он явно попытался увидеть Джейн, но у него ничего не получилось».

«А Джейн?»

«Ей сказали, что она его больше не увидит. Ей было всего семнадцать, у нее не хватало сил противиться родителям. Она сдалась. Ужасно».

«И Джейн так никогда и не узнала, что Рут ее предала?»

«Я ей не сказала. Наверное, надо было. Но мне казалось, что боли у нее и без того хватает. А может, я просто боялась».

«А Рут вы тоже ничего не говорили?»

«Нет».

Мирна посмотрела на фотографию в прозрачной руке Тиммер. Мгновение радости перед тем, как эту радость уничтожат.

«Почему Рут сделала это?»

«Не знаю. Я шестьдесят лет задаю себе этот вопрос. Может, и она себе его задает. В ней есть что-то такое, какая-то горечь, которой ненавистно счастье других, которая жаждет его уничтожить. Может, это и делает ее выдающейся поэтессой – она знает, что такое страдание. Она притягивает к

себе страдания. Собирает их, а иногда и создает. Я думаю, поэтому ей и нравится сидеть со мной: ей приятнее находиться в обществе умирающего человека, чем в обществе процветающего. Но наверное, я несправедлива».

Слушая рассказ Мирны, Гамаш думал, что хотел бы познакомиться с Тиммер Хадли. Но с этим он опоздал. Зато у него была возможность через несколько минут познакомиться с Джейн Нил. Или, по крайней мере, приблизиться к ней настолько, насколько это было возможно.

Бовуар вошел в идеальный дом. До такой степени идеальный, что он казался безжизненным. До такой степени идеальный, что какой-то крохотной части Бовуара этот дом показался привлекательным. Но он заставил эту свою часть замолчать и сделал вид, что ее не существует.

Дом Йоланды Фонтейн сверкал. Каждая поверхность была отполирована. Он снял ботинки, и его в носках провели в гостиную – комнату, единственный изъян которой сидел в мягком кресле и читал спортивный раздел газеты. Андре не шелохнулся, никак не прореагировал на свою жену. Йоланда подошла к нему. Точнее, к газете, брошенной рядом с креслом и напоминающей деревню индейцев, прикочевавших на этот элегантный ковер. Она подняла газету, сложила ее и поместила в аккуратную – все кромки выровнены – стопку на кофейном столике. Потом обратилась к Бовуару:

– Хотите кофе, инспектор?

От этой перемены ее настроения он чуть не вздрогнул. А потом понял: они были в ее доме, на ее территории. Хозяйка замка могла являться гостям без опасений.

– Нет, спасибо. Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Йоланда слегка наклонила голову – величественный жест благородной дамы, встретившей чернорабочего.

– Вы что-нибудь уносили из дома мисс Нил?

Этот вопрос вызвал приступ раздражения, но не Йоланды. Андре опустил газету и сердито посмотрел на Бовуара:

– А вам какое дело?

– Мы теперь считаем, что мисс Нил погибла не в результате несчастного случая. У нас есть ордер на обыск дома, после чего он будет опечатан.

– И что это значит?

– Это значит, что доступ в него будет закрыт всем, кроме полиции.

Жена и муж переглянулись – впервые с момента появления Бовуара. Это не был взгляд двух любящих людей, готовых поддержать друг друга –

скорее, вопрос от него и подтверждение от нее. Бовуар был в этом убежден. Они что-то сделали в этом доме.

– Вы что-нибудь уносили из дома? – повторил он.

– Нет, – сказала Йоланда.

– Вы лжете. Я предъявлю вам обвинение в воспрепятствовании следствию, а это, месье Маленфан, не улучшит вашу и без того впечатляющую криминальную историю.

Маленфан улыбнулся. Ему было все равно.

– Что вы там делали в течение пяти дней, миссис Фонтейн?

– Убиралась, украшала.

Она обвела руками гостиную, которая кричала о дешевом вкусе. Занавески на окнах показались Бовуару странными, потом он увидел, что рисунок на них с обеих сторон одинаковый, так что с улицы вид был такой же, как и в доме. Он никогда прежде не видел подобного, но, в общем-то, не удивился. Йоланда Фонтейн существовала только на публике. Она напоминала те новомодные лампы, которые загораются, когда вы хлопаете в ладоши. Йоланда тоже оживала от аплодисментов или от резкого неодобрительного шлепка. От любой реакции, если только она имела отношение к Йоланде. В тишине и одиночестве жизненные силы покидали ее.

– Миленькая комната, – солгал Бовуар. – Остальной дом столь же изящен?

Йоланда услышала его аплодисменты и пришла в действие.

– Идемте со мной, – сказала она и чуть ли не потащила его по маленькому дому.

Все здесь напоминало номер в гостинице – сплошная стерильность и безликость. Йоланда настолько ушла в себя, что просто перестала существовать.

Бовуар увидел приоткрытую дверь из кухни и доверился интуиции. Распахнул ее и в один прыжок оказался внизу лестницы среди безобразного хаоса.

– Не ходите туда – это территория Андре.

Проигнорировав ее слова, он быстро прошел по сырой комнате и нашел то, что искал. Пару высоких резиновых сапог, еще влажных, и лук, прислоненный к стене.

– Где вы были в утро убийства Джейн Нил? – спросил Бовуар у Андре, когда они вернулись в гостиную.

– Спал. Где еще я мог быть?

– А на охоту не ходили?

– Может, и ходил. Не помню. У меня есть лицензия, чтоб вы знали.

– Я не об этом спрашивал. В прошлое воскресенье вы ходили на охоту?

Андре пожал плечами.

– Я видел в подвале грязный лук.

Это так в характере Андре – не почистить лук. Впрочем, глядя на эту больничную чистоту, Бовуар понимал стремление Андре к грязи. И беспорядку. Желание побыть вдали от этой полировальной жидкости с запахом лимона.

– И вы думаете, что он грязный и мокрый с прошлой недели? – заржал Андре.

– Нет, после сегодняшнего похода в лес. Вы ведь охотитесь по воскресеньям, верно? Ходите в лес каждое воскресенье, включая и прошлое, когда была убита Джейн Нил. Я хочу, чтобы вам было ясно. Мы расследуем умышленное убийство. Кто наиболее вероятный подозреваемый при любом убийстве? Член семьи. А следующий наиболее вероятный убийца? Тот, кто выигрывает от этой смерти. И если у этого человека к тому же была такая возможность, то мы вполне можем начать готовить для него койку в тюремной камере. Вы двое выиграли от этой смерти. И мы знаем, что вы в долгах. – Он высказал обоснованное предположение. – Вы считали, что унаследуете все, а вы, Андре, умеете стрелять из лука – ваших навыков хватает, чтобы убить человека. Вам ясно?

– Слушайте, инспектор… – Андре поднялся с кресла, уронив на пол спортивную страницу газеты. – Я ходил на охоту и уложил оленя в тот самый день, когда была убита Джейн Нил. Можете спросить Бокслейтера с бойни – он разделывал его для меня.

– Но сегодня вы тоже ходили на охоту. Разве лицензия разрешает отстрел больше чем одного оленя?

– Вы что, теперь еще и егерь? Да, я ходил сегодня на охоту. Буду убивать столько оленей, сколько мне надо.

– А ваш сын Бернар? Где он был в прошлое воскресенье?

– Спал.

– Спал так же, как и вы?

– Слушайте, ему четырнадцать. Мальчишки по выходным любят поспать. Он спит, просыпается так долго, что я беситься начинаю, съедает, что я положил в холодильник, а потом возвращается дрыхнуть. Мне бы такую жизнь.

– Чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я безработный. Был космонавтом, но меня оттуда поперли. – Андре расхохотался: ему нравился собственный юмор; этот гнилой смех, казалось, еще больше омертвил комнату. – Да, вместо меня взяли однорукую черную лесбиянку.

Бовуар вышел из этого дома, горя желанием позвонить жене и сказать, как сильно он ее любит, потом рассказать ей о том, во что верит, обо всех своих страхах, надеждах и разочарованиях. Поговорить о чем-нибудь настоящем и имеющем смысл. Он набрал ее сотовый, и она ответила. Но слова застряли у него в горле, и он просто сообщил ей, что погода ясная, а она рассказала о кинофильме, который взяла напрокат. На этом разговор закончился. Возвращаясь в Три Сосны, Бовуар обратил внимание на запах, которым пропиталась его одежда. Полироль с запахом лимона.

Он нашел шефа перед домом мисс Нил с ключом в руке. Гамаш дожидался его. И вот, ровно неделю спустя после смерти Джейн Нил, они вошли в ее дом.

Глава одиннадцатая

– Матерь Божья, – прошептал Бовуар.

И потом после паузы, когда они оба не могли произнести ни слова:

– Господи Исусе.

Они замерли на пороге гостиной Джейн как вкопанные, словно стали свидетелями особо тяжкого происшествия. Но замереть их заставило не происшествие, а нечто более агрессивное, более преднамеренное.

– Будь я Джейн Нил, я бы тоже никого сюда не впускал, – сказал Бовуар, к которому вернулся светский язык. Но только на мгновение. – Хоть всех святых выноси.

Гостиная Джейн ошеломила их цветом. Огромные светящиеся цветы в духе Тимоти Лири[44], психоделические трехмерные серебряные башни и грибы спереди и сзади, огромные желтые смайлики, марширующие у камина. Это был настоящий парад дурновкусия.

– Черт, – прошептал Бовуар.

Гостиная светилась в сгущающейся темноте. Даже потолок между старыми балками был обклеен обоями. Это была уже не шутка – карикатура. Любой поклонник квебекского наследства и архитектуры ощущал бы себя несчастным в этой комнате, а Гамаш, который был и тем и другим, почувствовал, как ланч поднимается у него из желудка.

Такого он никак не ожидал. Увидев эту какофонию цвета, он забыл, что предполагал здесь увидеть. Но уж точно ничего подобного. Он оторвал глаза от уродливых смайликов и заставил себя посмотреть на широкие доски пола, обтесанные вручную человеком, спасавшимся от зимних холодов две сотни лет назад. Такие полы были редкостью даже в Квебеке, и некоторые (включая и Гамаша) считали их произведением искусства. Джейн Нил повезло: она жила в одном из сохранившихся крохотных первых домов из плитняка – камня, в буквальном смысле вырванного из земли, которую расчищали под сельскохозяйственные угодья. Владеть таким домом означало быть хранителем истории Квебека.

Но доски эти были покрашены в розовый цвет. С матовым отблеском.

Гамаш застонал. Бовуар даже сделал движение, чтобы поддержать шефа. Он понимал, как такое зрелище может расстроить истинного почитателя квебекского наследства. Это было святотатство чистой воды.

– Зачем? – спросил Гамаш.

Но смайлики хранили молчание. Как и Бовуар. У него не было ответа,

но «les Anglais»[45] всегда удивляли его. Эта комната была еще одним свидетельством их необъяснимого поведения. Молчание затягивалось, и Бовуар почувствовал, что обязан шефу хотя бы попыткой ответа.

– Может быть, ей требовались перемены. Не так ли заканчивают свое существование большинство антикварных вещей в домах других людей? Наши деды продавали их богатым англичанам. Избавлялись от сосновых столов, шкафов, медных кроватей, а покупали всякую дрянь по каталогам.

– Да, – согласился Гамаш. Именно так и обстояли дела шестьдесят-семьдесят лет назад. – Но ты посмотри сюда. – Он махнул рукой в угол.

Поразительный буфет с резьбой в виде алмазных граней, с оригинальной светлой краской был наполнен старинной керамикой.

– А это… – Гамаш показал на громадный уэльский кухонный шкаф. – А это, – он подошел к приставному столику, – стол в стиле Людовика Четырнадцатого, ручная работа плотника, который был знаком с французским стилем и пытался ему подражать. Это же почти бесценная вещь. Нет, Жан Ги, Джейн Нил понимала толк в антиквариате и любила его. Я не могу понять, почему она, с одной стороны, собирала все это, а с другой – красила пол. Но я спрашивал не об этом. – Гамаш медленно повернулся, оглядывая комнату. В правом виске у него застучал молоточек. – Я не понимаю, почему мисс Нил не пускала сюда друзей.

– Разве это не очевидно? – спросил ошеломленный Бовуар.

– Нет, не очевидно. Если она сделала это, значит ей нравился такой стиль. Она наверняка не стыдилась бы этого. Так почему же она никого не приглашала? Можно даже предположить, что это сделал кто-то другой – скажем, ее родители в те дни, когда такие вещи были в…

– Мне не хочется вам это говорить, но мы снова вернулись к тем временам. – Бовуар недавно купил лавовую лампу, но не собирался говорить об этом шефу.

Гамаш поднял руки и потер лицо. А когда опустил их, то увидел комнату, какая могла бы явиться в галлюцинациях. Вот ведь чертовщина.

– Хорошо, скажем, это сделали ее престарелые и, возможно, впавшие в маразм родители, а она почему-то ничего не меняла. Может, не хватало денег, может, в память о них или по какой-то иной причине. Да, выглядит все это ужасно, но не настолько же. В конфуз может ввести, но ничего постыдного в этом нет. Если она несколько десятков лет не впускала сюда друзей, то дело тут не в конфузе, а в чем-то большем.

Они оба еще раз оглядели гостиную. У комнаты были великолепные пропорции, с этим Бовуар не мог не согласиться. Но что с этого – ведь, отправляясь на свидание вслепую, ты не знаешь, хорошенькая или нет твоя

будущая знакомая. Ты пока еще не готов представить ее своим друзьям. Бовуар вполне мог вообразить, что чувствовала Джейн Нил. Он подумал, что, пожалуй, ему стоит вернуть в магазин лавовый светильник.

Гамаш снова прошелся по комнате. Есть ли тут еще что-то такое, что ему не полагалось видеть? Почему Джейн Нил, женщина, которая любила своих друзей и верила им, никогда не пускала их сюда? И почему она изменила свое решение за два дня до смерти? Какую тайну хранила эта комната?

– Может, наверху?

– После тебя.

Гамаш задержался у лестницы, оглядел ее – она уходила вверх из задней части гостиной. Стены лестничной клетки тоже были оклеены обоями, на этот раз бархатистыми, бордового цвета. Сказать, что они конфликтовали с цветами, означало предположить, что существуют обои, которым это не свойственно. И тем не менее такой выбор из всех возможных вариантов окраски и стилей был наихудшим. Лестница в клетке, напоминавшей воспаленное горло, вела на второй этаж. Ступеньки тоже были покрыты краской. У Гамаша сердце разрывалось.

На скромном втором этаже располагалась большая ванная и две довольно большие спальни. В спальне, которая вроде была хозяйской, стены были темно-красные. В другой спальне – темно-синие.

Но чего-то в этом доме не хватало.

Гамаш спустился на первый этаж и осмотрел гостиную, потом вернулся в кухню, в прихожую.

– Я не вижу ни мольберта, ни красок. Тут нет мастерской. Где она писала свои картины?

– Может быть, в подвале?

– Спустись проверь. Но я тебе гарантирую: ни один художник не разместит свою мастерскую в подвале. Хотя, если подумать, работа Джейн Нил имеет такой вид, будто ее рисовали в темноте.

– Краски там есть, но мольберта я не нашел, – сказал Бовуар, поднявшись из подвала. – Ее мастерская располагалась не в подвале. Тут есть еще кое-что, вернее, нет кое-чего… – Ему нравилось подмечать то, что не заметил шеф. Гамаш с любопытством посмотрел на него. – Нет картин. На стенах нет картин. Нигде нет.

Рот Гамаша удивленно приоткрылся. Бовуар был прав. Гамаш развернулся на месте, оглядывая стены. Ничего.

– И наверху тоже?

– И наверху тоже.

– Не понимаю. Все это странно. Обои, раскрашенные комнаты и полы, отсутствие картин. Но все же самое странное, что она не пускала сюда друзей. Здесь есть что-то такое, что она не хотела им показывать.

Бовуар плюхнулся на большой диван и огляделся. Гамаш уселся в кожаное кресло, сложил руки на животе и задумался. Несколько минут спустя он поднялся на ноги и пошел вниз. Подвал, так и не доведенный до ума, был наполнен картонными коробками, старыми металлическими бадьями. Здесь же стоял холодильник с винами. Гамаш взял одну бутылку. Данхэмский винный завод. Изготовитель вина с хорошей репутацией. Он поставил бутылку в холодильник и повернулся. Еще за одной дверью была кладовка с консервами. Желе коричневатого цвета, банки с красными и багряными джемами, английские ярко-зеленые маринованные огурчики. Он посмотрел на даты – некоторые прошлогодние, но большинство урожая этого года. Ничего необычного, ничего из ряда вон, ничего такого, чего он не мог бы увидеть в подвале собственной матери после ее смерти.

Он закрыл дверь, сделал шаг назад. В тот момент, когда его спина коснулась грубой стены подвала, что-то впилось в его ботинок. С силой. Это было что-то омерзительное, но в то же время и знакомое.

– Tabarnacle! – вырвалось у него.

Наверху раздался быстрый топот ног, бегущих к подвальной двери. Через мгновение Бовуар ворвался в подвал, держа руку на пистолете, так и не вынутом из кобуры.

– Что? Что тут случилось?

Бовуар так редко слышал брань из уст своего шефа, что действовал без промедлений. Гамаш показал на ногу. К его подошве прикрепилась деревянная дощечка.

– Довольно большая мышь попалась, – с улыбкой сказал Бовуар.

Гамаш нагнулся и снял с ноги мышеловку. Она была намазана арахисовым маслом, чтобы привлечь мышь. Он отер масло с ботинка и огляделся. Увидел другие мышеловки вдоль стены.

– Пара штук попалась, – сказал Бовуар, показывая на перевернутые ловушки, из-под которых торчали тоненькие хвосты и лапки.

– Я думаю, это не она ставила. Я думаю, Джейн Нил ставила вот такие.

Гамаш нагнулся и подобрал маленькую серую коробочку. Открыл и увидел свернувшуюся внутри маленькую полевую мышку. Мертвую.

– Это гуманная ловушка. Она их ловила и выпускала. А эта бедняга попалась уже после смерти Джейн и умерла от голода.

– Кто же поставил остальные мышеловки? Постойте, я знаю. Конечно же Йоланда и Андре. Они здесь были одни чуть не неделю. Вообще-то, они

могли бы проверить и гуманную ловушку, – с отвращением сказал Бовуар.

Гамаш отрицательно покачал головой. Насильственная смерть, умышленное убийство – человека или мыши – все еще поражало его.

– Идем со мной, малышка, – сказал он мертвой мыши и пошел наверх.

Бовуар сунул остальные мышеловки в пластиковый мешок и двинулся за шефом.

Они заперли дверь дома и пошли по тропинке сада Джейн, потом по деревенскому лугу. Теперь, когда солнце село, был виден свет нескольких фар. Час пик. Кто-то из местных отправился за покупками, кто-то выгуливал собак. В царившей тишине до Гамаша доносились обрывки разговоров других гуляющих. Со стороны Дю-Мулен до него донеслось «пись-пись». Он надеялся, что этот призыв был обращен к собаке. Они пересекли луг в направлении ярко освещенной гостинички. На полпути Гамаш остановился и положил мертвую мышку на траву. Бовуар вытащил мышеловки из пластикового мешка и высвободил из них крошечные тела других мышек.

– Их съедят, – сказал Бовуар.

– Да. Будет хоть кому-то польза. Эбби Хоффман говорил, что мы все должны есть тех, кого убиваем. Это положит конец всем войнам.

Бовуара не в первый раз заставали врасплох слова Гамаша. Он что, серьезно? И кто такой этот Аббй Оффмбн? Местный священник? Такое мог сказать только какой-нибудь христианский мистик[46].

На следующее утро вся команда собралась в оперативном штабе на летучку – всем сообщили о последнем развитии событий и дали задание. Гамаш обнаружил на своем столе пакетик с эклером и запиской крупными детскими буквами: «От агента Николь».

Николь наблюдала, как он разворачивает пакет.

– Агент Николь, прошу на пару слов.

– Да, сэр.

Эклер явно сработал. Он теперь не сможет и дальше вести себя столь же нелогично.

Гамаш показал на стол в дальнем конце комнаты, в стороне от других.

– Спасибо за эклер. Вы точно убедились, что у мэтра Стикли последнее завещание Джейн Нил?

Вот оно как. Она-то ни свет ни заря неслась в пекарню к Саре, чтобы купить пирожное. И ради чего? Чтобы он опять устраивал ей перекрестный допрос? Мысли ее заметались. Это несправедливо, но ей нужно соображать побыстрее. Сказать правду – значит самой себе вырыть яму. Что сказать?

Может быть, еще раз про пирожное. Но нет, он ведь ждет ответа на свой вопрос.

– Да, сэр. Он подтвердил, что у мэтра Стикли последний вариант завещания.

– И кто этот «он»?

– Человек, с которым я разговаривала по телефону.

Спокойное выражение исчезло с лица Гамаша. Он подался вперед, строгий и раздраженный.

– Прекратите разговаривать со мной таким тоном. Вы будете отвечать на мои вопросы тщательно, уважительно и вдумчиво… – Он говорил тихо, почти шепотом. – Вы должны правдиво ответить на мой вопрос.

Он помолчал, глядя в ее глаза, в которых видел вызов. Его утомила эта ни на что не годная личность. Он сделал все, что мог. Хотя ему и советовали избавиться от нее. Но вот только что она солгала ему уже два раза.

– Прекратите горбиться на этом стуле, как капризный ребенок. Сядьте прямо, когда разговариваете со мной. И смотрите мне в глаза.

Николь среагировала мгновенно.

– Кому вы звонили по поводу завещания, агент?

– Я позвонила в Монреальское управление и попросила дежурного проверить это для меня. Через какое-то время он перезвонил. А что, информация оказалась неверной, сэр? Если так, то я же не виновата. Я ему поверила. Положилась на то, что он сделает работу, как полагается.

Гамаша так поразил ее ответ, что он почувствовал бы восторг, если бы не испытывал отвращения.

Правда заключалась в том, что она никому не звонила, потому что понятия не имела, кому звонить. Гамаш, как минимум, мог помочь ей советом. Он всегда был не прочь похвастаться – он, мол, берет молодых под свою опеку и делает за них всю работу. Что ж, сам виноват.

– Кому вы звонили в управлении?

– Я не знаю.

Гамашу надоело впустую тратить время. Агент Николь была пустой тратой времени. Но он мог попробовать еще одно. Показать ей, какой будет ее жизнь, если она не одумается.

– Идемте со мной.

Дом Рут Зардо, маленький и тесный, был забит бумагами, журналами, тетрадями, лежащими в высоких стопках. Стеллажи вдоль стен были уставлены книгами, книги теснились на табуретках, кофейном столике,

кухонном столе. Они были навалены и в стенном шкафу, куда она бросила их куртки.

– Я только что выпила последнюю чашку кофе и больше заваривать не собираюсь.

«Вот ведь сучка», – подумала Николь.

– У нас к вам несколько вопросов, – сказал Гамаш.

– Садиться я вас не приглашаю, так что поторопитесь.

Николь поверить не могла в такое хамство. Ну и карга!

– Скажите, Джейн Нил знала, что это вы рассказали ее родителям об Андреаше Зелински? – спросил Гамаш, и в доме воцарилась тишина.

У Рут Зардо, возможно, были все основания желать Джейн Нил смерти. Скажем, Рут опасалась, что ее древнее предательство всплывет на поверхность и все друзья отвернутся от нее. Эти люди, которые любили Рут, несмотря на все ее пакости, могли вдруг понять, что она собой представляет на самом деле. Они возненавидят ее, узнав, что она сделала. И тогда она останется одна. Злобная, ожесточенная одинокая старуха. Она не могла рисковать этим – ставка была слишком высока для нее.

Гамаш много лет расследовал убийства и знал, что мотив существует всегда и что этот мотив подчас не имеет никакого смысла ни для кого, кроме убийцы. Но для последнего смысл был очевиден.

– Сядьте, – пригласила Рут, показывая на кухонный стол.

Это был садовый стол, вокруг которого стояли четыре металлических садовых стула. Когда они сели, Рут увидела, что Гамаш оглядывается, и сказала:

– Мой муж умер несколько лет назад. С тех пор я продаю всякие антикварные вещицы, доставшиеся мне в наследство. Оливье мне помогает. Так и держусь на плаву.

– Андреаш Зелински, – напомнил он ей.

– Я услышала вас с первого раза. Это было шестьдесят лет назад. Кому до этого есть теперь дело?

– Тиммер Хадли было до этого дело.

– Что вам об этом известно?

– Она знала, что вы сделали, – слышала ваш разговор с родителями Джейн. – Он говорил, разглядывая лицо Рут, похожее на осажденную крепость. – Тиммер хранила вашу тайну и всю жизнь сожалела об этом. Но может быть, Тиммер перед концом сказала Джейн. Что вы об этом думаете?

– Я думаю, телепат из вас никудышный. Тиммер умерла. Джейн умерла. Не трогайте прошлое.

– А вы можете его не трогать?

Но кто тебя обидел так,
что ран не залечить,
что ты теперь любую
попытку дружбу завязать с тобой
встречаешь, губы сжав?

Рут фыркнула:

– Вы и в самом деле считаете, что получите нужный вам результат, забрасывая меня моими же стихами? Вы что, всю ночь, как студент-первокурсник, готовились к этому разговору со мной? Надеялись довести меня до слез, зная о моей собственной боли? Чушь.

– Вообще-то, я знаю все стихотворение наизусть.

Когда были посеяны те гнева семена
и на какой земле,
что так они взошли,
политые слезами неистовства иль скорби?

– «Так было не всегда», – закончили стихотворение вместе Рут и Гамаш.

– Да-да. Хватит. Я сказала об этом родителям Джейн, потому что думала, она совершает ошибку. Ее ждало большое будущее, но с этим деревенщиной на ее будущем можно было поставить крест. Я сделала это ради нее. Я пыталась ее переубедить, а когда из этого ничего не вышло, стала действовать за ее спиной. Задним умом я понимаю, что это была ошибка. Но не больше. Не конец света.

– Мисс Нил об этом знала?

– Мне об этом неизвестно. Но если бы и знала, то это ничего не изменило бы. Это все было так давно, что быльем поросло.

«Какая ужасная эгоистка», – думала Николь, шаря по столу глазами – ей хотелось есть. Потом она вдруг поняла. Ей нужно в туалет.

– Можно воспользоваться вашим туалетом?

– Вы его найдете.

Николь пооткрывала все двери на первом этаже – за ними были книги, журналы, но туалета так и не нашла. Тогда она поднялась наверх и там обнаружила единственную в доме ванную с туалетом. Спустив воду, она открыла кран и, изображая, что моет руки, взглянула в зеркало. На нее

смотрела молодая женщина с коротко стриженными волосами, а еще она заметила какие-то буквы – наверное, какое-нибудь очередное треклятое стихотворение. Она наклонилась к зеркалу и увидела приклеенную к стенке бумажку, на которой было написано: «Перед тобой проблема».

Николь тут же повернулась, оглядывая пространство за своей спиной, отраженное в зеркале, потому что проблема была, вероятно, там.

– Тиммер Хадли сказала вам, что ей известно о вашем поступке?

Рут спрашивала себя, будет ли когда-нибудь задан этот вопрос. Она надеялась, что не будет. Но вот теперь услышала его.

– Да. В день ее смерти. И она сказала мне, что думает об этом. Она была очень откровенна. Я уважала Тиммер. Трудно услышать такое от человека, которым ты восхищаешься, которого ты уважаешь. Еще труднее оттого, что Тиммер умирала и исправить уже ничего было нельзя.

– И что вы сделали?

– В тот день на ярмарке было заключительное шествие, и Тиммер сказала, что хочет побыть одна. Я хотела было объясниться, но она возразила, что ей нужно отдохнуть – она устала и я могу оставить ее на час. А через час, мол, поговорим. Когда я вернулась, ровно через час, она была мертва.

– Миссис Хадли сказала об этом Джейн Нил?

– Не знаю. Я думаю, что собиралась, но чувствовала, что сначала должна поговорить со мной.

– А вы сказали мисс Нил?

– Зачем? Это было так давно. Джейн, вероятно, и думать об этом забыла.

Гамаш спросил себя, не пытается ли Рут Зардо убедить себя, что так оно и есть. Его это определенно не убедило.

– Вы не знаете, кто мог желать смерти мисс Нил?

Рут сложила руки на трости и осторожно оперлась на них подбородком. Ее взгляд устремился куда-то вдаль. Наконец, выждав почти минуту, она прервала молчание:

– Я уже говорила вам, что, на мой взгляд, один из этих трех мальчишек, которые кидались пометом, мог желать ее смерти. Она их напугала. Я до сих пор считаю, что в неокрепшем мозгу подростка вызревают самые ядовитые идеи. Но на это нужно время. Говорят, время лечит. По-моему, это вранье. Время ничего не делает. Оно лечит, только если человек хочет этого. Я видела, как время для больного человека только ухудшает ситуацию. Он думает, размышляет, превращает муху в слона –

ему только дай время.

– И вы полагаете, что это могло произойти в данном случае?

Размышления Рут Зардо настолько отвечали его собственным, что ему казалось, будто она читает его мысли. Вот только понимала ли она, что это делает ее идеальной подозреваемой?

– Могло.

По пути назад в деревню Николь сказала Гамашу о приклеенной к зеркалу в туалете бумажке и о ее поисках, в результате которых были обнаружены шампунь, мыло и коврик для ванной. Гамаш подтвердил уверенность Николь, что ему это не по уму: услышав ее слова, он только рассмеялся.

– Начнем, – сказала Соланж Френетт через несколько минут после появления Гамаша, Бовуара и Рут.

Клара и Питер уже сидели в кабинете.

– Я позвонила в Нотариальный департамент в Квебеке, и они просмотрели официальный регистр завещаний. По их данным, последнее завещание мисс Нил было составлено двадцать восьмого мая этого года. Предыдущее составлялось десять лет назад. Оно было аннулировано. Ее воля выражена просто. После покрытия расходов на похороны и погашения всех долгов, налогов и прочая она оставляет дом и все в нем находящееся Кларе Морроу.

Кровь отхлынула от лица Клара. Она хотела услышать голос Джейн, почувствовать, как руки Джейн обнимают ее. Услышать ее смех. Она жаждала общества Джейн.

– Мисс Нил просит Клару устроить вечеринку, пригласить определенных людей – список есть в ее завещании – и попросить каждого из них взять какую-нибудь вещь из ее дома. Свою машину она оставляет Рут Зардо, свою библиотеку – Мирне. Все остальное переходит Кларе Морроу.

– Это сколько будет? – К облегчению Клары, вопрос этот задала Рут.

Клара хотела знать, но так, чтобы не показаться корыстной.

– Сегодня утром я сделала несколько звонков и произвела кое-какие подсчеты. После уплаты налогов остается около четверти миллиона долларов.

Из комнаты словно выкачали воздух. Клара не могла поверить. Она богата, они будут богаты. Как она ни боролась с собой, но ей виделась новая машина, новое постельное белье и хороший обед в монреальском ресторане. И…

– Есть еще две вещи. Это конверты. Один для вас, миссис Зардо.

Рут взяла конверт и стрельнула взглядом в Гамаша, который внимательно наблюдал за происходящим.

– Другой конверт для Йоланды Фонтейн. Кто ей передаст?

Никто не выразил желания. Наконец Клара сказала:

– Я передам.

Когда они оказались за пределами кабинета нотариуса, Гамаш подошел к Питеру и Кларе:

– Я бы хотел, чтобы вы помогли мне в доме мисс Нил. Теперь, насколько я понимаю, это ваш дом.

– Я и представить себе не могу, что когда-нибудь буду думать о нем как о чем-то ином, нежели дом Джейн.

– Надеюсь, что это не так, – сказал Гамаш, слегка улыбнувшись Кларе.

– Конечно мы вам поможем, – сказал Питер. – Что мы должны сделать?

– Я хочу, чтобы вы оба пришли в дом и просто взглянули на него.

Большего он говорить не хотел.

Странным образом самое большее воздействие на Клару оказали запахи. Этот безошибочно узнаваемый запах Джейн, кофе и древесного дымка. Еле ощутимый аромат свежей выпечки и псины. И «Флорис», единственная блажь, которую она себе позволяла. Джейн была в восторге от туалетной воды «Флорис» и на Рождество заказывала себе этот маленький подарок из Лондона.

Полицейские обшаривали каждый уголок в доме, снимали отпечатки пальцев, брали образцы тканей, рассматривали фотографии. Из-за их присутствия дом казался совсем чужим, но Клара знала, что Джейн тоже здесь, в пространствах между чужими людьми. Гамаш провел Клару и Питера через знакомую им кухню к распашной двери. К двери, через которую они никогда не проходили. Часть Клары хотела развернуться и уйти домой. Никогда не видеть, что так рьяно прятала от всех них Джейн. И пройти через эту дверь сейчас было похоже на предательство в ответ на доверие Джейн, признание того, что Джейн больше уже не сможет остановить их на пороге.

Отвратительно. Ее любопытство одержало верх, словно и сомнений никаких не было, и она толкнула распашную дверь и вошла внутрь. Прямо в эту галлюцинаторную картинку из прошлого.

Ее первым порывом было рассмеяться. И после нескольких мгновений, когда она стояла ошарашенная, она и в самом деле рассмеялась.

И продолжала смеяться. Пока не заставила себя остановиться из опасения, что намочит трусы. Питера заразила эта инфекция, и он тоже начал смеяться. Гамаш, до этой минуты видевший здесь только карикатуру, улыбнулся, потом фыркнул, потом рассмеялся, а через несколько мгновений смеялся уже так, что слезы катились у него из глаз.

– Абсолютно ужасающий вкус, – сказала Клара Питеру, который, еще не отсмеявшись, стоял, сложившись пополам.

– Убедительно, детка, убедительно. – Он вздохнул и сумел поднять руку с выставленными двумя пальцами в знак того, что приступ смеха кончился, потом уперся ладонями в колени, поддерживая свое подрагивающее тело. – Ты ведь не думаешь, что Джейн настроилась на нашу волну, послала сигнал и выключилась?

– Я должна сказать, что медиум и есть послание.

Клара показала на идиотские смайлики и опять принялась смеяться до исступления, держась за Питера, чтобы не свалиться на пол.

Эта комната не только вызывала безумный смех, но и приносила облегчение. Минуту или две спустя, когда они сумели взять себя в руки, все трое двинулись наверх. В спальне, на столике рядом с кроватью Джейн, Клара увидела и взяла книгу – «Настигнутые радостью» Клайва Льюиса. От книги пахло «Флорисом».

– Не понимаю, – сказал Питер, когда они спустились по лестнице и сели у камина.

Клара не могла сдержаться. Она протянула руку и прикоснулась к одному из отливающих желтым цветом смайликов на обоях. Это был бархат. Она издала смешок, внутренне надеясь, что нового приступа с ней не случится. Нет, правда, это было слишком уж смешно.

– Почему Джейн не пускала нас в эту комнату? – спросил Питер. – Ведь не все здесь так плохо.

Все недоуменно уставились на него.

– Ну, вы же понимаете, о чем я.

– Я вас прекрасно понимаю, – подтвердил Гамаш. – У меня тоже возник этот вопрос. Если она не стыдилась этого, то почему не впускала сюда друзей? Нет, я думаю, это сделано, вероятно, намеренно, чтобы отвлечь нас.

Он замолчал. Может быть, в этом и состояло назначение этих жутких обоев. Они были каким-то хитрым ходом, уловкой, имеющей целью отвлечь их от того, что Джейн хотела скрыть. Гамаш наконец почувствовал, что, возможно, найдет отгадку того, зачем она обклеила стены этими жуткими обоями.

– В этой комнате есть что-то еще. Предмет мебели, керамика, книга. Это что-то здесь.

Они вчетвером принялись обыскивать комнату. Клара стала разглядывать старинные глиняные фигурки, о которых узнала от Оливье. Старые кружки и чаши из глины, изготовленные в Квебеке, были чуть ли не первым товаром, производившимся в колонии еще в XVIII веке. Примитивные изображения коров, свиней, цветов на грубоватой глиняной посуде. Это были ценные коллекционные экспонаты, и Оливье просто завизжит от восторга. Но прятать их не было нужды. Гамаш поставил на попа маленький письменный столик и теперь искал в нем потайные ящики, а Питер внимательно разглядывал большой сосновый комод. Клара открыла ящики шкафа, набитые кружевными салфетками и расшитыми подстилками под тарелки и столовые приборы. Она вытащила их. Они представляли собой воспроизведения пасторальных квебекских картинок середины XIX века. Она и прежде видела их на кухонном столе Джейн, накрытом для гостей. Однако она видела их и где-то еще. Они были широко распространены. Но может, это были не подражания, а оригиналы? Или же они были изменены и несли некий тайный смысл?

Ничего такого она не нашла.

– Кажется, у меня тут что-то есть.

Питер отступил от соснового комода. Тот стоял на устойчивых маленьких деревянных ножках и доходил до высоты бедра. По бокам были кованые чугунные ручки, а спереди – два небольших ящика. Насколько мог судить Питер, в комоде не имелось ни одного гвоздя, все соединения этого изделия из сосны медового цвета были шпунтовые. Он был изящный и просто сводящий с ума. В основную полость комода можно было попасть, только сняв верхушку. Но вот верхушка-то никак и не снималась. Почему-то, по какой-то причине она была заперта. Питер попытался еще раз сорвать верхушку, но она не подавалась. Бовуар, к недовольству Питера, отодвинул его в сторону и попробовал поднять верхушку сам, словно для этого существовал еще какой-то способ.

– Может, там, спереди, есть какая-то дверка, как в волшебной шкатулке, – предположила Клара, и все принялись искать.

Ничего. Тогда они все отошли назад и стали наблюдать, как Клара пытается поговорить с этим похожим на короб предметом – у нее в последнее время, кажется, это стало получаться.

– Оливье должен знать, – сказал Питер. – Если тут есть какая-то хитрость, он наверняка знает.

Гамаш задумался на секунду, потом кивнул. У них просто не

оставалось выбора. За Оливье отправили Бовуара, и через десять минут он вернулся со специалистом по антиквариату.

– Ну, где у нас больной? Матерь Божья, Дева Мария. – Он вскинул брови и уставился на стену, его худое красивое лицо выглядело мальчишески привлекательным и озадаченным. – Это кто сделал?

– Ральф Лорен. А ты думал кто? – сказал Питер.

– Уж конечно ни один гей такого не сделал бы. Об этом сундуке речь? – Он подошел к остальным. – Великолепно. Такие штуки использовались для чаепития в семнадцатом веке. Но этот сделали в Квебеке. Все очень просто, но далеко не примитивно. Вы хотите его открыть?

– Если не возражаете, – ответил Гамаш.

Клара подивилась его терпению. Она сама была готова избить этого Оливье.

Знаток антиквариата обошел комод, постучал по нему в двух-трех местах, прикладывая ухо к полированной поверхности, потом остановился точно перед комодом. Ухватился за верхушку и дернул. Гамаш закатил глаза.

– Он заперт, – сказал Оливье.

– Мы это знаем, – проговорил Бовуар. – Как его отпереть?

– Ключ у вас есть?

– Если бы у нас был ключ, мы бы справились без вас.

– Хорошее соображение. Слушайте, единственное, что мне приходит в голову, – это снять петли сзади. На это может потребоваться какое-то время – они старые и проржавевшие. Не хочу их сломать.

– Прошу вас, начинайте, – сказал Гамаш. – А мы пока продолжим наши поиски.

Двадцать минут спустя Оливье сообщил, что снял последнюю петлю.

– Вам повезло, что я гений.

– Какая удача, – фыркнул Бовуар и проводил Оливье до двери, хотя тот был не прочь остаться.

Гамаш и Питер встали по две стороны комода, взялись за большой сосновый верх и подняли его. Крышка легко подалась, и через секунду они заглянули внутрь.

Ничего. Комод был пуст.

Они потратили еще несколько минут, чтобы убедиться, что там нет никаких потайных ящиков, после чего, обескураженные, вернулись на свои места у камина. Гамаш неторопливо опустился в кресло, потом обратился к Бовуару:

– Что там спрашивал Оливье? Кто украшал эту комнату?

– И что?

– Откуда мы знаем, что это сделала Джейн Нил?

– Вы думаете, что она кого-то наняла? – удивленно спросил Бовуар.

Гамаш не сводил с него взгляда.

– Нет, вы думаете, что это сделал кто-то другой, кто здесь оставался. Боже мой, какой я идиот! – воскликнул Бовуар. – Йоланда. Когда я разговаривал с ней вчера, она сказала, что украшала этот дом…

– Верно, – сказала Клара, подавшись вперед. – Я видела, как она привезла сюда приставную лестницу и какие-то битком набитые пакеты из магазина «Рона» в Кауансвилле. Мы с Питером еще говорили, уж не собирается ли она сюда переехать.

Питер согласно кивнул.

– Так это Йоланда приклеила обои? – Гамаш поднялся и снова осмотрел их. – У нее должен быть не дом, а черт знает что, если это ее работа.

– Ничего подобного, – сказал Бовуар. – Все наоборот. Все цвета желтоватые, бежевые, все со вкусом, как в образцовом доме.

– И никаких смайликов?

– Вероятно, никогда ничего подобного не было.

Гамаш поднялся и начал медленно расхаживать по комнате, опустив голову и сцепив руки за спиной. Потом он быстро направился к старинной керамике. Он начал говорить на ходу и продолжил, стоя лицом к стене, как нашкодивший школьник. Затем повернулся лицом к остальным.

– Йоланда. Чем она занимается? Какие у нее мотивы?

– Деньги? – предположил Питер после минутного молчания.

– Одобрение? – сказал Бовуар, подходя к Гамашу; возбуждение старшего инспектора передалось всем в комнате.

– Тепло, но это нечто более глубокое. Оно у нее внутри.

– Злость? – попробовал еще раз Питер.

Ему не нравилось ошибаться, но по виду Гамаша он понял, что опять не попал. После нескольких секунд молчания заговорила Клара, высказывая мысли вслух:

– Йоланда живет в созданном ею самой мире. В идеальном мире из магазина, хотя ее муж уголовник, сын – отморозок, а сама она лжет, мошенничает и ворует. И она не настоящая блондинка, крашеная, если вы не сообразили. Она вообще ненастоящая, судя по тому, что я знаю. Живет отрицанием…

– Вот оно. – Гамаш чуть не подпрыгнул, как ведущий

телевикторины. – Отрицание. Она живет отрицанием. У нее же все спрятано. Вот откуда весь этот грим. Это маска. Ее лицо – это маска, неудачная попытка прикрыть нечто уродливое. – Он повернулся к стене, опустился на колени и приложил руки к обойному шву. – Люди не склонны изменять своим привычкам. Вот что здесь не так. Если бы ты сказал, – обратился он к Бовуару, – что у Йоланды и дома такие же обои, это было бы одно, но у нее дома обои другие. Так зачем ей понадобился этот маскарад?

– Чтобы спрятать что-то, – сказала Клара, становясь на колени рядом с ним.

Гамаш нащупал отошедший уголок обойной полосы.

– Именно.

Он осторожно отодрал уголок и продолжил дальше, пока не обнажилось около фута стены, на которой оказались другие обои.

– Может быть, она наклеила два слоя? – спросила Клара разочарованно.

– Вряд ли у нее было на это время, – сказал Гамаш.

Клара пододвинулась ближе:

– Питер, посмотри-ка сюда.

Он встал рядом с ними на колени у нижнего слоя обоев.

– Но это не обои, – сказал он, ошеломленно глядя на Клару.

– И верно, – кивнула Клара.

– Да что же это, скажите, бога ради! – проговорил Гамаш.

– Это рисунок Джейн, – сказала Клара. – Это она написала.

Гамаш пригляделся – и тогда увидел. Яркие цвета, детские мазки. Он не мог понять, что там изображено, – был снят едва ли фут обоев, – но это явно было написано мисс Нил.

– Неужели такое возможно? – спросил он Клару, когда они поднялись и оглядели комнату.

– Что возможно? – спросил Бовуар. – Voyons[47], о чем вы говорите?

– Обои, – сказал Гамаш. – Я ошибался. Их назначение состояло не в том, чтобы отвлечь нас от чего-то, а в том, чтобы скрыть. Под этими обоями роспись, оставленная мисс Нил.

– Но эти обои повсюду, – возразил Бовуар. – Не могла же она…

Он замолчал, увидев странное выражение на лице шефа. «Наверное, могла. Неужели это возможно?» – подумал Бовуар. Он присоединился к остальным, и все они стали поворачиваться, новыми глазами оглядывая комнату. Все стены? Потолок? Даже полы? Бовуар понял, что сильно недооценивал англичан и их стремление к безумию.

– А наверху? – спросил он.

Гамаш встретился с ним взглядом, и слово будто на миг повисло в воздухе. Гамаш кивнул.

– C’est incroyable[48], – прошептали они в унисон.

Клара лишилась дара речи, а Питер уже приступил к делу: подошел еще к одному шву в другом конце комнаты и принялся осторожно снимать обои.

– Тут тоже, – сказал он, вставая.

– Это был ее стыд, – сказал Гамаш, и Клара услышала истину в его словах.

За час Питер и Клара расстелили на полу брезент и передвинули мебель. Прежде чем уйти, Гамаш попросил их снять обои со стены и по возможности удалить краску. Клара позвонила Бену, и он тут же согласился стать их помощником. Она была рада. Она бы позвонила и Мирне, которая была куда как трудолюбивее Бена, но эта работа требовала аккуратности и некоторых художественных навыков, и тут Бен, конечно, мог дать Мирне фору.

– Сколько на это, по-вашему, уйдет времени? – спросил Гамаш.

– Честно? Включая потолок и пол? Может, год.

Гамаш нахмурился.

– Это важно? – спросила Клара.

– Думаю, что да. Я не знаю наверняка, но мне так кажется.

– Мы постараемся по возможности скорее. Ведь нужно сохранить то, что под обоями. Но я думаю, мы многое сможем снять, чтобы получить представление о том, что там, внизу.

К счастью, Йоланда действовала в спешке и кое-как, стену не подготовила, так что обои отходили от нее легко. И, к облегчению Питера и Клары, она не замазала грунтовкой то, что было создано Джейн. Они начали после ланча и работали с небольшим перерывом на пиво и чипсы посреди дня. Вечером Питер поставил осветители, и они продолжили. Правда, Бен работать прекратил, сказав, что у него побаливает локтевой сустав.

Около семи вечера усталые и измочаленные Питер и Клара решили прерваться на обед и присоединились к Бену у камина. Бену наконец удалось уложить дрова и поджечь их, и теперь они обнаружили, что он, попивая красное вино и положив ногу на скамеечку, читает последний полученный Джейн номер «Гардиан уикли». Пришел Габри, принес китайскую закуску. До него дошли слухи о том, что в доме Джейн

наблюдается какая-то активность, и ему отчаянно захотелось своими глазами увидеть, что там происходит. Он даже отрепетировал свое появление в доме Джейн.

Когда он вошел в комнату, его громадная фигура в куртке и шарфе показалась еще крупнее. Остановившись как вкопанный в центре и убедившись, что его слушают, он проговорил:

– Убийственные обои – кто-то из нас двоих должен уйти[49].

Его внимательная аудитория разразилась одобрительным смехом, взяла у него еду и вытолкала из комнаты, чувствуя, что двух покойников – Джейн и Оскара Уайльда – для этой комнаты будет многовато.

Они работали допоздна и сдались около полуночи; они слишком устали, чтобы и дальше доверять своим рукам, и их обоих слегка подташнивало от растворителя. Бен к тому времени уже давно ушел домой.

На следующее утро при свете дня они увидели, что сделали около четырех квадратных футов наверху и четверть одной стены внизу. Похоже, Гамаш был прав: Джейн покрыла росписью каждый дюйм своего дома. А Йоланда поверх наложила обои или краску. К середине дня работа еще немного продвинулась. Клара отступила от очищенной стены с работой Джейн. Теперь уже было видно достаточно, чтобы понять, насколько это удивительно. В работе Джейн, казалось, были и система, и замысел. Вот только пока непонятно, какой замысел.

– Бога ради, Бен, это все, что ты сделал?

Огорченная Клара не сумела сдержаться. Питеру наверху удалось очистить фута два, а Бен не сделал почти ничего; правда, то, что он сделал, было блестяще. Кристально ясно и прекрасно. Но недостаточно. Если они хотят раскрыть убийство, им нужно очистить все стены. И быстро. Клара чувствовала, как нарастает ее тревога, и понимала, что становится одержимой.

– Извини, – одновременно сказали они оба.

Потом Бен встал и посмотрел на нее сверху вниз, как виноватая собака:

– Извини, Клара. Я знаю, что работаю медленно, но я постараюсь работать быстрее. Это приходит с опытом.

– Бог с ним. – Она обняла его за тонкую талию. – Пора выпить пива. Мы вскоре сможем вернуться к работе.

Бен оживился, положил ей руку на плечо. Они вдвоем прошли мимо Питера, который проводил их взглядом, и вдвоем спустились по лестнице.

К вечеру была очищена бóльшая часть стен. Они позвонили Гамашу, и

тот принес пиво и пиццу и привел Бовуара.

– Ответ здесь, – просто сказал Гамаш с банкой пива в руке. Они ели перед камином в гостиной, аромат супербольшой пиццы заглушал запах растворителя, которым удаляли краску. – Ответ в этой комнате с ее искусством. Я это чувствую. Это не простое совпадение, что Джейн приглашает всех вас сюда в тот день, когда принята ее работа, а потом оказывается убитой за несколько часов до того, как это увидят все.

– У нас есть кое-что, чтобы показать вам, – сказала Клара, отряхивая джинсы и вставая. – Мы очистили бо́льшую часть стен. Начнем сверху?

Схватив куски пиццы, они поспешили наверх. В комнате, где работал Питер, царил полумрак и было сложно в полной мере оценить творение Джейн, но там, где потрудился Бен, дела обстояли иначе. Хотя очищенное пространство было крохотным, оно поражало. Под блестящими, смелыми мазками оживали люди и животные, а в некоторых случаях люди превращались в животных.

– Это, кажется, Нелли и Уэйн? – Гамаш указал на одно из очищенных мест.

Там очень четко была видна женщина, прямая, как кол, с коровой. Кол был тоненький, а изо рта у счастливой коровы торчал кусок хлеба.

– Великолепно, – пробормотал Гамаш.

Они вернулись в темноту внизу лестницы. Ранее Питер выключил мощный светильник, который повесил утром, чтобы было виднее работать. За обедом они ели под свет пламени в камине и мягкое сияние двух настольных ламп. Стены при этом были погружены в темноту. Теперь Питер щелкнул выключателем – и гостиную затопил свет.

Гамаш зажмурился от яркого света, но через несколько секунд открыл глаза.

Он словно оказался в пещере, в одной из тех чудесных пещер, которые иногда находят спелеологи, с древними символами и изображениями. Бегущие олени, плавающие люди. Гамаш читал об этом в «Нэшнл джиографик», и ему показалось, что его волшебным образом перенесли в одну из таких пещер здесь, в сердце Квебека, в обжитой и даже консервативной старой деревне. Как и в случае с древними рисунками, Гамаш знал, что здесь изображена история Трех Сосен и ее обитателей. Он медленно, сцепив руки за спиной, шел вдоль стен. От пола до потолка стены были покрыты изображениями сельских сценок, классных комнат, детей, животных и взрослых, и все они пели, играли, работали. На нескольких фрагментах были изображены какие-то происшествия, а по меньшей мере на одном – похороны.

Ему больше не казалось, что он идет по пещере. Теперь его окружала жизнь. Он отошел на два шага назад и почувствовал, что слезы жгут ему глаза. Он снова крепко зажмурил их, надеясь, что если кто увидит, то решит – это от яркого света. В некотором роде так оно и было. Его переполняли эмоции. Грусть и меланхолия. И удовольствие. Радость. Он словно поднимался над самим собой. Это выходило за пределы буквального смысла. Это был «длинный» дом Джейн. Ее жилье стало ее длинным домом, в котором присутствовало всё: все события, все предметы, все эмоции. И Гамаш знал, что убийство тоже было здесь. Где-то на этих стенах.

На следующий день Клара повезла домой Йоланде конверт. Она позвонила в сверкающий звонок из фальшивой меди и, услышав мелодию из Бетховена, попыталась взять себя в руки. Она делает это ради Джейн, она делает это ради Джейн.

– Сука! – раздался яростный вопль Йоланды.

Засим последовал поток оскорблений и обвинений, закончившийся обещанием засудить Клару за все, что она натворила.

Она делает это ради Джейн, она делает это ради Джейн.

– Ты, проклятая воровка, квадратноголовая. Этот дом принадлежит мне. Моей семье. Как ты можешь спать по ночам, сука паршивая?

Она делает это ради Джейн.

Клара подняла конверт – он привлек внимание Йоланды, и, как ребенок, которому дали что-то новое и блестящее, она прекратила орать и уставилась на конверт, словно зачарованная этой тонкой белой бумажкой.

– Это мне? Это мое? Это почерк тетушки Джейн, да?

– У меня к вам вопрос. – Клара помахала конвертом перед ее носом.

– Давай сюда. – Йоланда выбросила вперед руку, но Клара убрала конверт за спину.

– Зачем вы закрасили ее рисунки?

– Так ты их нашла? – брызгая слюной, проговорила Йоланда. – Грязные, безумные картинки. Все думали, что она такая замечательная, а в нашей семье всем было известно, что она сумасшедшая. Мои дед и бабка знали, что она чокнутая, когда она еще девчонкой была и делала эти идиотские рисунки. Они ее стыдились. Посмотришь на эти каракули – и сразу видно, что чокнутая. Моя мать говорила, что тетка хотела учиться искусству, но дед и бабка ей не позволили. Сказали ей всю правду. Сказали, что это никакое не искусство. Был скандал. Они сказали, чтобы она это никому никогда не показывала. Мы сказали ей правду. Это был наш долг.

Мы же не хотели ее обидеть, верно? Делали это ради ее же блага. И что мы за это получили? Нас вышвырнули из нашего же семейного дома. Ей даже смелости не хватило сказать, что она позволит мне вернуться, если я извинюсь. Если я о чем и жалею, так это что сказала ей: она разрушила наш дом. Чокнутая старуха.

Клара снова увидела плачущую Джейн в бистро. Слезы радости оттого, что наконец кто-то принял ее искусство. И теперь Клара поняла, чего это стоило Джейн – выставить одну из своих работ.

– Она тебя обманула? Ты и не знала, что твоя подружка чокнутая. Ну вот, теперь ты знаешь, с чем нам приходилось мириться.

– Вы и понятия не имеете, да? Не имеете ни малейшего представления о том, что вы выбросили. Вы глупая, глупая женщина, Йоланда.

Клара словно отупела – так с ней всегда происходило, если случались стычки с кем-нибудь. Ее всю трясло, и она почти теряла контроль над собой. Она заплатила за свой порыв тем, что вынуждена теперь выслушивать бесконечные обвинения и угрозы. Как это ни странно, ярость Йоланды была настолько отвратительной, что собственная ярость Клары стала утихать.

– Но почему именно такие обои? – спросила она, глядя в пунцовое лицо Йоланды.

– Отвратительные, верно? Мне показалось, что так оно и должно быть: закрыть одно уродство другим. И потом, эти обои были дешевыми.

Дверь хлопнула. Клара поняла, что конверт остался у нее в руке, и подсунула его под дверь. Всё. Она сделала это ради Джейн. И в конечном счете это было не так уж трудно – дать отпор Йоланде. Сколько лет она молча выслушивала коварные и иногда наглые нападки Йоланды, а теперь нашла способ противостоять им. Клара спросила себя: знала ли об этом Джейн, когда адресовала этот конверт своей племяннице? Знала ли она, что доставлять его придется Кларе? Знала ли, что Йоланда будет вести себя подобным образом? И знала ли она, что дает Кларе возможность научиться постоять за себя?

Шагая прочь от этого идеального безмолвного дома, Клара благодарила Джейн.

Йоланда увидела появившийся из-под двери конверт. Она вскрыла его, и перед ее взглядом предстала одна игральная карта. Дама червей. Та самая, которую тетушка Джейн оставляла на кухонном столе, когда маленькая Йоланда приезжала к ней и тетушка Джейн обещала, что утром карта будет другой. Изменится.

Она снова взглянула в конверт: ну должно же там быть еще что-нибудь. Какое-нибудь наследство от тетушки. Чек. Ключ от банковской ячейки. Но конверт был пуст. Йоланда рассмотрела карту, пытаясь вспомнить, та ли это карта, что она видела в детстве. Те ли одеяния у дамы? Один глаз на ее лице или два? Нет, пришла к выводу Йоланда. Это другая карта. Кто-то их поменял. Ее опять провели. Она направилась за ведерком, чтобы помыть крыльцо, на котором стояла Клара, а по пути бросила королеву червей в огонь.

На кой черт она нужна?

Глава двенадцатая

– Йоланда Фонтейн и ее муж Андре Маленфан, – произнес Бовуар, записывая их имена печатными буквами на листе бумаги.

Было 8.15 утра вторника. Почти полторы недели прошло со дня убийства, и следователи работали над списком подозреваемых. Двое первых были очевидны.

– Кто еще?

– Питер и Клара Морроу, – сказала Николь, отрываясь от своего блокнота, в котором рисовала закорючки.

– Мотив? – спросил Бовуар, записывая их имена.

– Деньги, – сказала Лакост. – Денег у них вечно не хватает. Вернее, не хватало. Теперь они, конечно, богаты, но до смерти мисс Нил были практически нищими. Клара Морроу из бедной семьи, так что она привычна к скромному существованию, а вот он… Он мальчик из «Золотой мили»[50] – и по рождению, и по воспитанию. Монреальский аристократ. Лучшие школы. Бал ко Дню святого Андрея[51]. Я говорила с одной из его сестер в Монреале. Она была осторожна, как и все люди ее круга, но ясно дала понять, что семья не в восторге от его выбора карьеры. В этом винят Клару. Они хотели, чтобы он занимался бизнесом. Семья считает его неудачником. По крайней мере, так думает его мать. Это довольно странно, потому что по канадским художественным стандартам он настоящая звезда. В прошлом году продал картин на десять тысяч долларов, но это все еще ниже уровня бедности. Клара выручила около тысячи долларов. Живут они экономно. Машина требует ремонта, как и дом. Зимой она преподает живопись, чтобы оплачивать счета. Иногда берутся за реставрационные работы. А в общем, живут впроголодь.

– Его мать жива? – спросил Гамаш, пытаясь произвести быстрый подсчет в уме.

– Ей девяносто два, – ответила Лакост. – Настоящая мумия, но дышит. Вспыхивает как спичка – такой у старухи характер. Она их всех еще переживет. По семейному преданию, она проснулась как-то утром и обнаружила, что муж лежит рядом мертвый. Тогда она повернулась на другой бок и продолжила спать. Зачем доставлять себе лишние неудобства?

– Мы только со слов миссис Морроу знаем, что ей не было известно о завещании, – сказал Бовуар. – Однако мисс Нил вполне могла им сообщить, n’est-ce pas?[52]

– Но если им нужны были деньги, то не проще ли было взять у мисс Нил в долг? – спросил Гамаш.

– Может, они и просили, – сказал Бовуар. – Но она отказала. А у них была прекрасная возможность заманить ее в лес. Если Клара или Питер зашли к ней в полседьмого утра и попросили выйти без собаки, она бы пошла. Не задавая никаких вопросов.

Гамаш вынужден был согласиться.

– К тому же Питер Морроу прекрасный лучник. – Чувствуя себя в ударе, Бовуар развивал гипотезу. – Его специализация – старинные рекурсивные луки из дерева. Но кто может утверждать, что он занимается только спортивной стрельбой? Это никому не известно. И потом, как мы выяснили, ничего не стоит заменить тупой наконечник спортивной стрелы – поставить вместо него охотничий. Он мог найти такие в клубе, мог убить ее, потом почистить лук и поставить его на место. И даже если бы мы нашли его отпечатки, это ничего не значило бы. Он постоянно пользовался этими луками.

– Потом, он был членом жюри, которое отобрало ее работу для выставки, – подхватила Лакост. – Что, если он ей позавидовал, увидел в ней потенциал, вышел из себя или что-то в этом роде?

Она остановилась. Никто из них не мог себе представить, чтобы Питер Морроу вышел из себя. Но Гамаш знал, насколько сложна человеческая психика. И часто реакция бывает неадекватной, физически или эмоционально. Вполне возможно, что Питер Морроу, который всю жизнь боролся за свое искусство и одобрение семьи, увидел блеск работы Джейн Нил, и это стало для него невыносимо. Это было возможно, хотя и маловероятно. Просто возможно.

– Кто еще? – спросил Гамаш.

– Бен Хадли, – сказала Лакост. – Тоже хороший лучник и имеет доступ к оружию. Мисс Нил ему доверяла.

– Но без мотива? – спросил Гамаш.

– Ну, мотивом тут были точно не деньги, – признала Лакост. – У него самого наследство на миллионы долларов. А до этого он получал неплохое содержание.

Николь фыркнула. Она ненавидела этих детишек, кормившихся с «наследственных капиталов»: они всю жизнь ничего не делали, только ждали, когда мамочка и папочка отправятся на тот свет.

Бовуар решил, что лучше не обращать внимания на реакцию Николь.

– Кроме денег, у него мог быть какой-нибудь мотив? Лакост, ты нашла что-нибудь в бумагах в доме Джейн Нил?

– Ничего.

– Никакого дневника?

– Кроме дневника со списком людей, которые могли бы ее убить.

– Ты могла бы сказать об этом и раньше, – улыбнулся Бовуар.

Гамаш взглянул на список подозреваемых. Йоланда и Андре, Питер и Клара, Бен Хадли.

– Кто-нибудь еще? – Бовуар закрыл блокнот.

– Рут Зардо, – сказал Гамаш и объяснил, на чем основана эта гипотеза.

– Значит, ее мотив – не позволить Джейн рассказать всем о том, что она сделала много лет назад. А не проще ли ей тогда было убить Тиммер, чтобы похоронить эту тайну?

– Вообще-то, да, и это-то меня и беспокоило. Мы не знаем, убила ли Рут Зардо миссис Тиммер или нет.

– А если убила, то Джейн могла узнать об этом? – спросила Лакост.

– Или подозревать. Она, как мне кажется, была человеком такого типа, что могла пойти прямо к Рут и выложить ей свои подозрения. Она, вероятно, думала, что это убийство из сострадания, с целью избавить подругу от мучений.

– Вот только Рут Зардо не смогла бы выстрелить из лука, – сказал Бовуар.

– Верно. Но она могла нанять кого-нибудь, кто мог это сделать. И был готов на что угодно ради денег.

– Маленфан, – сказал Бовуар с мрачноватой улыбочкой.

Клара сидела в своей мастерской с утренним кофе и смотрела на ящик. Он все еще был на своем месте, только теперь стоял на четырех ножках, изготовленных из деревянных палок. Первоначально ей казалось, что у него должна быть одна ножка – как ствол дерева у скрадка. Такой образ пришел ей в голову во время обряда в лесу, когда она подняла голову и увидела скрадок. Скрадок и слепота. Люди, использующие скрадок, чтобы не видеть жестокость собственных поступков, чтобы не видеть красоту того, что они собираются уничтожить. Идеальное название для этой охотничьей придумки. Скрадок. Именно это слово и определяло чувства Клары в последние дни. Убийца Джейн был из этой категории людей. Но только кто он? Чего она не видит?

Однако идея с одной ножкой в виде ствола не сработала. Ящик оказался неустойчивым, грозился вот-вот упасть. Поэтому она добавила ему еще ножек, и то, что было укромным местом наверху, скрадком, превратилось в домик на длинных ходулях. Но все равно что-то было здесь

не так. Теплее. Ей еще нужно было что-то увидеть. Как и всегда, размышляя над этой проблемой, Клара должна была очистить свои мысли и ждать, когда ее осенит.

Бовуар и агент Лакост обыскивали дом Маленфана. Лакост была готова к грязи и вони, такой густой, что ее можно увидеть в воздухе. Но к тому, что предстало ее глазам, она не была готова. Она стояла в спальне Бернара, и ей было нехорошо. Здесь все было идеально – ни одного грязного носка, ни одной тарелки с засохшей едой. Ее детям не исполнилось и пяти, а их комната уже выглядела и пахла, как берег при низком приливе. А этому парню сколько? Четырнадцать? А в его комнате пахло лимонным освежителем. У Лакост тошнота подступала к горлу. Она надела перчатки и начала обыск, спрашивая себя, не стоит ли в подвале гроб, в котором спит этот парень.

Десять минут спустя она нашла кое-что, хотя и не то, что предполагала. Она вышла из комнаты Бернара в гостиную так, чтобы непременно перехватить взгляд парня. Свернув документ, она незаметно положила его в пакет для вещдоков. Но не настолько незаметно, чтобы не увидел Бернар. И вот тогда она впервые увидела страх на его лице.

– Посмотри-ка, что я нашел, – сказал Бовуар, выходя из другой спальни с большой картонной папкой. – Занятно, что это было приклеено лентой к заднику картины в вашей спальне, – сказал он, видя перекошенное лицо Йоланды (она словно лимон откусила) и сдержанную ухмылку Андре.

Бовуар открыл папку и стал просматривать ее содержимое. Это были наброски, черновые наброски, которые делала Джейн Нил на ярмарках с 1943 года.

– Почему вы забрали это?

– Забрали? Кто тут сказал «забрали»? Тетушка Джейн подарила их нам, – сказала Йоланда самым своим убедительным голосом – так агент по продаже недвижимости должен говорить «крыша почти новая».

Бовуар не купился на ее убедительность.

– И вы прикрепили эту папку к эстампу с маяком?

– Она сказала, чтобы мы не держали это на свету, – сказала Йоланда голосом, каким агенты говорят «водопроводные трубы без свинца».

– Почему не обклеили их обоями?

Андре расхохотался, но Йоланда пресекла его смех.

– Ну ладно, мы их забираем, – сказал Бовуар.

Время приближалось к ланчу, и ему хотелось пива и сэндвич.

– А мальчик? – спросила Лакост, подыгрывая Бовуару. – Он

несовершеннолетний. Его нельзя оставлять без родителей.

– Нужно вызвать кого-нибудь из ювенального отдела.

– Нет!

Йоланда схватила Бернара и попыталась его обнять. Нет, она его не отпустит. Впрочем, самого Бернара вовсе не обескуражила перспектива оказаться в детском приюте. Судя по виду Андре, он тоже не возражал против этой идеи. А Йоланда была готова рухнуть в обморок.

– Или, – сказал Бовуар в приступе вдохновения, – вы могли бы сделать нам одолжение и сказать правду, прежде чем собственники переменят свое мнение.

Он помахал папкой. Отчасти он корил себя за то, что использует Бернара, но это можно было пережить.

Уловка сработала. Как оказалось, Йоланда нашла эту папку в доме тетушки Джейн на кофейном столике. Лежала себе открыто. Йоланда говорила об этом так, будто нашла старый номер журнала. Она хотела бросить папку в огонь, но потом решила сохранить эти картинки из уважения и любви к дорогой тетушке Джейн.

– Так почему вы их взяли? – повторил Бовуар, направляясь к двери.

– Ну хорошо-хорошо, я подумала, что они чего-то стоят.

– Мне показалось, что вам было ненавистно творчество тетушки.

– На хрен нам это искусство, дерьмо собачье, – сказал Андре. – Я думал, может, продам это ее друзьям. Может, Бену Хадли.

– А зачем ему это нужно?

– Ну, у него же куча денег, и если сказать, что иначе мы их сожжем, он захочет их спасти.

– Но зачем было выносить их из дома? Почему не оставить там?

– Потому что они вызывают у меня отвращение. – Йоланда преобразилась. Вся косметика в мире – а она была близка к тому, чтобы обмазаться всей косметикой, какая есть, – не могла скрыть ту омерзительную личность, которую призваны были спрятать эти слои. В мгновение ока она превратилась в злобную женщину средних лет, всю перекрученную и гротесковую, как модерновая скульптура из металла. Сплошная ржавчина и острые углы. Даже Бернар отпрянул от нее подальше. – Мне нужно было, чтобы они находились там, где их никто не увидит.

Бовуар написал на листе бумаге акт изъятия папки и протянул Йоланде, которая взяла его наманикюренными пальцами так, словно это была туалетная бумага.

Клара устала ждать, когда деревянный ящик заговорит с нею, и отправилась в дом Джейн продолжать работу. Она уже прозревала шедевр в том, что оставила Джейн. Одна гигантская настенная роспись, подобие Сикстинской капеллы или «Тайной вечери» да Винчи. Клара, не колеблясь, проводила такие параллели. Джейн удавалось передать те же чувства и явления, что мы видим на картинах этих мастеров. Благоговение. Сотворение. Удивление. Томление. Даже, в случае Джейн, лесоразведение.

Бен, даже если бы захотел, не смог бы работать медленнее. Но Клара продолжала напоминать себе, что по большому счету это не имеет значения. Дай только время – и они откроют все наследство Джейн.

– Боже мой, какой кошмар. – Голос Рут прозвучал громко и звонко.

Клара поднялась из подвала с ведром. Рут и Гамаш стояли в центре гостиной, и Клара слегка приуныла, когда увидела и Бена, стоящего у стола.

– Это ты сделал? – пожелала узнать Рут.

– Я только помог это раскрыть, а рисовала Джейн.

– Никогда не думала, что скажу это, но я на стороне Йоланды. Замажьте все снова.

– Я хочу тебе показать кое-что. – Клара взяла Рут под локоток и подвела к дальней стене. – Посмотри-ка на это.

В фигурке на картине безошибочно угадывалась девочка Рут, она стояла в здании школы и держала за руку мать. Маленькая Рут, высокая и неуклюжая, вместо ног учебники. Ноги-энциклопедии. В волосах танцуют поросята. А это могло означать одно из двух.

– У меня в детстве были косички как поросячьи хвостики, – сказала Рут, явно прочитав мысли Клары.

Другие дети смеялись, но одна девочка шла к ней с распростертыми объятиями. Рут застыла, ошеломленная, перед стеной в гостиной Джейн.

Дженни чмокнула меня,
Выскочив стремглав из кресла.
Радость солнечного дня
Для меня опять воскресла!
Пусть немолод я и сед,
Не блещу своим нарядом,
Пусть я беден – горя нет.
Дженни рядом[53].

Рут прочла это стихотворение шепотом, а все остальные в молчании выслушали его.

– Это Ли Хант[54]. «Рондо». Если бы я за всю жизнь написала только одно это стихотворение, я бы не желала ничего большего. Я и не думала, что Джейн помнит, не думала, что это для нее что-то значит. Я тогда впервые вошла туда – мой отец как раз поступил работать на лесопилку. Мне было восемь лет, совсем еще девчонка, высокая и, как видите, уродливая. И даже тогда не очень деликатная. Но когда я появилась в школе и меня охватил ужас, Джейн прошла по всему коридору и поцеловала меня. Она ведь меня даже не знала, но это для нее не имело значения. Когда мы впервые увидели друг друга, Джейн меня поцеловала.

Рут глубоко вздохнула и неторопливо оглядела комнату увлажнившимися светло-голубыми глазами. Потом медленно покачала головой и прошептала:

– Это поразительно. Ах, Джейн, как жалко.

– Что вам жалко? – спросил Гамаш.

– Что она не знала, как сильно мы ее любим, а потому прятала это от нас. – Рут горько усмехнулась. – Я думала, что рана на сердце только у меня. Какая я идиотка.

– Я думаю, ключ к убийству Джейн здесь, – сказал Гамаш, глядя, как старуха ковыляет по комнате. – Полагаю, ее убили, потому что она хотела всем показать это. Я не знаю за что, но вы должны знать. Вы были знакомы с ней всю жизнь, и я прошу вас рассказать, что вы здесь видите. Что вас поражает, какие особенности вы здесь видите, чего, наоборот, не видите…

– Бульшая часть того, что наверху, еще не расчищена, – сказала Клара и увидела, как сморщился Бен.

– Я прошу вас, постарайтесь побыстрее.

– Не знаю, – сказала Рут. – Я должна выступать на Генеральной Ассамблее ООН, а ты, Клара, кажется, получаешь Нобелевскую премию.

– Да, в области изящных искусств.

– Я отменил и то и другое, – сказал Гамаш, думая, что маленькая Рут Зардо оказывает плохое влияние на Клару.

Они улыбнулись, закивали. Бен и Клара вернулись наверх, а Рут двинулась вдоль стен, разглядывая изображения, иногда охая, если что-нибудь уж слишком сильно задевало ее за живое. Гамаш сидел в большом кожаном кресле у огня, впитывая в себя эту настенную живопись.

Сюзанна заехала за Мэтью позднее в тот день – он был у своей сестры в Кауансвилле, оставался в городе, пока чиновник опекунского совета не

закончил своего расследования. Хотя Филипп отверг все обвинения в насильственных действиях, опекунский совет должен был провести собственное расследование, которое так ничего и не выявило. В глубине души Мэтью был разочарован. Не потому, конечно, что его освободили. Просто он понес слишком большой ущерб, и ему хотелось, чтобы было сделано публичное заявление, подтверждающее, что он замечательный отец. Добрый, сострадательный, твердый отец. Любящий родитель.

Он давно уже простил Филиппа, ему даже не хотелось знать, почему Филипп сделал это, но теперь, стоя в этой кухне, которая видела столько дней рождения, столько рождественских утр, где готовилось столько всяких сладостей и вкусностей, он понимал, что жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. Слишком многое было сказано, слишком многое было сделано. Но еще он знал, что если дать себе труд, то ситуацию можно улучшить. Неясно было только, захочет ли Филипп трудиться на этом поприще. Полторы недели назад он, рассерженный, ждал, что сын сам придет к нему. Он тогда ошибался. Теперь он сам собирался прийти к сыну.

– Да? – послышался мрачный голос в ответ на его осторожный стук.

– Можно к тебе? Я хочу поговорить. Без криков. Чтобы покончить с недоразумениями. Хорошо?

– Как скажешь.

– Филипп. – Мэтью сел на стул у стола и повернулся лицом к мальчишке, который лежал на помятой кровати. – Я сделал что-то такое, что тебя обидело. Моя беда в том, что я не знаю, что же я такое сделал. Я мозги наизнанку вывернул. Может, дело в подвале? Ты злишься, что тебе нужно делать там уборку?

– Нет.

– Может, я накричал на тебя или сказал что-то, что тебя задело. Я не буду сердиться. Ты мне просто скажи, чтобы я знал, и мы поговорим об этом.

– Нет.

– Филипп, я не сержусь на тебя за то, что ты сделал. И ни минуты не сердился. Я был обижен и не понимал, что происходит, – это да. Но я на тебя не сердился. Я тебя люблю. Ты можешь поговорить со мной? Что бы это ни было – скажи мне.

Мэтью посмотрел на сына и впервые почти что за год увидел ранимого, умного, доброго мальчика. Филипп смотрел на отца и хотел сказать ему. И почти что сказал. Почти что. Он стоял на обрыве, его носки уже были над пропастью, и он смотрел в небытие. Его отец предлагал ему сделать шаг вперед, понадеявшись, что все будет хорошо. Что он, отец,

подхватит его, не даст упасть. И нужно отдать должное Филиппу, он все же взвешивал такую возможность – закрыть глаза, сделать этот шаг и упасть в руки отца.

Но он не смог. Он смотрел на свои старые рабочие ботинки и в мучительных подробностях видел грязь и обрывки листьев, налипшие к ним.

Гамаш сидел в бистро Оливье у огня и ждал, когда его обслужат. Он только что появился, а люди, которые занимали лучшие места, только что ушли. На столе еще лежали оставленные ими чаевые. Гамаш подавил в себе мимолетное желание прикарманить деньги. Еще одно чудачество длинного дома.

– Привет. Можно к вам присоединиться?

Гамаш поднялся и слегка наклонил голову, приветствуя Мирну, потом показал на диван у камина:

– Прошу.

– Столько всяких потрясений, – сказала Мирна. – Говорят, дом Джейн просто полон чудес.

– Вы его еще не видели?

– Нет. Хотела дождаться четверга.

– Четверга? А что будет в четверг?

– Клара у вас не спрашивала?

– Это может оскорбить мои чувства? Полицейские Квебекской полиции крайне чувствительны. Так что будет в четверг?

– В четверг? Так вы тоже идете? – спросил Габри.

На нем был маленький передник, и он изображал Джулию Чайльд[55].

– Пока еще нет.

– Не берите в голову. Я слышал, ураган «Кайл» обрушился на побережье Флориды. Видел по «Метеомедиа».

– Я тоже видела, – сказала Мирна. – И когда он доберется до нас?

– Через несколько дней. Конечно, к тому времени он станет тропической бурей. Или как уж их там называют, когда они доходят до Квебека.

Габри посмотрел в окно, словно предполагая, что эта самая буря вот-вот появится из-за ближайшего холма. Вид у него был озабоченный. Шторма никогда не сулили ничего хорошего.

Гамаш пощупал пальцами ценник, прикрепленный к кофейному столику.

– Оливье ко всему прикрепляет ценники, – сообщил ему Габри. –

Включая и приватный туалет, благодарю за внимание. К счастью, мне хватает такта и хорошего вкуса, чтобы не обращать внимания на этот единственный недостаток Оливье. Я думаю, он зовется корыстью. Так что для вас – стаканчик вина или, может, канделябр?

Мирна заказала красное вино, а Гамаш – виски.

– В четверг Клара устраивает вечеринку в честь Джейн – так, как Джейн указала в завещании, – сообщила Мирна, когда принесли выпивку, с которой появились и две лакричные трубочки. – Это будет после вернисажа в Уильямсбурге. Теперь, если Клара спросит, вы должны будете сказать, что пытали меня.

– Хотите, чтобы меня опять отстранили? Квебекская полиция пытает черную женщину?

– Разве вас за это не повысят в звании?

Гамаш поймал взгляд Мирны. Никто из них не улыбнулся. Оба знали, что зерно истины в этом есть. Гамаш спрашивал себя, знает ли Мирна о его роли в деле Арно и о той цене, которую он заплатил. Он надеялся, что не знает. Полиция хорошо умела узнавать секреты других людей и хранить собственные.

– Опа, – сказала Клара, садясь в большое кресло по другую сторону камина. – До чего же хорошо не вдыхать эту вонь минерального растворителя. Иду домой готовить ужин.

– Кажется, тебе пришлось сделать крюк? – спросила Мирна.

– Мы, художественные натуры, никогда не ходим по прямой. Если только речь не идет о Питере. Он начинает в пункте А и рисует, рисует, рисует, пока не дойдет до пункта Б.

Она поманила Габри и заказала пива с орешками.

– Как идет реставрация?

– По-моему, прекрасно. Я там оставила Бена и Рут. Рут нашла буфет с алкоголем и теперь пишет стихи, уставясь в стену. Чем занят Бен – один Господь Бог знает. Может, наносит краску. Могу поклясться, он стал умственно отсталым. И все же здорово, что он там, и, по правде говоря, то, что он делает, – это просто фантастика.

– Питер больше не помогает? – спросила Мирна.

– Нет-нет, он работает. Только мы с ним включаемся по очереди. Я провожу там большую часть дня. Это как наркотик. Питер любит работать, поймите меня правильно, но он работает так, как считает нужным.

Появился Габри с пивом.

– С тебя сто тысяч долларов.

– Поцелуй себя в задницу на прощанье.

– Если бы я мог целовать себя в задницу, то зачем бы мне был нужен Оливье?

– Мы тут говорили о четверге, – вмешался Гамаш. – Я слышал, будет вечеринка.

– Вы не возражаете? Я хотела все устроить, как просила Джейн в завещании.

– Надеюсь, ураган не разрушит наши планы, – сказал Габри, всегда готовый внести нотку мелодрамы.

«Жаль, – подумал Гамаш, – что я не подумал об этом». Он знал, что Клара устраивает что-то вроде поминок по своему другу, но это собрание могло иметь и очень практическую цель. Оно могло выявить убийцу.

– Не возражаю войти в число приглашенных.

Изабель Лакост оторвалась от компьютера – она писала отчет о проведенном в доме Фонтейн-Маленфан обыске и посещении доктора, лечившего Тиммер. Доктор вывел на монитор компьютера историю болезни Тиммер и наконец с большой осторожностью признал: да, существует ничтожная вероятность того, что кто-то ускорил ее уход в мир иной.

– С помощью морфия – это единственный способ. В ее состоянии многого и не потребовалось. Она его уже принимала – нужно было только чуть-чуть увеличить дозу.

– Вы это не проверяли?

– Не видел такой необходимости.

Потом он снова задумался. Лакост была неплохим следователем и не торопила его. Она ждала. И вот он заговорил снова:

– Такое часто случается в подобных ситуациях. Друг, а чаще член семьи дает больному смертельную дозу. Из милосердия. Это происходит чаще, чем мы думаем. Или хотим знать. Существует что-то вроде молчаливого согласия: когда летальный исход неизбежен в конце жизни, мы закрываем глаза на такие вещи.

Лакост могла втайне сочувствовать этому и в глубине души считала, что это правильно, но в данном случае вопрос был в другом и речь о милосердии не шла.

– Есть какая-нибудь возможность проверить это?

– Ее кремировали. По ее желанию.

Он выключил компьютер.

А два часа спустя она выключила свой. Была половина седьмого, и за окном стояла тьма-тьмущая. Прежде чем отправляться домой, ей нужно

было поговорить с Гамашем о том, что́ она нашла в спальне Бернара. Ночь была холодная, и Лакост наглухо застегнула свою камуфляжную куртку, а потом двинулась по мостику через речушку Белла-Беллу в самый центр Трех Сосен.

– Отдайте мне.

– Bonjour, Бернар.

Она узнала этот грубый голос, даже еще не увидев мальчишку.

– Отдайте. – Бернар Маленфан шагнул к ней.

– Ты не хочешь мне рассказать об этом?

– В жопу твои рассказы. Отдавай.

Он поднес кулак к ее лицу, но не ударил.

Изабель Лакост сталкивалась с серийными убийцами, снайперами, жестокими пьяными мужьями и иллюзий не питала. Злобный, потерявший над собой контроль четырнадцатилетний мальчишка был не менее опасен.

– Ну-ка, опусти кулак. Ты ничего не получишь, так что оставь свои угрозы.

Бернар ухватил ее сумку, постарался вырвать у нее из рук, но Лакост ждала этого. Она знала, что большинство мальчишек и даже некоторые не очень умные мужчины недооценивают женщин. Она была сильной, решительной и умной. Она не потеряла голову и вывернула сумку из его руки.

– Сука. Это даже не мое. Ты думаешь, я стал бы держать у себя такое говно?!

Последнее слово он прокричал ей в лицо, и она почувствовала его слюну у себя на подбородке, дурной запах из его рта.

– Тогда чье же это? – ровным голосом спросила она, пытаясь сдержать рвотную реакцию.

Бернар злобно ухмыльнулся:

– Ты что, шутишь? Так я тебе и сказал.

– Эй, там у вас все в порядке?

К ним со стороны моста быстро направлялась женщина с собакой.

Бернар развернулся и увидел их. Он схватил свой велосипед и помчался прочь, вырулив так, чтобы наехать на собаку, но промахнулся.

– С вами все в порядке? – повторила женщина и дотронулась до Лакост. Та узнала ее: Ханна Парра. – Это был младший Маленфан?

– Да. Мы поговорили. Я в порядке, но вам спасибо.

И она не лукавила. В Монреале ей никто бы не помог.

– Не за что.

Они пересекли Белла-Беллу и оказались в Трех Соснах. У бистро они

расстались, попрощавшись.

Оказавшись в светлом и теплом бистро, Лакост первым делом прошла в туалет и долго терла лицо ароматным мылом, потом плескала в него свежей водой. Отмывшись, она заказала мартини и поймала взгляд шефа. Он кивнул, показывая на небольшой уединенный столик. Мартини, вазочка с орешками и шеф перед ней – теперь Лакост расслабилась. Она рассказала Гамашу про обыск в спальне Бернара и протянула шефу изъятый предмет.

– Опа, – сказал Гамаш, разглядывая предмет. – Отдай в лабораторию, пусть снимут отпечатки пальцев. И Бернар, значит, отрицает, что это принадлежит ему? Он не сказал, чье это?

Лакост отрицательно покачала головой.

– И ты поверила, что это не его?

– Не знаю. Мне не хочется ему верить, но какой-то инстинкт подсказывает, что он говорит правду.

Только с Гамашем она могла говорить о чутье, интуиции, инстинкте, не испытывая при этом комплекса неполноценности. Он кивнул и предложил ей пообедать перед отъездом в Монреаль, но она отказалась. Она хотела увидеть семью, прежде чем они все улягутся спать.

Гамаш проснулся от стука в дверь. Его прикроватные часы показывали 2:47. Он надел халат и, открыв дверь, увидел Иветт Николь в невероятно ворсистом розово-белом одеянии.

Ей в эту ночь не спалось, она ворочалась с боку на бок и наконец свернулась калачиком, уставясь в стену. Как дело дошло до этого? Она чувствовала, что движется к катастрофе. Что-то пошло не так. Совсем не в ту сторону. Но каким образом? Она ведь старалась изо всех сил.

И теперь среди ночи с ней заговорил прежний знакомый голос: «Это потому, что ты в конечном счете – тот же дядюшка Сол. Глупый дядюшка Сол. Твоя семья рассчитывала на тебя, а ты все пустила коту под хвост. Стыдно!»

Николь почувствовала комок в груди и перевернулась на другой бок. Посмотрела в окно и увидела свет на другой стороне деревенского луга. Она выскочила из кровати, надела халат и побежала к Гамашу.

– Там свет горит, – сказала она без всяких вступлений.

– Где?

– По другую сторону. В доме Джейн Нил. Загорелся несколько минут назад.

– Будите инспектора Бовуара. Пусть ждет меня внизу.

– Да, сэр.

Николь ушла, а пять минут спустя Гамаш увидел растрепанного инспектора Бовуара на лестнице. Они уже собирались уходить, когда услышали, как по лестнице спускается Николь.

– Оставайтесь здесь, – приказал Гамаш.

– Нет, сэр. Это мой свет.

С тем же успехом она могла бы сказать «синий дверной подсвечник» – для Гамаша и Бовуара это имело бы такой же смысл.

– Оставайтесь здесь. Это приказ. Услышите выстрелы – вызывайте помощь.

Они быстрым шагом пересекали деревенский луг в направлении дома Джейн Нил, когда Гамашу пришло в голову спросить:

– Ты взял пистолет?

– Нет. А вы?

– Нет. Но ты должен знать, что пистолет есть у Николь. А, да ладно.

Они видели свет в комнате: внизу, в гостиной, и наверху. Гамаш и Бовуар делали это сотни раз, они знали последовательность шагов назубок. Гамаш всегда входил первым, следом за ним Бовуар, готовый отбросить шефа с линии огня.

Гамаш молча вошел в темную прихожую, поднялся на две ступеньки, ведущие в кухню. На цыпочках он прошел к двери в гостиную и прислушался. До него доносились голоса. Мужской и женский. Неузнаваемые и неразборчивые. Он дал знак Бовуару, глубоко вздохнул и распахнул дверь.

Бен и Клара, ошарашенные, смотрели на них из середины комнаты. У Гамаша было такое чувство, будто он оказался в декорациях одной из комедий Ноэла Кауарда[56]. Бену не хватало только пластрона на шею да бокала мартини в руке. И Клара скорее была бы на месте на арене цирка. На ней был ярко-красный фланелевый комбинезончик, возможно с лючком сзади.

– Мы сдаемся, – сказала Клара.

– И мы тоже, – сказал Бовуар, глядя на ее одеяние.

Чтобы франкоязычная канадка оделась таким образом – ни за что в жизни!

– Чем вы тут занимаетесь? – взял быка за рога Гамаш.

Было три часа ночи, и он уже настроился на какую-нибудь стычку. Ему хотелось поскорее вернуться в постель.

– Именно этот вопрос я и задала Бену. После смерти Джейн я неважно сплю, ну вот и сейчас встала в туалет, смотрю – а тут свет горит. Я и пришла узнать, что тут происходит.

– Одна?

– Не хотела будить Питера, к тому же это ведь дом Джейн, – сказала она так, будто это что-то объясняло.

Гамашу показалось, что он понял. Кларе это место представлялось безопасным. Нужно будет поговорить с ней.

– Мистер Хадли, а вы что здесь делаете?

У Бена был сконфуженный вид.

– Я поставил будильник, чтобы прийти сюда. Я хотел, ну, понимаете, подняться туда, наверх.

Вся эта речь была настолько неинформативна и неинтересна, что Бовуар чуть было не уснул стоя.

– Продолжайте, – кивнул Гамаш.

– Ну, поработать хотел. Стену расчистить. Вы вчера сказали, как для вас это важно – увидеть всю картину и все такое. Ну и потом, Клара, конечно.

– Я слушаю, слушаю, – подбодрил его Гамаш.

Краем глаза он видел, что Бовуара слегка покачивает.

– Ты пыталась это скрыть, но я же видел, что ты на меня сердишься, – сказал Бен Кларе. – Я работаю очень медленно. Да и живу, думаю, неторопливо. Ну вот, хотел сделать тебе сюрприз – расчистить стену. Наверное, глупая была идея.

– По-моему, идея была прекрасная, – сказала Клара. Она подошла к Бену и обняла его. – Но ты ведь так только устанешь, а завтра опять будешь как сонная муха.

– Я об этом не подумал, – признал Бен. – Вы все же не возражаете, если я поработаю часик-другой?

– Я не возражаю, – сказал Гамаш. – Но в следующий раз, пожалуйста, ставьте нас в известность.

– Может, мне остаться помочь тебе? – предложила Клара.

Бен помедлил, – казалось, он вот-вот скажет что-то, но он только отрицательно покачал головой. Уходя, Гамаш повернулся и посмотрел на Бена – тот стоял, как маленький потерявшийся мальчик.

Глава тринадцатая

Настал вечер четверга, и на вернисаж в Уильямсбурге пришло рекордное число посетителей. Хвост урагана «Кайл», судя по прогнозу, должен был добраться сюда лишь ближе к ночи, и эти ожидания добавили остроты к их ожиданиям, словно приход на открытие выставки был равносилен подвигу и говорил о характере и мужестве. Что, впрочем, было не так уже далеко от истины для большинства Уильямсбургских выставок.

На предыдущее открытие пришли лишь сами художники да несколько взъерошенных друзей, которые подкрепились вином и козьим сыром – коза была у одного из членов совета. Этим вечером у полотна Джейн собралась ворчливая толпа людей; картина стояла на пюпитре в центре зала, укрытая отрезком материи. На белых стенах висели работы других художников, рядом стояли их авторы. Им не повезло: их работы были отобраны для выставки, на которой центром внимания была картина убитой женщины. Некоторые из сочувствия к убитой, возможно, смирились с тем, что они окажутся в тени, но, что бы они ни говорили, что бы ни думали, она превосходила их. Жизнь художника была полна несправедливостей.

Гамаш ждал, когда снимут материю с «Ярмарочного дня». Комитет выставки решил сделать из этого «событие», а потому пригласили прессу, то есть «Уильямсбург каунти ньюс», и теперь председатель жюри ждала «le moment juste»[57]. Гамаш завистливо посмотрел на Жана Ги, который удобно расположился в кресле и не желал уступать его пожилому человеку. Гамаш был на грани изнеможения. Плохое искусство всегда оказывало на него такое действие. Но, откровенно говоря, такое действие на него оказывало любое искусство. Плохое вино, вонючий сыр и дурно пахнущее искусство лишали его желания жить. Он огляделся и пришел к печальному, но неизбежному выводу, что, когда «Кайл» доберется до города ближе к ночи, это здание неизбежно обрушится.

– Всем вам известно, что трагический случай похитил у нас прекрасную женщину и, как выяснилось, талантливого художника, – сказала председатель жюри Элиз Джейкоб.

Клара втиснулась между Беном и Питером. Элиз бесконечно вещала о добродетелях Джейн. Она практически канонизировала ее. Наконец, когда Клара стала выпучивать глаза, Элиз сказала:

– И теперь, без лишнего шума… – (Клара, которая знала и любила Джейн, подумала, что шума уже и без того было достаточно), –

представляю вам «Ярмарочный день» кисти Джейн Нил.

Материю сняли – и картина наконец-то предстала изумленным зрителям. Потом наступило молчание красноречивее любых слов. Люди уставились на «Ярмарочный день» – челюсти у них отвисли, кто-то смотрел с изумленной улыбкой, кто-то с отвращением, кто-то ошеломленно. Гамаш не смотрел на картину – он оглядывал людей, пытался понять их реакцию. Но единственным человеком, который реагировал более или менее странно, был Питер. Взволнованная улыбка сошла с его лица, как только картина предстала перед публикой. Он несколько минут созерцал ее, потом наклонил голову и нахмурил лоб. Гамаш, наблюдавший за этими людьми вот уже почти две недели, знал, что для Питера Морроу это равносильно крику.

– Что вы увидели?

– Ничего.

Питер повернулся спиной к Гамашу и пошел прочь. Гамаш последовал за ним.

– Мистер Морроу, мой вопрос никак не был связан с искусством – я имел в виду убийство. Прошу вас ответить.

Эти слова заставили Питера остановиться, замерли и многие другие, кто полагал, что Гамаш не способен на резкие слова.

– Эта картина тревожит меня. Не могу сказать вам почему, потому что и сам не знаю. Мне кажется, что это не та работа, которую мы принимали две недели назад, но в то же время я знаю, что ничего в ней не изменилось.

Гамаш уставился на «Ярмарочный день». Ему эта картина не понравилась с первого взгляда, так что тут он не мог быть объективным судьей, но в отличие от настенной живописи Джейн эта картина его ничуть не тронула.

– Так что же изменилось?

– Ничего. Может быть, изменился я. Это возможно? Это как тот фокус с игральной картой Джейн – дамой червей. Может быть, и произведения искусства тоже меняются? Я вот к концу дня смотрю на то, что написал, и мне кажется, что это здорово, а на следующее утро смотрю снова и думаю: какое дерьмо. Картина ничуть не изменилась, изменился я. Может быть, смерть Джейн так сильно меня изменила, что я больше не вижу в этой картине того, что видел прежде.

– Вы в это верите?

«Черт бы тебя подрал», – подумал Питер.

– Нет.

Они снова уставились на «Ярмарочный день», потом постепенно-

постепенно стал раздаваться шумок, которого никто из присутствующих не слышал никогда прежде. Он усиливался и дошел до такой степени громкости, что начал отдаваться в ушах зрителей. Клара почувствовала, что кровь отхлынула от ее лица и пальцев. Неужели начался шторм? Возможно, у хвоста урагана и должен быть такой звук? Неужели «Кайл» наконец-то добрался до них? Но потом она поняла, что этот рокот исходит откуда-то из глубин здания. Что его источником является этот зал, что он находится где-то рядом с Кларой. Она повернулась и увидела этот источник. Рут.

– Это я! – сказала Рут, ткнув пальцем в танцующую козу на картине.

Рокот перешел в фонтан смеха. Рут хохотала до упаду – ей пришлось ухватиться за Габри. Ее смех заразил всех присутствующих, засмеялись даже самые кислые лица и забытые художники. Бульшая часть вечера ушла на разглядывание картины, в которой люди находили себя или своих знакомых. Рут нашла родителей Тиммер, ее брата и сестру, уже ушедших в мир иной. Там была и учительница начальной школы, муж Тиммер и класс, в котором они обе учились. Они были еще птенцами. Примерно за час почти все фигуры на картине были опознаны. А Питер продолжал смотреть, не присоединяясь к общему смеху.

Что-то здесь было не так.

– Я поняла! – Клара показала на картину. – Это было написано на заключительном шествии, верно? В тот день, когда умерла твоя мать. Посмотри, разве это не она?

Клара показала Бену на облако с короткими ножками. Летающий ягненок.

– Ты права, – рассмеялась Мирна. – Это Тиммер.

– Понимаешь, это дань Джейн твоей матери. Все, кто есть на этой картине, имели для нее какое-то значение. От ее бабушки и дедушки до собаки, до всех, кто между ними. – Клара повернулась к Питеру. – Ты помнишь наш последний обед?

– На День благодарения?

– Да-да. Мы говорили о высоком искусстве, и я сказала, что, на мой взгляд, искусство становится искусством, когда художник вкладывает в него частичку себя. Я спросила у Джейн, что она вложила в эту работу. И помнишь, что она ответила?

– Извини, не помню.

– Она подтвердила, что вложила в картину частичку себя, что у картины есть свой смысл. Она еще не была уверена, поймем ли мы его. Я даже помню, что она смотрела на Бена, когда говорила это, словно тебе это должно быть понятно. Я тогда спрашивала себя, что она имеет в виду, а

теперь мне стало ясно. Это посвящено твоей матери.

– Ты так думаешь?

Бен подошел к Кларе и уставился на картину.

– Нет, не вижу тут никакой логики, – сказала агент Николь, которая снялась со своего поста у дверей, привлеченная смехом, будто преступлением.

Гамаш двинулся к ней, надеясь пресечь ее высказывания, прежде чем она скажет что-нибудь совершенно оскорбительное. Но его ноги, хотя и длинные, не успели за ее языком.

– Кто была Йоланда для Тиммер? И вообще, знали ли они друг друга? – Николь указала на лицо светловолосой женщины на трибунах рядом с акриловыми Питером и Кларой. – Зачем бы стала Джейн Нил изображать племянницу, которую сама же и презирала? Нет, это не может быть данью миссис Хадли, если тут присутствует эта женщина.

Николь явно наслаждалась тем, что утерла нос Кларе, а Клара против воли закипала гневом. Она молча уставилась на это самоуверенное молодое лицо по другую сторону пюпитра. Больше всего ее огорчило то, что девица была права. Действительно, на «Ярмарочном дне» была изображена крупная блондинка, и Клара знала, что Тиммер, мягко говоря, не любила Йоланду сильнее, чем ее не любила Джейн.

– Позвольте вас на секунду, – сказал Гамаш, становясь между Кларой и Николь так, чтобы Клара больше не видела торжествующего взгляда молодой женщины.

Не тратя слов, Гамаш повернулся и пошел к выходу. Николь, помедлив секунду, двинулась следом.

– Завтра утром в шесть часов из Сен-Реми уходит автобус в Монреаль. Садитесь на него и уезжайте.

Больше ему сказать было нечего. Агент Николь осталась на холодном темном крыльце. Ее трясло от ярости. Она хотела молотить кулаками в захлопнувшуюся дверь. Все дороги теперь закрылись для нее – и вот она в очередной раз оказалась выкинутой на обочину. Дрожа от злости, она подошла к окну и заглянула внутрь, туда, где толклись люди, увидела Гамаша, который разговаривал с этой Морроу и ее мужем. Но на картине было и что-то еще. Через несколько секунд она поняла, что это ее отражение.

Как она объяснит это отцу? Испортила все собственными руками. Что-то где-то сделала не так. Но что? Никакие доводы разума на Николь не действовали. Она не могла думать ни о чем другом – только о том, как вернется в их маленький домик с безукоризненным садиком на восточной

окраине Монреаля и скажет отцу, что ее выкинули из дела. Позор. Одна фраза, возникшая в ходе следствия, пришла вдруг ей в голову.

«Перед тобой проблема».

Это имело какой-то смысл. Она была уверена: какой-то важный смысл. И вдруг она поняла.

Этой проблемой был Гамаш.

Вот он стоит там, разговаривает, смеется, самодовольный и даже не думающий о той боли, которую ей причинил. Он ничем не отличался от тех чехословацких полицейских, о которых ей рассказывал отец. Как же она могла быть такой слепой? Она с облегчением поняла, что ей ничего не нужно рассказывать отцу. Ведь это была не ее вина.

Николь отвернулась от веселящихся людей и собственного одинокого отражения – это зрелище приносило ей боль.

Час спустя собравшиеся переместились из выставочного зала в дом Джейн. Ветер усиливался, начинал накрапывать дождик. Клара расположилась в центре гостиной, как могла бы расположиться Джейн, чтобы видеть реакцию всех, кто входит.

Часто раздавалось «Боже мой», или «Черт возьми», или «Tabarouette». А также, словно эхом, разносилось «Tabarnouche» и «Tabarnacle». Гостиная Джейн превратилась в святилище для разноязычной брани. Клара чувствовала себя в своей тарелке. Держа в одной руке стакан с пивом, а в другой – горсть орешков кешью, она смотрела на прибывающих гостей, которые от удивления разевали рты. Бульшая часть стен внизу была очищена, и перед зрителями разворачивалась география и история Трех Сосен. Пантеры и рыси, давно исчезнувшие, мальчики, отправляющиеся на Первую мировую войну, а оттуда прямо на скромное витражное стекло Святого Томаса, установленное в честь погибших. Рядом с Уильямсбургским полицейским отделением расположились плантации конопли, в окне сидел довольный кот и смотрел на эти густые заросли.

Клара, конечно, первым делом нашла себя. Ее лицо высовывалось из старых садовых роз, а Питер стоял на четвереньках за благородной статуей Бена в шортах, установленной на газоне перед домом матери. Питер был в одеянии Робин Гуда, в руках держал лук и стрелы, а Бен стоял отважный и сильный, устремив взгляд в сторону дома. Клара внимательно обследовала роспись – не обнаружатся ли змеи, выползающие из старого дома Хадли, но ничего не нашла.

Дом быстро наполнялся смехом, визгами и воплями узнавания. А иногда человек разражался слезами, причину которых и сам не мог

объяснить. Гамаш и Бовуар ходили по комнате, смотрели, слушали.

– Меня привлекает очарование этих образов, – сказала Мирна Кларе. – Даже смерти, несчастные случаи, похороны, неурожаи – даже в них есть какая-то жизнь. Она сделала их естественными.

– Эй, – окликнула Клара Бена, и он тут же поспешил к ней. – Посмотри на себя. – Она показала на изображение.

– Очень смелый. – Он улыбнулся. – Словно из скалы высечен.

Гамаш посмотрел на изображение Бена: сильный мужчина, но смотрит в сторону родительского дома. Не в первый раз ему пришло в голову, что смерть Тиммер Хадли случилась очень вовремя для ее сына. Он наконец-то смог выйти из ее тени. Но любопытно, что в тени-то как раз оказывался Питер. В тени Бена. Гамаш спрашивал себя, что бы это могло значить. Он начинал понимать, что дом Джейн был ключом ко всему местному сообществу. Джейн Нил была очень наблюдательной женщиной.

В этот момент появилась Элиз Джейкоб и, войдя, кивнула Гамашу:

– Ой-ой, ну и погодка… – Но тут ее взгляд привлекла стена за его спиной.

Потом она развернулась и стала рассматривать противоположную стену.

– Господь милостивый, – сказала эта привлекательная, холеная женщина, махая Гамашу и всем остальным так, словно она первая увидела эту настенную живопись.

Гамаш просто улыбнулся; он смотрел на нее и ждал, когда она придет в себя.

– Вы привезли? – спросил он, хотя и не был уверен, что она в состоянии слушать.

– C’est brillant, – прошептала она. – Formidable. Magnifique[58]. Черт меня побери!

Гамаш был человеком терпеливым, он дал ей несколько минут, чтобы оглядеть комнату. И к тому же у него появилась какая-то гордость за этот дом, словно он был причастен к его созданию.

– Это, конечно же, гениально, – сказала Элиз. – Перед тем как выйти на пенсию и обосноваться здесь, я работала хранителем в Музее изящных искусств в Оттаве.

И снова Гамаш удивился людям, которые выбрали себе жилье в этих краях. Может быть, Маргарет Этвуд стала мусорщиком? А премьер-министр Малруни сменил профессию и стал почтальоном?[59] На поверку все оказывались не теми, кем выглядели. Никто не умещался в отведенных

для них рамках. А для одного человека в этой комнате и вовсе не хватало никаких рамок.

– Кто бы мог подумать, что это все написала та самая женщина, из-под чьей кисти вышел «Ярмарочный день»? – продолжала Элиз. – Я думаю, у нас у всех бывают плохие дни. И все же она могла бы выбрать что-нибудь получше для представления жюри.

– У нее больше ничего не было, – сказал Гамаш. – По крайней мере, это единственное, что у нее имелось не на строительных материалах.

– Это странно.

– По меньшей мере, – согласился Гамаш. – Так вы принесли, что я просил?

– Да, оставила в прихожей.

Минуту спустя Гамаш установил «Ярмарочный день» на пюпитр в центре комнаты. Теперь все художественное наследство Джейн было здесь.

Он стоял не двигаясь и смотрел. Гости пили вино, узнавали все больше и больше людей и событий на стенах, а потому в комнате становилось все шумнее. Лишь Клара вела себя как-то необычно. Гамаш наблюдал, как она подошла к «Ярмарочному дню», потом отступила к стене. Опять подошла к «Ярмарочному дню» – и снова к тому же месту у стены. Опять к пюпитру, но на этот раз целеустремленно. Потом она чуть ли не бегом бросилась к стене и надолго замерла там. И наконец очень медленно, словно забывшись в мыслях, вернулась к «Ярмарочному дню».

– Что вы увидели? – спросил Гамаш, подойдя к ней.

– Это не Йоланда, – сказала Клара, показывая на светловолосую женщину рядом с Питером.

– Почему вы так думаете?

– Вот смотрите. – Клара показала на стену, которую разглядывала. – Вот Йоланда, написанная рукой Джейн. Черты сходства есть, но их не много.

Гамашу нужно было убедиться в этом самому, хотя он и не сомневался в правоте Клары. Да, единственное, в чем она ошибалась, так это в том, что тут были какие-то общие черты. Насколько он мог судить, их не было вообще. Йоланда на стене, пусть и изображенная ребенком, была точно Йоландой. Не только физически, но и эмоционально. Она излучала презрение, корысть и что-то еще. Коварство. Все это было у фигуры на стене. И еще убогость. На картине же стоящая на трибуне женщина была простой блондинкой.

– Тогда кто она? – спросил он, вернувшись к Кларе.

– Не знаю. Но я уверена в одном. Вы заметили, что Джейн не

выдумала ни одного лица? Все, кто на этих стенах, – люди, которых она знала, люди из деревни.

– Или приезжие, – сказал Гамаш.

– Вообще-то, – сказала Рут, присоединяясь к их разговору, – здесь нет приезжих. Люди, которые уехали, но приезжают погостить, – да, такие бывают, но они считаются местными. Она знала всех, кого изобразила на этих стенах.

– И на «Ярмарочном дне» тоже все, кого она знала, кроме этой. – Клара ткнула орешком в светловолосую женщину. – Она посторонняя. Но это еще не все. Я все спрашивала себя, что не так в «Ярмарочном дне». Это явно работа Джейн, но в то же время и не ее. Если это ее первая работа, то я бы сказала, что она не нашла своего стиля. Но ведь это ее последняя работа. – Клара вгляделась в картину. – Здесь все сильное, уверенное, целеустремленное. Но в целом картина не работает.

– Она права, – сказала Элиз. – В целом не работает.

Кружок у «Ярмарочного дня» все увеличивался, гостей интересовала эта загадка.

– Но она работала, когда мы рассматривали ее на жюри, верно? – обратилась Клара к Питеру. – Все дело в ней. Джейн ее не рисовала. – Клара указала прямым, как лом, обвиняющим перстом на блондинку рядом с Питером.

Все головы, словно их всосало в трубу, придвинулись к центру круга и уставились на лицо.

– Вот почему эта картина не работает, – продолжила Клара. – Прежде работала, но лицо изменилось. Тот, кто это сделал, изменил всю картину, сам того не понимая.

– Почему вы уверены, что это лицо рисовала не Джейн? – спросил Гамаш, чей голос приобрел официальный оттенок.

Бовуар услышал это из другого конца комнаты и подошел, вытаскивая блокнот и ручку.

– Прежде всего, здесь это единственное лицо, которое не кажется живым. – (Гамаш вынужден был с этим согласиться). – Но это субъективно. Если хотите, то есть и фактическое доказательство.

– Хорошо бы его узнать для разнообразия.

– Смотрите… – Клара снова показала на изображенную женщину. – Боже милостивый, я вот теперь смотрю внимательно и удивляюсь, как не заметила этого прежде, – просто слепая была, наверное. Это как огромный нарост.

Хотя гости и смотрели во все глаза, но не видели, о чем она говорит.

– Вот. – Клара провела пальцем по лицу женщины, и теперь все увидели неумелые мазки. – Это как бородавка, жуткий дефект. – Она показала на почти невидимые ворсистые отметины. – Это сделано лоскутком и растворителем. Верно я говорю, Бен?

Но Бен продолжал пялиться на картину так, что у него чуть глаза не перекосило.

– А это – мазки кисти. Все не так. Посмотрите на лицо Питера рядом с ней. Там мазки совсем иные. – Клара повела рукой вправо-влево, потом вниз-вверх. – Вверх и вниз. Джейн не делала мазки снизу вверх или сверху вниз. Все горизонтальные и ни одного вертикального. Посмотрите на волосы этой женщины. Все мазки вертикальные. Да это сразу видно. А краску видите?

Она повернулась к Питеру, который, похоже, чувствовал себя неловко.

– Нет. Ничего необычного в краске я не вижу.

– Да брось ты. Посмотри. Белые оттенки другие. Джейн здесь, здесь и здесь использовала титановые белила. А вот тут, – она показала на глаза женщины, – цинковые белила. А вот желтая охра, – Клара показала на жилет женщины, – а Джейн никогда не пользовалась охрой, только кадмием. Это же очевидно. Знаете, мы столько пользовались красками, преподавая живопись, а иногда и зарабатывали немного на реставрации для Маккорда[60], что я могу вам точно определить автора по нескольким мазкам, я уж не говорю про их выбор кистей и красок.

– Зачем кому-то понадобилось замазывать лицо? – спросила Мирна.

– Хороший вопрос, – сказал Гамаш.

– И не единственный. Зачем добавлять лицо – да, это отличный вопрос, но тот, кто это сделал, он еще и уничтожил лицо. Это видно по мазкам. Они не просто идут по лицу, нарисованному Джейн, они стирают его. Я этого не понимаю. Если Джейн или кто-то другой хотел стереть лицо, то достаточно было просто наложить на него новый слой. Это можно сделать акриловой краской. Все так и делают. Но чтобы стирать – такого никогда. Вы просто замазываете свои ошибки.

– Но если просто наложить сверху новый слой, то его потом можно будет снять и восстановить то, что под ним? – спросил Гамаш.

– Это довольно сложно, но для хорошего реставратора не проблема. Что-то вроде того, чем мы заняты наверху – снимаем слой краски, чтобы увидеть, что под ним. А на полотне это можно сделать еще и с помощью рентгеновского аппарата. Изображение будет чуть расплывчатым, но общее впечатление вы получите. А тут его просто уничтожили.

– Тот, кто это сделал, не хотел, чтобы мы видели то, что нарисовала

Джейн, – сказала Клара. – Поэтому она удалила первое лицо и нарисовала новое.

– Но они выдали себя, стерев оригинальное лицо и нарисовав на его месте новое, – вставил Бен. – Они не знали манеры Джейн. Ее кода. Нарисовали лицо, не понимая, что Джейн никогда бы так не написала…

– И мазки они делали не те.

– В таком случае с меня подозрения снимаются, – сказал Габри.

– Но зачем это было нужно? То есть я хочу понять, чье лицо тут стерли.

На несколько секунд наступило молчание, все думали.

– Вы можете убрать это лицо и воссоздать то, что было прежде? – спросил Гамаш.

– Возможно. Все зависит от того, насколько тщательно удаляли оригинальное лицо. Вы думаете, это сделал убийца? – спросила Клара.

– Да. Только я не понимаю, зачем ему это понадобилось.

– Вы несколько минут назад сказали, что это сделала «она», – обратился к Кларе Бовуар. – Почему?

– Наверное, потому, что новое лицо – женское. Я предположила, что тот, кто это сделал, пошел по самому легкому пути – использовал то, что мы каждый день видим в зеркале.

– Вы думаете, это лицо убийцы? – спросил Бовуар.

– Нет, это было бы глупо. Я думаю, что это просто говорит о поле убийцы. В стрессовой ситуации белый человек, скорее всего, изобразит белого человека, а не черного. И не белую женщину. Он изобразит то, с чем больше всего знаком. То же самое и здесь.

«Хорошее соображение», – подумал Гамаш. Но еще он подумал, что если мужчина рисует с целью ввести в заблуждение, то он вполне может изобразить и женщину.

– Для того чтобы сделать это, требуется мастерство? – спросил он.

– Чтобы удалить одно лицо и нарисовать другое? Да, и немалое. Чтобы удалить лицо, особого мастерства не требуется, просто нужно знать, как это делается. Вот вы знаете? – спросила она Бовуара.

– Понятия не имею. Вы говорили о растворителях и лоскуте материи. Но я впервые услышал об этих растворителях несколько дней назад, когда вы начали здесь работать.

– Вот именно. Художники знают о таких вещах, а большинство людей – нет. Когда лицо смыто, нужно нарисовать другое в стиле Джейн. Для этого требуется мастерство. Тот, кто это сделал, – художник. И я думаю, неплохой. Мы не сразу заметили ошибку. А может, вообще никогда не

заметили бы, если бы ваша агент Николь не была такой беспардонной. Она сказала, что это Йоланда. А я так разозлилась, что принялась искать Йоланду, написанную Джейн, чтобы убедиться, так ли это. Оказалось, что не так. Но это заставило меня внимательнее приглядеться к лицу, попытаться понять, кто здесь изображен. Вот тогда-то я и увидела различия. Так что можете сказать Николь, что она способствовала установлению истины.

– Что-нибудь еще ей от вас передать? – спросил Бовуар, улыбаясь Кларе.

Гамаш ни в коем случае не собирался говорить Николь, что ее грубость сыграла положительную роль, но в то же время он понимал, что, отправь он Николь в Монреаль раньше, они бы не продвинулись в расследовании. В некотором смысле Клара была права, только она забыла и себе отдать должное. Ее собственная потребность опровергнуть Николь тоже сыграла немалую роль.

– Вы сочли, что «Ярмарочный день» подходит для выставки, когда рассматривали картину на заседании жюри в пятницу перед Днем благодарения? – спросил он у Питера.

– На мой взгляд, это была блестящая работа.

– Но в понедельник она уже изменилась, – сказала Клара, обращаясь к Бовуару и Гамашу. – Помните тот день, когда вы приходили и я показывала вам «Ярмарочный день»? Уже тогда волшебство исчезло.

– Суббота и воскресенье, – сказал Бовуар. – Два дня. В этот период убийца изменил картину. Джейн Нил убили утром в воскресенье.

Они все смотрели на картину, словно побуждая ее сказать, кто это сделал. Гамаш знал, что «Ярмарочный день» вопиет об истине. Причина убийства Джейн Нил была скрыта в этой картине. Клара услышала стук в окно гостиной и пошла посмотреть, кто там. Глядя в темноту, она увидела ветку дерева, бьющую по стеклу. До них добрался ураган «Кайл» и теперь просился в дом.

Гости начали быстро расходиться, все поспешили по домам или к машинам, пока буря не разыгралась в полную силу.

– Смотри, чтобы дом на тебя не свалился! – прокричал Габри вслед Рут, которая, исчезая в темноте, возможно, показала ему средний палец, а возможно, и нет.

«Ярмарочный день» забрали в гостиницу, где в большой гостиной за ликером и эспрессо собралось несколько человек. В камине потрескивал огонек, а снаружи стонал «Кайл», срывая листья с деревьев. Дождь хлестал по окнам, стекла дрожали в рамах. Собравшиеся инстинктивно жались в

кружок, поближе к огню, выпивке и друг другу.

– Кто знал о «Ярмарочном дне» до убийства мисс Нил? – спросил Гамаш.

В гостиной сидели Питер, Клара, а также Бен, Оливье и Мирна.

– Члены жюри, – сказал Питер.

– А в пятницу вечером за обедом вы об этом говорили?

– Да, мы много об этом говорили, Джейн даже описывала картину, – подтвердила Клара.

– Это не одно и то же, – сказал Гамаш. – Кто до сегодняшнего вечера видел картину?

Они посмотрели друг на друга, отрицательно покачивая головой.

– Кто, вы говорите, был в жюри? – спросил Бовуар.

– Анри Ларивьер, Айрини Кальфа, Элиз Джейкоб, Клара и я, – сказал Питер.

– А кто еще мог ее видеть? – снова спросил Гамаш.

Это был критический вопрос. Убийца расправился с Джейн из-за «Ярмарочного дня». Он или она должны были видеть картину и угрозу, которую она несет, и этого было достаточно, чтобы изменить картину и убить Джейн.

– Айзек Кой, – сказала Клара. – Он попечитель. И не исключено, что любой, кто заходил на другую выставку – абстрактного искусства, мог забрести в хранилище и увидеть ее.

– Но это маловероятно, – возразил Гамаш.

– Да, такую случайность можно исключить, – сказала Клара. Она поднялась. – Извините, кажется, я оставила сумочку у Джейн. Сбегаю и возьму.

– В такую бурю? – недоуменно спросила Мирна.

– Я, пожалуй, пойду домой, – сказал Бен. – Если больше ничем не могу быть полезен.

Гамаш покачал головой, и собравшиеся начали потихоньку расходиться. Один за другим они уходили в черноту, инстинктивно поднимая руки, чтобы защитить лицо. Ночь была наполнена струями дождя, мертвыми листьями и бегущими людьми.

Клара хотела подумать, а для этого она должна была добраться до своего безопасного места, каким стала кухня Джейн. Она включила весь свет и опустилась в одно из больших старинных кресел рядом с печкой.

Неужели это возможно? Она явно что-то упустила. Что-то забыла или вложила во что-то чуждый ему смысл. Впервые это пришло ей в голову,

когда она разглядывала «Ярмарочный день» во время вечеринки, хотя эта идея забрезжила в ее голове немного раньше, еще в Уильямсбурге. Но тогда она отринула эту мысль. Слишком мучительно. Слишком близко. Невыносимо близко.

Но эта же самая треклятая мысль неумолимо вернулась к ней только что в гостинице. Они рассматривали картину, и все вдруг встало на свои места в ее голове. Все улики, все намеки. Все логично соединилось. Домой она пойти не могла. Пока не могла. Она боялась идти домой.

– И что вы думаете? – спросил Бовуар, сидевший в кресле напротив Гамаша.

Николь расположилась на диване с журналом, наказывая Гамаша своим молчанием. Габри и Оливье отправились спать.

– Йоланда, – ответил Гамаш. – Я то и дело возвращаюсь к этому семейству. Столько ниточек ведут прямо к нему. История с киданием помета, обклейка стен обоями. У Андре есть охотничий лук.

– Но у него нет рекурсивного лука, – мрачно возразил Бовуар.

– Он мог его уничтожить, – сказал Гамаш. – Но зачем вообще им пользоваться, вот в чем вопрос. Зачем кому-то использовать старый лук вместо нового, композитного?

– Если только это не сделала женщина, – сказал Бовуар. Это была его любимая часть работы – сидеть вечерком с шефом перед камином со стаканчиком в руке и обсуждать обстоятельства преступления. – Рекурсивным пользоваться проще, к тому же он легче. Мы видели это по Сюзанне Крофт. Она не смогла выстрелить из современного лука, но старым явно пользовалась. И мы снова возвращаемся к Йоланде. Она знала о художнических способностях тетушки лучше, чем кто-либо другой, а искусство в семье играло немалую роль. Если покопаться, то мы, вероятно, обнаружим, что она когда-то рисовала. Тут все рисуют. Я думаю, это закон.

– Хорошо, давай подумаем. Зачем Йоланде убивать Джейн?

– Ради денег или ради дома, что в принципе одно и то же. Она, наверное, думала, что является наследницей. Возможно, дала взятку этому жулику-нотариусу в Уильямсбурге, чтобы получить информацию. А то, что ей позарез нужно было узнать, что там написала тетушка в завещании, сомнений не вызывает.

– Согласен. Но как это связано с «Ярмарочным днем»? Что такого было в этой картине, что Йоланда решилась ее переделать? На картине изображено заключительное шествие ярмарки, состоявшейся в этом году, но, кажется, это своего рода дань Тиммер Хадли. Как могла Йоланда

увидеть эту картину? А если и увидела, то зачем ей что-то менять?

Ответа на этот вопрос не было. После нескольких минут молчания Гамаш продолжил:

– Хорошо, давай подумаем о других. Как насчет Бена Хадли?

– Почему он? – спросил Бовуар.

– У него есть доступ к лукам, есть навыки, он хорошо знает местность, мисс Нил доверилась бы ему. И он умеет рисовать. Вполне подходящая кандидатура. К тому же он член совета Уильямсбургской выставки и у него есть ключ от галереи. Он мог в любое время пройти туда и увидеть «Ярмарочный день».

– Мотив? – спросил Бовуар.

– С мотивом проблема. Очевидного мотива нет, верно? Зачем ему убивать Джейн Нил? Денег это ему не могло принести. Тогда для чего?

Гамаш, терзая свой мозг, смотрел на умирающее пламя в камине. Он спрашивал себя, не слишком ли он упорствует, не пытается ли исключить иной напрашивающийся вывод.

– Да что тут голову ломать? Это сделал Питер Морроу. Больше некому.

Гамашу не нужно было поднимать глаза – он и так знал, кто это говорит. Тыква на обложке «Хэрроусмит кантри лайф» обрела голос.

Клара смотрела на свое отражение в окне кухни Джейн и видела призрачную, испуганную женщину. Ее гипотеза была логична.

«Забудь об этом, – говорил ей внутренний голос. – Это не твое дело. Пусть полиция строит гипотезы. Бога ради, помалкивай». Это был такой соблазнительный голос, обещавший мир и спокойствие, продолжение ее прекрасной жизни в Трех Соснах. Не послушайся она этого голоса – и ее нынешняя жизнь будет уничтожена.

«Что, если ты ошибаешься? – нашептывал ей голос. – Ведь это может нанести ущерб многим людям».

Но Клара знала, что не ошибается. Она боялась потерять эту жизнь, которую так любила, этого человека, которого любила.

«Он впадет в бешенство. Будет все отрицать, – громко кричал запаниковавший теперь голос в ее голове. – Он собьет тебя с толку. Заставит тебя стыдиться того, что тебе в голову пришла такая мысль. Лучше ничего не говорить. Ты можешь потерять все, а не приобретешь ничего. И никому нет нужды знать. Никто никогда не узнает, что ты ничего не сказала».

Но Клара знала: этот голос лжет. Он ей всегда лгал. Клара это знала, и это знание так или иначе уничтожит ее жизнь.

Гамаш лежал в кровати и разглядывал «Ярмарочный день». В его голове крутились разговоры и обрывки разговоров, а он рассматривал стилизованные фигуры людей, животных и вспоминал, кто что говорил в то или иное время на протяжении последних двух недель.

Иветт Николь была права. Наиболее вероятным подозреваемым является Питер Морроу, но против него не было улик. Гамаш знал, что наилучшая возможность поймать Питера за руку – это установить факт его манипуляций с картиной и завтрашняя экспертиза. «Ярмарочный день» был для них дымящимся пистолетом в руке преступника. Но по мере, того как он разглядывал лица на картине, у него родилась еще одна мысль, такая неожиданная, что он и допустить ее не мог. Он сел на кровати. На убийцу Джейн Нил указывает вовсе не то, что есть на этой картине. Наоборот, на него указывает то, чего на картине нет. Гамаш вскочил с кровати и быстро оделся.

Клара сквозь дождь почти ничего не видела, но хуже всего был ветер. «Кайл» превратил осенние листья, такие прекрасные на деревьях, в маленькие ракеты. Они метались вокруг нее, залепляли лицо. Она защищала рукой глаза, наклонялась против ветра, спотыкалась на неровной земле. По ее плащу хлестали листья и ветки, пытаясь добраться до ее кожи. Если это не удавалось листьям, то вода была куда как успешнее. Она просачивалась в рукава, забиралась под воротник, забивалась в нос, била по глазам, стоило ей открыть веки. Но она уже почти добралась.

– Я уже начал беспокоиться. Думал, ты придешь раньше, – сказал он, шагнув ей навстречу, чтобы обнять.

Клара отступила – и обнять не получилось. Он посмотрел на нее удивленно и обиженно. Потом взглянул на ее сапоги – с них на пол стекали вода и грязь. Клара проследила за направлением его взгляда и машинально сняла сапоги, почти улыбаясь естественности этого действия. Наверное, она ошибается. Наверное, она может снять сапоги, сесть и ничего не говорить. Нет, слишком поздно. Ее губы уже начали двигаться.

– Я думала. – Она замолчала, не зная, что сказать или как сказать это.

– Я знаю. У тебя это на лице написано. И когда ты поняла?

«Значит, – подумала Клара, – он и не собирается ничего отрицать». Она не знала, как к этому относиться – с облегчением или с ужасом.

– Во время приема, но тогда я еще не поняла до конца. Мне нужно было время подумать, сообразить.

– Ты поэтому сказала «она», когда говорила о фальсификаторе?

– Да. Я хотела выиграть немного времени, может, даже сбить полицию со следа.

– Со следа ты сбила меня. Я решил, что это без задней мысли. Но потом, в гостинице, я видел, как ты думаешь. Я слишком хорошо тебя знаю. И что мы теперь будем делать?

– Мне нужно убедиться, что это и в самом деле твоя работа. Я думала, что обязана тебе этим, потому что люблю тебя.

Клара словно онемела, у нее было такое чувство, будто ее душа отделилась от тела.

– И я тебя люблю, – произнес он голосом, который вдруг показался ей угрожающим. Всегда ли так оно было? – И ты мне нужна. Сообщать об этом полиции не обязательно. Никаких улик у них нет. Даже завтрашняя экспертиза ничего не даст. Я был осторожен. Если я что-то решаю, то делаю это наилучшим образом. Но ты и сама это знаешь.

Она это знала. И подозревала, что он прав. Полиции вряд ли удастся его обвинить.

– Почему? – спросила она. – Почему ты убил Джейн? И почему ты убил свою мать?

– А ты бы этого не сделала?

Бен улыбнулся и двинулся к ней.

Гамаш разбудил Бовуара, и теперь они вдвоем молотили в дверь дома Морроу.

– Ты что, ключ забыла? – проворчал Питер, отпирая дверь. Увидев Гамаша и Бовуара, он недоуменно уставился на них. – А где Клара?

– Об этом мы у вас хотели спросить! Нам необходимо поговорить с ней. Немедленно.

– Я оставил ее в доме Джейн. Но это было, – Питер посмотрел на часы, – уже час назад.

– Времени, чтобы найти сумочку, более чем достаточно, – сказал Бовуар.

– Не было у нее сумочки. Она просто нашла предлог, чтобы уйти в дом Джейн, – объяснил Питер. – Я это знал, но решил, что она хочет побыть одна, подумать.

– И она еще не вернулась? – спросил Гамаш. – И вы не начали беспокоиться?

– Я всегда беспокоюсь за Клару. Стоит ей выйти из дома, как я начинаю беспокоиться.

Гамаш развернулся и поспешил через лесок к дому Джейн.

Клара пришла в себя от пульсирующей боли в голове. По крайней мере, она решила, что пришла в себя. Все вокруг было черно. Ослепляюще темно. Она лежала лицом на полу и вдыхала землю. Земля, влажная от дождя, впиталась в ее кожу. Промокшая от дождя одежда прилипла к телу. Ее тошнило, бил озноб – от холода она не могла сдержать дрожь. Где она? И где Бен? Она поняла, что руки связаны у нее за спиной. Она была в доме Бена. Значит, сейчас она у него в подвале. Ей помнилось, что ее тащили, и она то теряла сознание, то приходила в себя. И еще она помнила Питера. Она слышала Питера. Нет, она чувствовала его запах. Питер был где-то рядом. Питер ее тащил.

– Значит, ты пришла в себя?

Бен стоял над ней с фонариком.

– Питер? – слабым голосом позвала Клара.

Бену вроде бы это показалось забавным.

– Хорошо. Именно на это я и надеялся. Но у меня для тебя плохие новости, Клара. Питера здесь нет. Да что говорить, я думаю, эта ночь для тебя полна плохих новостей. Догадайся, где мы.

Когда Клара не ответила, Бен медленно повел лучом фонарика по стенам, потолку, полу. Кларе не нужно было много времени. Она, вероятно, знала и прежде, но ее мозг отказывался принять это.

– Ты их слышишь, Клара?

Бен снова замолчал, и Клара, конечно, услышала. Шуршание. Скольжение. Она ощущала их запах. Терпкий, болотистый запах.

Змеи.

Она в доме Тиммер. В подвале Тиммер.

– Но хорошая новость в том, что тебе не придется долго из-за них беспокоиться. – Бен поднял фонарик так, чтобы было видно его лицо. Клара заметила, что на нем одна из курток Питера. – Ты пришла сюда и свалилась с лестницы, – сказал он убедительным голосом, словно ждал, что она поддержит его. – У Гамаша, может, и будут подозрения, но больше ни у кого. Питер меня никогда не станет подозревать. А все остальные знают, какой я добрый человек. А я и есть добрый. Этот случай не в счет.

Он отвернулся от нее и пошел к деревянной лестнице, от луча фонарика на земляном полу плясали фантастические тени.

– Электричество было выключено, ты споткнулась и упала. А я сейчас ремонтирую ступеньки – они старые, все сгнили. Сколько просил мать починить их, но где уж – она готова была удавиться, а с денежками ни за что бы не рассталась. И вот теперь ты платишь за это трагическую цену. А

если Гамаш не купится на это, то я набросал достаточно улик, чтобы подозрение пало на Питера. Я думаю, на тебе сейчас столько волокон с его пиджака, что ошибиться невозможно. А часть из них ты даже вдохнула. Они найдут их при вскрытии. Ты поможешь осудить собственного мужа.

Клара, извернувшись, приняла сидячее положение. Она видела, как Бен что-то делает на лестнице, и понимала, что у нее остаются минуты, может быть, секунды. Она попыталась разорвать бечевку, связывающую ее руки. К счастью, Бен стянул их не туго. Наверное, не хотел, чтобы остались следы. Но это означало, что она может ослабить веревку, хотя совсем освободиться ей не удалось.

– Что ты там делаешь?

Бен направил луч фонарика на Клару, которая откинулась назад, чтобы скрыть свои манипуляции. Ее спина коснулась стены, и что-то проскользнуло по ее волосам и шее. Потом исчезло. «О боже. Святая Мария». Как только луч фонарика ушел в сторону, Клара принялась изо всех сил работать руками, торопясь спастись не столько от Бена, сколько от змей. Она слышала их скользкие движения по балкам и вентиляционным шахтам. Наконец она сорвала путы и бросилась в темноту.

– Клара? Клара! – Луч фонарика заметался по стенам и полу. – У меня нет для этого времени.

Бен спрыгнул с лестницы и пустился в отчаянные поиски. Клара уходила в подвал все глубже и глубже в направлении прогорклого запаха. Что-то скользнуло по ее щеке, потом упало ей на ногу. Она прикусила губу, чтобы не закричать, металлический привкус крови помог ей сосредоточиться. Она изо всей силы лягнула ногой и услышала, как что-то шмякнулось о ближайшую стену.

Гамаш, Бовуар и Питер обежали дом Джейн, хотя Гамаш и был уверен, что Клары здесь нет. Если Клару ждала какая-то беда, то не в этом доме.

– Она у Хадли, – сказал Гамаш и бросился к двери.

Когда они оказались на улице, Бовуар и Питер быстро обогнали его. Они неслись сквозь бурю к дому, в котором приглашающе горел свет, и их топот напоминал цокот копыт дикого табуна.

Клара не была уверена, что это за рев – то ли бушует «Кайл», свирепый «Кайл», то ли это дыхание с таким шумом вырывается у нее изо рта. Весь дом над ней сотрясался и стонал. Она задержала дыхание, но ее тело требовало кислорода, и через несколько мгновений она была вынуждена снова жадно и шумно набрать в грудь воздуха.

– Слышу-слышу!

Бен развернулся, но сделал это так быстро, что пальцы его инстинктивно разжались и фонарик выпал из руки на пол. Подпрыгнул и снова упал. При первом падении луч осветил лицо Клары. А при втором – свет фонарика погас, и подвал погрузился в темноту.

– Черт, – прошипел Бен.

«Боже мой, боже мой», – думала Клара. В подвале стояла полная, непроницаемая чернота. Клара в ужасе замерла. Она услышала движение справа от себя. Этого было достаточно, чтобы двинуться с места. Она тихо, медленно поползла влево, прикасаясь рукой к основанию грубой каменной стены. Она искала камень, трубу, кирпич – что угодно. Вот только…

Ее рука сомкнулась вокруг чего-то, и оно тут же обвилось вокруг ее запястья. Она судорожно швырнула змею в темноту и услышала, как та приземлилась в другом конце помещения.

– А вот и я, – прошептал Бен.

Услышав его голос, Клара поняла, что в темноте выползла прямо на него. Он был в шаге от нее, но такой же слепой, как и она. Клара присела на четвереньки и замерла в ожидании, что вот сейчас его руки нащупают ее. Но вместо этого она услышала, как он идет в другую сторону – туда, куда она швырнула змею.

– Где она? – взмолился Питер.

Они обыскали дом Бена, но нашли только лужу. Теперь Питер ходил концентрическими кругами по гостиной Бена, с каждым кругом приближаясь к Гамашу, который неподвижно стоял в центре.

– Пожалуйста, успокойтесь, мистер Морроу.

Питер остановился. Слова были произнесены мягко, но властно. Гамаш смотрел перед собой. Он едва слышал собственные мысли, настолько велика была сила бушевавшей бури снаружи и сила страха, обуявшего Питера внутри.

Клара понимала, что у нее есть два шанса, а это было больше, чем несколько минут назад. Она должна была найти лестницу или какое-нибудь оружие, чтобы прикончить Бена, прежде чем он прикончит ее. Она знала Бена. Он был силен. Но медлителен. Толку от этого ей было не много, поскольку речь о беге в подвале не шла, но иметь в виду стоило.

Она понятия не имела, где найти оружие, разве что на полу. Но если кирпич или труба могли лежать, а могли и не лежать на полу, то было кое-что, лежавшее там наверняка. Она слышала, как Бен, спотыкаясь, движется

в нескольких футах перед ней. Она развернулась и, упав на колени, поползла по земляному полу, шаря перед собой руками в надежде («Добрый Боженька, пожалуйста, помоги») найти что-нибудь, что не обовьется вокруг нее. И снова Клара услышала, как бешено колотится ее сердце. «Не надо бы так громко», – подумала она, боясь, что Бен услышит его. Ее рука нащупала что-то, и она мгновенно поняла что. Но слишком поздно. Мышеловка, щелкнув, захлопнулась на ее пальцах – сломала два средних, обожгла острой болью, и Клара, потрясенная, вскрикнула. Приток адреналина заставил ее действовать. Она сорвала мышеловку с травмированной руки и швырнула в темноту, потом откатилась в сторону, вспомнив, что мышеловки стоят вдоль стен. Стена, вероятно, находилась прямо перед ней. Если Бен мчится сквозь темноту, чтобы схватить ее…

Питер услышал, как Клара вскрикнула от боли, услышал, как резко пресекся этот крик. Они с полицейскими появились несколькими минутами ранее и обнаружили, что дверь дома Тиммер не заперта и ветер швыряет ее туда-сюда. Гамаш и Бовуар достали фонарики, посветили на пол. Мокрые следы вели вглубь темного дома. Они бегом бросились по этим следам, и, когда вбежали в кухню, раздался крик:

– Сюда!

Питер открыл дверь в пустоту. Трое мужчин одновременно устремились вниз по лестнице, идущей в подвал.

Клара откатилась в сторону и застыла, и в этот момент Бен врезался в каменную стену. Он врезался в нее на полном ходу – с разбегу. Клара ошибалась: он умел быть быстрым. Но теперь уже не таким, как секунду назад. От удара стены подвала вздрогнули. Потом Клара услышала другой звук. Ломающейся лестницы.

Глава четырнадцатая

Все происходило как при замедленной съемке. Фонарик Гамаша ударился об пол и погас, но прежде Гамаш успел увидеть Бовуара, растянувшегося на обрушившейся лестнице. Гамаш попытался откатиться в сторону, и ему это почти удалось. Одна его нога застряла между обломавшимися ступеньками, и он почувствовал и услышал, как она хрустнула под его собственным весом. Другая нога попала на что-то более мягкое, хотя и не менее шумное. Гамаш услышал, как Бовуар взвыл от боли, а потом сверху на них рухнул Питер. Он нырнул, как в бассейн с водой, и Гамаш почувствовал, как они стукнулись головами, а потом увидел столько света, сколько не было ни в подвале, ни во всей Вселенной. После чего он вырубился.

Он пришел в себя через несколько секунд и увидел лицо Клары, полное страха. Она прямо-таки излучала ужас. Он попытался встать, чтобы защитить ее, но не мог шевельнуться.

– Шеф? Вы живы? – Он перевел мутный взгляд в сторону голоса и увидел Бовуара. – Я вызвал помощь по сотовому. – Бовуар на секунду взял руку Гамаша в свою. На одну секунду.

– Я в порядке, Жан Ги. А ты?

Он вгляделся во встревоженное лицо.

– По-моему, на меня приземлился слон.

Бовуар слабо улыбнулся, с его губы сочилась кровавая ниточка. Гамаш протянул дрожащую руку и отер ее.

– Ты должен быть осторожнее, мальчик, – прошептал Гамаш. – Что Питер?

– Я тут застрял, но у меня все в порядке. Вы ударили меня головой.

Сейчас было не время разбирать, кто кого ударил.

– Вот опять. Шуршание.

Клара нашла фонарик, что теперь было не так уж трудно, поскольку в подвале мелькали лучи фонариков и люди. Она провела лучом по потолку и полу и пожалела, что фонарик может только освещать. Хорошо бы он мог действовать как огнемет. Сломанными пальцами она сжимала руку Питера, получая взамен физической боли эмоциональное утешение.

– Бен? – спросил Гамаш, надеясь, что вскоре сможет говорить более развернутыми предложениями.

Боль пронзала его ногу, в висках пульсировало, и он чувствовал, что какая-то угроза все еще таится там, в темноте подвала, что она рядом.

– Он без сознания, – сказала Клара.

Она могла бы оставить их. Хотя лестница и обрушилась, неподалеку была приставная, и по ней можно было подняться в дом.

Но она не сделала этого.

Клара никогда не чувствовала такого страха. И такой злости. Не по отношению к Бену, а по отношению к этим недоумкам, которые должны были ее спасать. А теперь ей приходилось защищать их.

– Я что-то слышу, – сказал Бовуар.

Гамаш попытался подняться на локте, но боль в ноге отдалась во всем теле с такой силой, что у него перехватило дыхание и силы оставили его. Он упал на спину и распластал руки, надеясь найти что-нибудь, что можно было бы использовать как оружие.

– Наверху, – сказал Бовуар. – Они здесь.

Гамаш и Клара никогда не слышали таких прекрасных слов.

Неделю спустя они собрались в гостиной Джейн, которая для всех них, включая Гамаша, стала почти домом. Они напоминали настоящую инвалидную команду: нога Гамаша в лубке, Бовуар согнут чуть не пополам из-за перелома ребер, у Питера забинтована голова, рука Клары в гипсе.

Наверху Габри и Оливье напевали «Дождь из мужчин»[61]. Из кухни доносилось мурлыканье Мирны, она готовила свежий хлеб и суп. За окном падал снег, огромные влажные снежинки таяли, не успевая долететь до земли, а если попадали на щеку, то это было похоже на прикосновение лошадиных губ. Последние осенние листья облетели, яблоки попадали на землю.

– Кажется, землю начинает прихватывать морозец, – сказала Мирна.

Она принесла из кухни столовые приборы и принялась накрывать складные столики перед камином, в котором потрескивал огонь. Сверху до них доносились восклицания Габри, восхищавшегося всякими безделушками в спальне Джейн.

– Корысть. Отвратительно, – сказала Рут и быстро прошла к лестнице и наверх по ступенькам.

Клара смотрела на Питера, который поднялся и пошуровал в дровах, и без того прекрасно горевших в камине. В ту ночь, когда она нашла Питера распростертым на земляном полу в подвале, она обняла его, прижала к себе. И то была самая большая близость между ними за прошедшие дни. После событий той страшной ночи он удалился на свой остров. А мост

уничтожил. Возвел высокие стены. И теперь к Питеру было не подступиться – он стал недоступен не только для нее. Нет, физически она могла взять его за руку, погладить по голове, прижаться к нему. Что она и делала. Но она знала, что прикоснуться к его сердцу больше не может.

Она посмотрела на его красивое лицо, испещренное морщинами беспокойства, исцарапанное при падении. Она знала, что он получил самую жестокую травму, которая, возможно, не залечится никогда.

– Я хочу взять вот это, – сказала Рут, спускаясь по лестнице.

Она помахала маленькой книжечкой и сунула ее в громадный карман своего потертого кардигана. Джейн в своем завещании приглашала всех своих друзей выбрать для себя на память какой-нибудь предмет из ее дома. Рут сделала свой выбор.

– Как ты догадалась, что это Бен? – спросила Мирна.

Она села и пригласила мужчин к ланчу. Тарелки с горячим супом были расставлены, в корзиночке на салфетке лежали булочки, только что с огня.

– Это пришло мне в голову во время приема здесь, в доме.

– И что такого увидела ты, что было недоступно нам? – спросил Оливье, присоединяясь к ним.

– Дело было в том, чего я не увидела. А не увидела я Бена. Я знала, что «Ярмарочный день» – это дань памяти Тиммер. Все люди, важные для Тиммер, были изображены на этой картине…

– Кроме Бена! – вставила Мирна, намазывая маслом горячую булочку и глядя, как масло сразу же начинает таять. – Как глупо не заметить этого.

– Сколько времени я потратил, прежде чем понял, – признал Гамаш. – А понял, только разглядывая «Ярмарочный день» у себя в номере. Бена на картине не было.

– Бена на картине не было, – повторила за ним Клара. – Я знала, что Джейн никак не могла его пропустить. Но его не было на картине. Оставалось только предположить, что он там был и это его лицо оказалось замазанным.

– Но почему Бен запаниковал, когда увидел «Ярмарочный день»? Что такого ужасного было в том, что он увидел себя на картине? – спросил Оливье.

– А вы подумайте, – сказал Гамаш. – Бен в последний день выставки вколол матери смертельную дозу морфия, как раз в тот момент, когда шло ярмарочное шествие. Он устроил себе алиби – все знали, что он в Оттаве на выставке антиквариата.

– И он там был?

– Да. Даже купил там кое-что. Потом примчался сюда – езды всего три

часа на машине – и дождался, когда начнется шествие…

– Он знал, что я оставлю его мать одну? Как он мог это знать? – спросила Рут.

– Он знал свою мать. Знал, что она настоит на этом.

– И она настояла. Нужно мне было остаться.

– Откуда ты могла знать, Рут? – сказал Габри.

– И что дальше? – спросил Оливье, макая свою булочку в суп. – Он посмотрел на картину и…

– Увидел себя. Явно на этом шествии, – ответил Гамаш. – На трибунах. И тогда он поверил: Джейн знает, *что* он сделал, знает, что он в тот день был в Трех Соснах.

– И он выкрал картину, стер лицо и нарисовал новое, – сказала Клара.

– Неизвестная женщина рядом с Питером, – вставила Рут. – Именно там Джейн и должна была изобразить Бена.

Питеру потребовалось сделать усилие над собой, чтобы не опустить глаза.

– Тем вечером в гостинице после вернисажа все стало ясно, – сказала Клара. – Он не начал запирать дверь после убийства. Все запирали, а Бен – нет. Потом еще скорость, с которой он работал, расчищая стены. Вернее, отсутствие всякой скорости. А в ту ночь, когда мы увидели здесь свет, Бен сказал, что пришел, чтобы компенсировать свою медлительность в расчистке стен, и я поверила, но потом мне пришло в голову, что даже для Бена это немного неубедительно.

– Как выясняется, – добавил Гамаш, – в доме Джейн он искал вот это. – Он поднял папку, которую Бовуар нашел в доме Йоланды. – Эти наброски Джейн делала на ярмарках в течение шестидесяти лет. Бен думал, что там могут обнаружиться наброски для «Ярмарочного дня», и хотел изъять их оттуда.

– А на этих набросках можно что-нибудь понять? – спросил Оливье.

– Нет, они слишком черновые.

– А потом был еще лук, – сказала Клара.

– Лук?

– Когда я пришла в дом Бена на следующий день после убийства Джейн, он жарил лук для соуса чили. Но Бен прежде никогда не готовил. И я, будучи эгоисткой, поверила ему, когда он сказал, что делает это ради меня. Я зашла в одну из его комнат и почувствовала запах чистящей жидкости, – вернее, я подумала, что это чистящая жидкость. Такой успокаивающий запах, который убеждает тебя, что все чисто и ухожено. Я решила, что Нелли приходила к нему и сделала уборку. А потом я говорила

с Нелли, и она сказала, что Уэйн был очень болен и она вот уже целую неделю нигде не убирала. Вероятно, Бен пользовался растворителем, а с помощью лука хотел скрыть запах.

– Именно так, – подтвердил Гамаш, отхлебнув пива. – Он взял «Ярмарочный день» из галереи в Уильямсбурге в ту субботу после обеда, затер собственное лицо и нарисовал другое. Вот только с выбором лица он совершил ошибку. И еще он использовал собственные краски, а у Джейн были другие. Потом он вернул картину в галерею, но теперь ему нужно было убить Джейн, прежде чем она увидит изменения.

– Благодаря вам, – обратилась к Гамашу Клара, – мне все стало ясней ясного. Вы все время спрашивали, кто еще видел работу Джейн. И я вспомнила, что Бен за тем обедом спрашивал у Джейн, не возражает ли она, если он съездит в Уильямсбург посмотреть ее картину.

– Ты думаешь, он уже в тот вечер начал подозревать? – спросила Мирна.

– Вероятно, он почувствовал какое-то беспокойство. Его больная совесть сыграла с ним злую шутку. Нужно было видеть выражение его лица, когда Джейн сказала, что на картине изображено шествие и в ней имеется скрытое послание. При этом она посмотрела на него.

– И еще у него был странный вид, когда он читал это стихотворение, – вспомнила Мирна.

– Какое стихотворение? – спросил Гамаш.

– Из Одена. Я вон там вижу эту книгу – в стопке рядом с тобой, Клара. «Избранные сочинения У. Х. Одена».

Клара передала увесистый том Мирне.

– Вот оно, – сказала Мирна.

Она прочитала из стихотворения, которое Оден посвятил Герману Мелвиллу:

Зло некрасиво и непременно человекообразно:
Спит с нами в постели и ест за нашим столом.

Питер потянулся за книгой и прочитал начало стихотворения – ту его часть, которую не продекламировала тогда Джейн:

На склоне лет он взял курс на кротость,
Причалил к супружеской суше,
Заякорился за женину руку,

Плавал каждое утро в контору,
Где заколдованные архипелаги расплывались на бумаге.
В мире было добро – и это открытие
Брезжило перед ним в порастаявшем тумане страха…[62]

Питер смотрел в камин, слушая знакомые голоса. Он тихонько положил закладку на эту страницу и закрыл книгу.

– Он, как параноик, всюду видел скрытые послания, – сказал Гамаш. – У Бена были и возможность, и умение, чтобы убить Джейн. Он жил очень близко от здания старой школы и мог незамеченным войти туда, взять рекурсивный лук и две стрелы, заменить наконечник со спортивного на охотничий, потом выманить Джейн из дома и убить ее.

Эта картинка стояла перед глазами Питера. Он опустил голову. Не мог смотреть на людей. Как он умудрился не знать этого о своем лучшем друге?

– А как он выманил туда Джейн?

– Телефонный звонок. Джейн целиком и полностью доверяла ему. Она не стала задавать ему никаких вопросов, когда он попросил ее подойти к оленьей тропке. Сказал ей, что в лесу браконьеры, так что Люси брать не стоит. И она, не задумываясь, пошла.

Вот к чему ведет вера и дружба, преданность и любовь, думал Питер. Тебя обманывают. Предают. Ранят так глубоко, что ты и дышать не может. А иногда это убивает тебя. А то и хуже. Это убивает людей, которых ты любишь сильнее всего в жизни. Бен чуть не убил Клару. А Питер доверял Бену. И вот что из этого вышло. Больше никогда он не попадется на эту удочку. Гамаш был прав насчет Матфея 10: 36.

– А почему он убил собственную мать? – спросила Рут.

– Ну, это самая старая история, – сказал Гамаш.

– Бен был проституткой мужского пола?! – вскричал Габри.

– Это называется «самая древняя профессия». Каким местом ты думаешь? – спросила Рут. – Не трудись отвечать на этот вопрос.

– Корысть, – объяснил Гамаш. – Я должен был сообразить раньше, после нашего разговора в вашем магазине, – сказал он Мирне. – Вы говорили об одном личностном типе. О людях, которые ведут «тихую» жизнь. Помните?

– Да, помню. Люди, которые не растут и не эволюционируют, стоят на месте. Такие люди редко чего-то добиваются.

– Вот-вот, об этом и шла речь, – сказал Гамаш. – Они ждут, когда в их жизни что-нибудь случится. Или что-то их излечит. Они ничего для себя не

делают.

– Это Бен, – произнес Питер.

Практически это были его первые слова за день.

– Да, Бен, – кивнул Гамаш. – Я думаю, Джейн понимала это. – Он встал и подошел к стене. – Вот здесь она изобразила Бена. Вы обратили внимание, что он в шортах? Как маленький мальчик. И он высечен в камне. Неподвижен. Смотрит на родительский дом, на прошлое. Теперь, конечно, это стало ясно, но раньше я этого не понимал.

– Но мы-то почему этого не понимали? Ведь мы видели его каждый день, – сказала Клара.

– А почему вы должны были понимать? Вы жили своей занятой жизнью. И потом, в этом изображении Бена есть кое-что еще. – Он дал им подумать несколько секунд.

– Тень, – выпалил Питер.

– Да. От него отходит длинная темная тень. И его темнота влияла на других.

– Влияла на меня, вы хотите сказать, – проговорил Питер.

– Да. И на Клару. И почти на всех. Он был очень умен, производил впечатление человека толерантного и доброго, хотя на самом деле был очень темен и коварен.

– Но почему он убил Тиммер? – снова спросила Рут.

– Она собиралась изменить завещание. Не совсем лишить его наследства, но оставить лишь на жизнь, чтобы он чем-нибудь наконец занялся. Она знала, каким человеком он стал, знала про его ложь, леность, предлоги, которые он находил, чтобы ничего не делать. Но она всегда чувствовала себя ответственной. Пока не познакомилась с вами, Мирна. Вы с Тиммер много говорили о таких делах. Я думаю, ваши соображения навели ее на мысли о Бене. Она давно знала, что он – большая проблема, но она считала, что это такая пассивная проблема. Единственный человек, кому он приносил вред, – это он сам. И она, поскольку он всем лгал про нее…

– Она знала, что говорит о ней Бен? – спросила Клара.

– Да. Когда мы допрашивали Бена, он сам сказал об этом. Признался, что сеял ложь о собственной матери с самого детства – так он хотел завоевать сочувствие. Но он не видел в этом ничего плохого. «Это вполне могло быть правдой» – так он об этом сказал. Вот, например, – Гамаш повернулся к Питеру, – он говорил вам, что его мать настояла на его отправке в школу-интернат, а на самом деле он сам умолял ее об этом. Хотел таким образом наказать мать – пусть чувствует, что в ней нет нужды.

Я думаю, Мирна, что ваши разговоры с Тиммер стали настоящим поворотным пунктом в ее жизни. До вас она винила себя в том, что жизнь у Бена не сложилась. Она почти верила в его обвинения, считала себя ужасной матерью. И думала, что в долгу перед ним. Поэтому она и позволяла ему всю жизнь жить в ее доме.

– Тебе это не казалось странным? – спросила Мирна у Клары.

– Нет. Сейчас просто невозможно оглянуться назад и понять. Просто Бен там всегда жил. И потом, он говорил, что мать не отпускает его. Мне казалось, это своего рода эмоциональный шантаж. Я верила всему, что он говорит. – Клара недоуменно покачала головой. – А когда Бен переехал к попечителю, он сказал нам, что она вышвырнула его, потому что он осмелился ей возражать.

– И ты в это верила? – тихо спросила Рут. – А кто покупал ваши картины, чтобы вы смогли купить дом? Кто дал вам мебель? Кто приглашал вас на обеды, чтобы вы со всеми познакомились, и кормил вас хорошей едой – ведь она знала, что вы чуть ли не голодаете? Кто каждый раз вежливо тебя выслушивал? Кто задавал заинтересованные вопросы? Да я бы могла всю ночь перечислять. Неужели ничто из этого не произвело на тебя впечатления? Неужели ты настолько слепа – и все скрыто от тебя?

«Ну вот, – подумала Клара, – опять скрыто. Скрадок».

Это было гораздо хуже всех травм, что нанес ей Бен. Рут смотрела на нее очень сурово. Ну почему они были такими доверчивыми? Почему слова Бена оказались сильнее, чем действия Тиммер? Рут права. Тиммер была толерантна, добра и щедра.

Клару пробрала дрожь, когда она поняла, что Бен давным-давно начал убивать свою мать.

– Ты права. Я виновата. Даже змеи. Я и в змей верила.

– Змеи? – спросил Питер. – Какие змеи?

Клара покачала головой. Бен лгал ей и использовал имя Питера, чтобы подтвердить свою ложь. Почему он ей сказал, что в подвале материнского дома живут змеи? Зачем он выдумал эту историю о себе, Питере и змеях? Ясно для чего: чтобы в еще большей степени выглядеть жертвой, героем. А она была всегда готова поверить его словам. «Бедный Бен» – так они про него говорили. А Бен и хотел быть бедным, хотя, как выяснилось, не в буквальном смысле этого слова.

Когда включили свет, оказалось, что подвал в доме Тиммер чист и ничего такого в нем нет – никаких змеиных гнезд. Ничто там не ползало, кроме самого Бена. «Змеи», свисавшие с потолка, оказались проводами, а пинала и расшвыривала Клара куски садового шланга. Сила воображения

никогда не переставала удивлять ее.

– Я ошибся – и это стало еще одной причиной, по которой я так поздно во всем разобрался, – сказал Гамаш. – Это была серьезная ошибка. Я думал, он в вас влюблен, Клара. Такая романтическая любовь. Я даже спросил его об этом. Вместо того чтобы спросить, как он к вам относится, я спросил, как давно он вас любит. Я дал ему необходимый предлог для всех этих настороженных взглядов. Он украдкой посматривал на вас не из страсти, а из страха. Он знал, насколько сильна ваша интуиция. Понимал: если кто и догадается, то вы в первую очередь. Но я дал ему возможность сорваться с крючка и позволил провести меня.

– Но в конечном счете вы во всем разобрались, – сказала Клара. – Бен хоть понимает, что он сделал?

– Нет, он убежден, что обстоятельства его абсолютно оправдывают. Деньги Хадли принадлежали ему. Собственность Хадли тоже была его. А мать просто опекала имущество до передачи сыну. Мысль о том, что он не получит наследства, показалась ему настолько немыслимой, что у него не оставалось выбора – только убить ее. И разве он виноват, что она поставила его в такую ситуацию? Она сама виновата в своей смерти.

Оливье вздрогнул:

– Он казался таким незлобивым.

– Он таким и был, – сказал Гамаш. – Пока вы не возражали ему или пока он получал все, что хотел. Он был ребенком. Он убил мать ради денег. И убил Джейн, вообразив, что она в своем «Ярмарочном дне» хочет перед всем миром обвинить его в убийстве.

– Какая ирония, – заметил Питер. – Он думал, что его лицо на «Ярмарочном дне» выдаст его, но его выдало как раз то, что он стер свое лицо. Если бы он не трогал картину, то никто ни о чем бы и не догадался. Бен всю жизнь был бездеятельным. А когда наконец решился на что-то, то сам и вынес себе приговор.

Рут Зардо медленно, мучительно поднималась по холму, рядом с ней на поводке шла Дейзи. Она добровольно взяла себе собаку Бена, и это решение удивило ее больше, чем кого-либо другого. Но она чувствовала, что должна это сделать. Две дурно пахнущие старухи. Они двигались по неровной тропинке, стараясь не поскользнуться на недавно выпавшем снежке и не вывернуть коленку или не сломать бедро.

Она услышала ее, прежде чем увидела. Молельную палочку с яркими ленточками, трепещущими на ветру. Привязанные к лентам дары взлетали в воздух, ударялись друг о дружку. Как истинные друзья, которые

сталкиваются, иногда до боли, но никогда не желают друг другу зла. Рут взяла в руки старую фотографию, изображение на которой почти стерлось ветром и дождем. Она шестьдесят лет не смотрела на эту фотографию – с того самого дня, когда сделала этот снимок на ярмарке. Джейн и Андреаш, полные радости. А сзади Тиммер, смотрит прямо в камеру, на Рут, которая держит камеру, – смотрит и хмурится. Рут много лет назад знала, что Тиммер все известно. Юная Рут предала Джейн. А теперь Тиммер умерла. И Андреаш умер. И Джейн умерла. И Рут чувствовала, что ей, наверное, тоже пора. Она выронила из руки старую фотографию, и та пустилась в пляску вместе с другими подарками.

Рут вытащила из кармана книгу, которую взяла себе в дар от Джейн. С книгой она достала и конверт, завещанный ей Джейн. Внутри была открытка, нарисованная Джейн, почти копия того, что обнаружилось на стене в гостиной. Только вместо двух юных обнимающихся девушек на открытке обнимались две старухи. Две старые женщины держали друг друга в объятиях. Рут сунула открытку в книгу, потрепанную старую книгу, пахнущую туалетной водой «Флорис».

Дрожащим голосом Рут принялась читать вслух, ее слова подхватывал ветер, играл ими среди снежинок и разноцветных лент. Дейзи с восторгом смотрела на нее.

Гамаш сидел в бистро – пришел попрощаться и, может быть, перед отъездом в Монреаль купить одну-две лакричные трубочки. Оливье с Габри оживленно спорили, куда им поставить великолепный уэльский буфет, выбранный Оливье в доме Джейн. Оливье пытался его не брать. Строго выговаривал себе, убеждал себя не быть корыстным и не выносить из дома Джейн лучшую вещь.

Он упрашивал себя: «Ну возьми ты на этот раз что-нибудь символическое. Что-нибудь маленькое в память о ней. Какую-нибудь фарфоровую штучку. Но не уэльский буфет. Но не уэльский буфет».

– Ну почему нам не поставить эту прелесть в гостинице? – сетовал Габри.

Они с Оливье обходили бистро в поисках наиболее подходящего места для уэльского буфета. Наконец, увидев Гамаша, они подошли к нему. У Габри был вопрос:

– А нас вы не подозревали?

Гамаш посмотрел на эту пару: один – громадный и энергичный, другой – стройный и сдержанный.

– Нет, я думаю, что вам обоим жестокость других часто доставляла

страдания, а потому вы сами не можете быть жестокими. По моим наблюдениям, люди, которые претерпели от других, либо смиряются с этим и сами становятся агрессивными, либо проникаются необыкновенной добротой. Вы не из тех, кто способен на убийство. Хотелось бы мне то же самое сказать и про всех остальных.

– Что вы имеете в виду? – спросил Оливье.

– Что вы имеете в виду? – спросил Габри.

– Ну, вы ведь не ждете от меня, что я и в самом деле скажу вам, правда? И потом, этот человек, возможно, никогда ничего такого и не сделает.

Наблюдательный глаз Габри говорил ему, что у Гамаша неуверенный, даже слегка опасливый вид.

В этот момент появилась Мирна и попросила горячего шоколада.

– У меня к вам вопрос, старший инспектор, – сказала Мирна, сделав заказ. – А что с Филиппом? Почему он так обошелся со своим отцом?

Гамаш пока не был уверен, стоит ли говорить об этом. Изабель Лакост отправила на экспертизу вещь, которая была прикреплена сзади к постеру в рамочке в спальне Бернара, и результаты уже были получены. Там повсюду обнаружились пальцы Филиппа. Гамаша это не удивило. Бернар Маленфан шантажировал Филиппа.

Но Гамаш знал, что поведение Филиппа изменилось еще раньше. Из счастливого, доброго мальчишки он превратился в угрюмого, жестокого, глубоко несчастного подростка. Гамаш догадывался о причине, и вот теперь журнал подтвердил его догадки. Филипп не ненавидел отца. Вовсе нет. Он ненавидел себя, а злость вымещал на отце.

– Извините, – сказал Гамаш. – Я не могу вам это сказать.

Гамаш надел куртку, и Оливье с Габри подошли к нему.

– Нам кажется, мы знаем, почему Филипп вел себя таким образом, – сказал Габри. – Мы записали нашу догадку на этом вот листе бумаги. Если мы правы, не могли бы вы просто кивнуть?

Гамаш развернул лист, прочитал, потом снова сложил и сунул в карман. Подойдя к двери, он повернулся и посмотрел на Габри и Оливье, которые стояли плечом к плечу, едва касаясь друг друга. И хотя все его существо противилось этому, Гамаш кивнул. Он никогда не пожалел об этом.

Они проводили взглядом Армана Гамаша, который, хромая, дошел до своей машины и уехал. Габри сел, погрузившись в печаль. Он уже некоторое время знал про Филиппа. И случай с птичьим пометом странным образом подтвердил это. Поэтому-то они и решили пригласить Филиппа в

бистро подработать и отдать долг. Здесь они могли наблюдать за ним. Но что еще важнее, здесь он мог наблюдать за ними. И видеть, что его не обманывают.

– Ну что ж, – Оливье погладил руку Габри, – по крайней мере, у тебя будет еще один гном, если когда-нибудь решишь поставить «Волшебника страны Оз».

– Это именно то, что нужно деревне: еще один дружок Дороти.

– Это тебе.

Клара достала из-за спины большую стилизованную фотографию, сделанную послойно на компьютере, а потом выведенную на принтер. Она засияла, увидев, как Питер уставился на фото. Но улыбка медленно сошла с ее лица. Он не понял. Ничего необычного в этом не было, он редко понимал ее работы. Однако она надеялась, что в этот раз будет иначе. Она дарила ему не только фотографию, но и доверие – ведь она показывала ему свою работу. Ее искусство было настолько мучительно личным – большей откровенности и представить было нельзя. Прежде она утаивала от Питера свое приключение в скрадке у оленьей тропки и многое другое, а теперь хотела показать ему, что была не права. Она любила его, верила ему.

Он уставился на странную фотографию: ящик на ходулях, словно домик для детских игр. Внутри лежал камень или яйцо – не разобрать. Это было так похоже на Клару, всякие недосказанности. И вся эта штука крутилась. У него даже тошнота подступила к горлу.

– Это скрадок, – сказала Клара, как будто этим все объяснялось.

Питер не знал, что ей ответить. За последнюю неделю им почти нечего было сказать друг другу.

Клара не знала, стоит ли объяснять ему про этот камень и про то, что он символизирует смерть. Но этот предмет мог быть и яйцом. Символом жизни. Так чем он был? В этой-то двусмысленности и состояла прелесть работы. До сегодняшнего утра этот детский домик был статичен, но все недавние разговоры о людях, которые остановились в своем развитии, натолкнули Клару на мысль о вращающемся домике, маленькой планете со своей собственной гравитацией, собственной реальностью. Как и в большинстве домов, жизнь и смерть были в нем неразделимы. И последняя аллюзия. Дом был аллегорией личности. Автопортрет наших выборов. И наших скрадков.

Питер не понял этого. Даже и не попытался. Он оставил Клару наедине с ее творением, и ни один из них не ведал тогда, что придет время – и Клара станет знаменитой благодаря этой работе.

Она проследила за тем, как он без особой целеустремленности направился в свою мастерскую и закрыл за собой дверь. Клара знала, что настанет день, и Питер покинет свой стерильный остров и вернется на этот грязный материк. А она, как всегда, будет ждать его возвращения с распростертыми объятиями.

Усевшись в гостиной, Клара вытащила из кармана лист бумаги. Записка была адресована священнику Святого Томаса. Клара зачеркнула написанное, а ниже начертала печатными буквами другое. Потом надела куртку и поднялась по холму в церковь, протянула бумагу священнику и вышла на свежий воздух.

Преподобный Джеймс Моррис развернул лист бумаги и прочел. Это был текст для надгробия на могилу Джейн. Наверху листа было написано: «Матфей, 10: 36», но потом зачеркнуто и написано что-то иное. Преподобный открыл Библию и прочел тридцать шестой стих из десятой главы Евангелия от Матфея:

«И враги человеку – домашние его».

Новый текст гласил:

«Настигнутая радостью».

На вершине холма Арман Гамаш остановил машину и вышел. Обвел взглядом деревню, и сердце его радостно забилось. Он смотрел на крыши и представлял себе хороших, добрых, грешных людей, живущих своей нелегкой жизнью. Люди выгуливали собак, сгребали в кучи груды осенних листьев, спешили под неторопливым снежком. Они делали покупки в магазине месье Боливо, брали французские батоны в пекарне Сары. Оливье стоял в дверях бистро и вытряхивал скатерть. Жизнь здесь была далеко не ужасной. Но и тихой ее тоже нельзя было назвать.

Благодарности

С благодарностью моему мужу Майклу, который создал для нас жизнь, полную любви и доброты. Благодаря ему я смогла оставить работу и делать вид, что пишу; кроме того, он щедро хвалил меня, хотя я и писала чушь. Я поняла, что критиком может быть кто угодно, но похвалить может лишь человек выдающихся достоинств. Таким человеком и является Майкл. Как и Лиз Дэвидсон, моя замечательная подруга и вдохновитель. Она позволила мне похитить ее жизнь, ее время, ее поэзию и ее блестящее искусство. А за это ей пришлось выслушивать все те глупости, что я позволяла себе в своей нарождающейся книге. Какое везение. Я благодарна ее мужу Джону Баллантайну, который тоже позволил мне украсть его жизнь, благодарна Маргарет Баллантайн-Пауэр – она мне скорее сестра, чем друг, – за ее многолетнюю поддержку, благодарна Шэрон и Джиму, которые не упускали случая порадоваться со мной. Мое спасибо веселым и накачанным кофе членам «Ле Гёрлз»: Лиз, Франс, Мишель, Джоанн, Кристине, Дафне, Бриджит, а особая благодарность Черил за ее любовь и индийский молебен за «Убийственно тихую жизнь». Моя благодарность «Книжному клубу без правил», Кристине Дэвидсон Ричардс, Кирку Лоренсу, Шейле Фишман, Нейлу Маккентри, Коттон Эймерс, а также Сью и Майку Ридделл. Благодарность Крису Рою за его уроки стрельбы из лука и отношение ко мне, как показалось, без иронии.

Мои братья Роб и Дуг, а также их семьи не скупились на любовь и поддержку.

Роман «Убийственно тихая жизнь» никогда бы не был замечен среди многих других замечательных неопубликованных романов, если бы не помощь Британской ассоциации детективных писателей, которая в свое время учредило премию «Дебютный кинжал» за неопубликованный первый роман. Я почти уверена, что мой роман не был бы замечен, не будь он включен шорт-лист премии, а потом, в 2004 году, не получил бы статуса «Весьма рекомендуемого», заняв второе место в «Дебютном кинжале». Ничего замечательнее со мной до этого не происходило. Жюри премии представляет собой группу успешных писателей, которые находят время читать, поддерживать и стимулировать новых авторов, пишущих в детективном жанре. Они дали мне возможность, какой у большинства из них никогда не было, и я всегда буду им благодарна. И еще я знаю, что это дар, который и меня обязывает быть щедрой.

Мой редактор в «Ходдер Хедлайн» – Шериз Хоббс, а в «Сент-Мартин Минотавр» – Бен Севьер. Своими критическими замечаниями, настойчивыми предложениями и энтузиазмом они значительно улучшили «Убийственно тихую жизнь». Работать с ними – удовольствие и учеба.

Моя благодарность Ким Артур за то, что она взяла меня под свое литературное крыло.

И наконец, мой литературный агент Тереза Крис. Исключительно благодаря ее усилиям вы теперь можете держать «Убийственно тихую жизнь» в руках. Тереза блестящая и веселая, энергичная до бесконечности и ко всему этому литературный агент высшего класса. Мне повезло работать с ней, в особенности с учетом того, что я выжала из нее все соки при первой встрече. Впрочем, не рекомендую новичкам прибегать к такой стратегии, хотя в моем случае это и сработало.

Спасибо, Тереза.

В моей жизни был период, когда я не имела друзей, когда мой телефон не звонил, когда я думала, что умру от одиночества. Я знаю, что главная радость здесь не в том, что мой роман опубликован, а в том, что я питаю благодарность к такому числу людей.

---

notes

Примечания

1

Кофе с молоком *(фр.)*.

2

Боже мой *(фр.)*.

3

Кармен Миранда (1909–1955) – бразильская певица и танцовщица, известна своими экзотическими костюмами и шляпками с муляжами фруктов.

4

Ну хорошо *(фр.)*.

5

Тачбол (от touch-football) – упрощенный вид американского футбола.

6

Нарния – волшебная страна из цикла сказок Клайва Льюиса «Хроники Нарнии».

7

Квентин Крисп (1908–1999) – английский писатель и актер, «гей-икона» своего времени.

8

Уистен Хью Оден (1907–1973) – англо-американский поэт.

9

Вита Сэквилл-Уэст (1892–1962) – английский автор, поэтесса, известна своим богемным образом жизни и бисексуальностью, широко известен ее страстный роман с Вирджинией Вулф.

10

Здесь: да, конечно *(фр.)*.

11

Мое сердце *(фр.)*.

12

Известный в Канаде ресторан быстрого питания.

13

До свидания *(фр.)*.

14

Гастроном *(фр.)*.

15

Магазин, пекарня *(фр.)*.

16

Лоялистами в Канаде называют американцев, оставшихся преданными английскому королю после американской революции. Немалая часть лоялистов переселилась в Канаду, сохранившую верность английской короне.

17

Абенаки – индейское племя, обитающее на территории США и Канады.

18

Боже мой, это просто невероятно *(фр.)*.

19

Имеется в виду референдум об отделении франкоязычной части Канады от англоязычной.

20

Квебекский департамент французского языка *(фр.)*. Учреждение, организованное правительством провинции Квебек и занимающееся регулированием правил употребления французского языка в Квебеке с целью придать ему статус единственного официального.

21

Квадратноголовые *(фр.)*. Презрительное прозвище английского меньшинства в Квебеке.

22

Старший инспектор *Жак Клузо* – кинематографический комедийный персонаж, герой серии «Розовая пантера».

23

«Лэндс Энд» – название американской торговой сети, специализирующейся на повседневной одежде.

24

Здесь: канадско-французское ругательство.

25

«Борьба всех звезд» – рекламная кампания, проводимая с целью пропаганды спортивной борьбы.

26

Bella – в переводе с итальянского означает «красавица».

27

Сожалею. Извините.

28

Плотный поздний завтрак (от breakfast – завтрак, lunch – ланч).

29

Речь идет о серии радиопостановок «Тень».

30

Имеется в виду библейский персонаж, проглоченный китом.

31

«Ли Вэлли» – канадская фирма, специализирующаяся на производстве инструментов для работы по дереву и садоводства.

32

«Лоблоуз», «Ай-джи-эй», «Провиго» – сетевые канадские продовольственные магазины.

33

Точка *(фр.)*.

34

Безусловно *(фр.)*.

35

«Эншур» – название пищевой добавки.

36

Шекспир У. Юлий Цезарь. Акт 1, сцена 2.

37

Слова из английской морской песни, которая пелась при исполнении разных работ на корабле. Аналог русской песни «Эй, ухнем».

38

Здравствуйте, мои дорогие *(фр.)*.

39

Майкл Иннес (1906–1994) – английский (шотландский) писатель, переводчик, историк литературы.

40

Канадский щит – выступ докембрийского фундамента, занимающий северную половину Северо-Американской (Канадской) платформы.

41

Конечно *(фр.)*.

42

Понятно *(фр.)*.

43

Здесь: послушайте *(фр.)*.

44

Тимоти Фрэнсис Лири (1920–1996) – американский писатель, психолог, участвовал в кампании по исследованиям психоделических препаратов, разработчик программного обеспечения для психологических тестов.

45

Англичане *(фр.)*.

46

Аббот «Эбби» Хоффман (1936–1989) – американский политический активист, основатель Молодежной международной партии.

47

Послушайте *(фр.)*.

48

Это невероятно *(фр.)*.

49

Это последние слова Оскара Уайльда, который умирал в номере французского отеля, обклеенного безвкусными обоями.

50

«Золотая квадратная миля» – престижный район в Монреале.

51

Ежегодный бал, устраиваемый канадско-шотландским обществом.

52

Верно? *(фр.)*

53

Перевод В. Кормана.

54

Ли Хант (1784–1859) – английский эссеист, журналист, поэт, драматург, критик.

55

Джулия Чайльд (1912–2004) – американский телевизионный персонаж, ведущая кулинарных шоу.

56

Ноэл Пирс Кауард (1899–1973) – английский драматург, актер, композитор и режиссер.

57

Момента истины *(фр.)*.

58

Блестяще. Удивительно. Великолепно *(фр.)*.

59

Маргарет Этвуд (р. 1939) – канадская писательница, известная активистка-эколог. *Мартин Брайан Малруни* (р. 1939) – премьер-министр Канады с 1984 по 1993 г.

60

Название монреальского музея искусств.

61

Название песни, популярной в 1980-е годы.

62

Перевод В. Топорова.